

390/47

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

АРИСТОТЕЛЯ.

ВЫПУСКЪ I.

ИЗСЛѢДОВАНІЕ О ДУШѢ

(Περὶ ψυχῆς ἱστορία).

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

В. Снегирева.

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1885.

150
81

390/41

ПСИХОЛОГИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ

АРИСТОТЕЛЯ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ГРЕЧЕСКАГО

В. Снегирева.

226622

УДРЕНО
1936 г.

Проверено в 1967

72

КАЗАНЬ.

Типографія Императорскаго Университета.

1885.

2010

109
A 815

~~11/11/74~~

120
1874

ИСТОРИКО-ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ

А Р Х И В

По определению историко-филологического факультета печатать
дозволяется 19 ноября 1874 года.

Историко-филологический факультет

Декаанъ И. Добротворскій.

И. Добротворскій

Историко-филологический факультет

120
1874
11/11/74

Историко-филологический факультет

Историко-филологический факультет

1874

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Психологическія сочиненія Аристотеля, принадлежащія, вмѣстѣ съ сочиненіями, относящимися къ логикѣ, къ числу лучшихъ его произведеній, представляютъ, во всѣхъ отношеніяхъ, въ высшей степени замѣчательный памятникъ научнаго творчества классической древности, заслуживающій вниманія всякаго, интересующагося исторіею науки, не только спеціалиста-психолога. Это первый опытъ спеціальнаго изслѣдованія психическихъ явленій, изслѣдованія методическаго, основывающагося на наблюденіи фактовъ психической жизни во всѣхъ главныхъ ея проявленіяхъ⁽¹⁾. Имъ не только полагается прочное основаніе науки о душѣ, какъ отдѣльной самостоятельной отрасли эмпирическаго знанія и философіи, но опредѣляется планъ, содержаніе и характеръ всѣхъ послѣдующихъ изслѣдованій психологическихъ въ теченіи всѣхъ среднихъ вѣковъ и даже въ новое время у философовъ идеалистовъ—съ Декарта до Гегеля включительно. Начиная съ перваго вѣка предъ Р. Х., — со времени изданія Андроникомъ Родосскимъ⁽²⁾ въ полномъ собраніи

⁽¹⁾ Правда, по свидѣтельству Діогена Лаэртія еще Демокритъ написалъ нѣсколько спеціальныхъ сочиненій, относящихся къ психологіи (*περὶ ἀνθρώπων φύσεως ἢ περὶ σαρκὸς β', περὶ νῦν, περὶ αἰσθησέων*. Таῦτα τίνες ὀμῆ γραφόντες, прибавляетъ Діогенъ, *περὶ ψυχῆς ἐπιμυράφωσι*. Diog. Laërt. IX, с. 7. 46). Но эти сочиненія по своему характеру, насколько онъ извѣстенъ, не могутъ считаться научнымъ и методическимъ изслѣдованіемъ фактовъ психическихъ. То же самое нужно сказать о психологическихъ діалогахъ Платона.

⁽²⁾ Около 70 г. до Р. Х. Если сказаніе о судьбѣ сочиненій Аристотеля, долго будто-бы лежавшихъ въ подвалѣ, и не вѣрно—фактъ

сочиненій Аристотеля, психологическія сочиненія этого философа начинаютъ воспроизводиться въ изслѣдованіяхъ другихъ мыслителей сначала по частямъ и въ отрывкахъ, какъ у Филона ⁽¹⁾, Плотина, Порфирія, потомъ цѣликомъ — въ формѣ комментаріевъ и парафразовъ, важнѣйшіе изъ которыхъ суть комментаріи Александра Афродисскаго ⁽²⁾, Θεμισтія ⁽³⁾, Филопона ⁽⁴⁾ и Симплиція ⁽⁵⁾. Въ этихъ заимствованіяхъ и воспроизведеніяхъ психологическая теорія Аристотеля подвергается нечувствительно существеннымъ измѣненіямъ: она незамѣтно сливается съ платоновскою и неоплатоническою метафизикою души, чему способствуетъ ученіе Аристотеля объ умѣ „дѣятельномъ“ и нѣсколько мимоходомъ сказанныхъ словъ о его особенной, высшей природѣ ⁽⁶⁾. Въ этой измѣненной формѣ психологія Аристотелевская усвояна была и христіанскими писателями, что особенно ясно изъ психологическаго сочиненія Григорія Нисскаго ⁽⁷⁾ и еще болѣе — Намезія ⁽⁸⁾, и такимъ образомъ слилась съ христіанскою антропологіею и имѣла вліяніе на формальную обработку многихъ догматовъ. Въ неоплатонической переработкѣ психологія Аристотеля за тѣмъ перешла въ арабскимъ философамъ, которые тоже комментировали его психологическія сочиненія. Важнѣйшій изъ этихъ комментаріевъ есть комментарий Ибнъ-Рошда или Аверроеса ⁽⁹⁾, который переведенъ былъ въ первой половинѣ XIII вѣка на латинскій языкъ и, вмѣстѣ съ произведеніями въ томъ же родѣ Авиценны, послужилъ главнымъ источникомъ для психологовъ

собранія и изданія ихъ Андроникомъ не подлежитъ сомнѣнію; также и то, что они съ этого времени становятся общеизвѣстными. См. Grote Aristotle. T. I. 30—37. Zeller. Die Phil. d. Griechenlands. T. II. 81—93.

⁽¹⁾ Carus. Gesch. der Psychologie 365. S.

⁽²⁾ Александръ составилъ также по образцу Аристотеля двѣ книги о душѣ. Его *Ἐπιόμνημα* на *περὶ ψυχῆς* — не сохранился, также *Ἐπιόμνημα* *εἰς τὸ περὶ αἰσθητικῆς*. Fabricius. Bibl. Graec. T. V. 605.

⁽³⁾ *Ἐπιόμνημα* на *περὶ ψυχῆς* и трактатъ *περὶ μνήμης καὶ ἀναμνήσεως*. Phot. Bibl. Cod. 74 p. Изданіе Мина.

⁽⁴⁾ Около сред. VI вѣка. Fabric. Bib. Graec. T. X. 647 p.

⁽⁵⁾ Krug. Philos. Lexicon. T. III. 755.

⁽⁶⁾ De An. Lib. I, c. IV, n. 43. Lib. III, c. 5.

⁽⁷⁾ *Περὶ ἀνθρώπου κατασκευῆς*. Patr. curs. completus. T. 44.

⁽⁸⁾ *Περὶ φύσεως ἀνθρώπου*. Bibl. veter. patr. Gollandi. T. VII.

⁽⁹⁾ Stöckl. Gesch. d. Philos. d. Mittelalt.

схоластиковъ (¹). По образцу его составленъ въ средніе вѣка цѣлый рядъ комментаріевъ на психологическія сочиненія Аристотеля, текстъ которыхъ подлинный не былъ извѣстенъ и брался въ томъ видѣ, въ какомъ былъ онъ у Авицены и Аверроеса. Важнѣйшіе изъ этихъ комментаріевъ принадлежатъ: Алберту Великому (²), Томѣ Аквинату (³), Эгидію Калоннѣ (⁴), аббату Гумберту (⁵), Дунсъ Скотусу (⁶), Буридану (⁷). Преподаваніе психологіи въ средневѣковыхъ университетахъ тоже состояло въ комментированіи сочиненій психологическихъ Аристотеля, сначала по латинскимъ переводамъ его съ арабскаго, а потомъ и въ подлинномъ видѣ (⁸). Рядомъ съ комментаріями являлись и самостоятельные опыты построенія психологіи; но для нихъ главнымъ источникомъ были тѣ же комментаріи. Этихъ опытовъ особенно много явилось въ эпоху возрожденія (⁹), когда и наука о душѣ получила свое нынѣшнее названіе—психологіи (¹⁰). Къ прибавкамъ неоплатоническимъ, арабскимъ и дополненіямъ христіанскихъ писателей первыхъ вѣковъ схоластики прибавили не мало своихъ собственныхъ измышленій и все это построили въ стройную систему. Эта-то система и извѣстна подъ именемъ схоластической психологіи, также аристотеле-схоластической; но иногда называется, совершенно несправедливо аристотелевскою, потому что эта послѣдняя была только, такъ сказать, поводомъ къ созданію первой и дала ей часть содержанія. Система схоластической психологіи есть созданіе вполне искусственное, мертвое, имѣющее весьма мало отношенія къ дѣйствительнымъ фактамъ душевной жизни, потому съ самаго начала новой философіи выражается стремленіе и дѣлаются попытки преобразовать ее. Но эти попытки у Декарта, Вольфа, Канта не приводятъ ни къ че-

(¹) Renan. Averroës et averroïsm. Ch. II.

(²) De anima libri III; parva naturalia Stöckl. O. c.

(³) Commentarius de anima; commentarius de parvis naturalibus. Ibid.

(⁴) Commentarius in Aristotelis de anima. Ibid.

(⁵) Commentarius de anima. Ibid.

(⁶) Quaestiones in libros de anima. Ibid.

(⁷) Commentarius de anima: parva naturalia. Ibid.

(⁸) Hamilton. Lectures on Metaph. T. I. 127 p.

(⁹) Carus Gesch. der Psychol. 433—456.

(¹⁰) Ibid. 453. Въ первый разъ это названіе явилось у Отто Гасмана.

му существенному. Прибавляется нѣчто новое, особенно въ ученіи объ ощущеніяхъ, благодаря успѣхамъ физиологій, а сущность, основная идея, приемы изслѣдованія и прочее— все остается схоластическое. Такимъ образомъ психологія Аристотеля, обремененная правда чуждыми ей добавленіями и толкованіями, не потеряла значенія до настоящаго времени. Она въ этомъ видѣ глубоко проникла въ умственную жизнь западной Европы, — ея взгляды слились съ значеніемъ словъ во всѣхъ языкахъ, вошли въ составъ религіозныхъ ученій о человѣкѣ и даже о Богѣ и т. п., потому получили родъ санкціи. Все это дѣлаетъ ее тяжелымъ бременемъ и сильнымъ тормозомъ въ развитіи эмпирической науки о душѣ. Борьба съ схоластическимъ Аристотелемъ, давно оконченная съ блистательнымъ успѣхомъ въ области познанія внѣшней природы, — естествознанія, въ области науки о душѣ только еще можно сказать начинается и Аристотель схоластическій даетъ себя очень непріятно чувствовать участникамъ въ этой борьбѣ. Правда въ Англии и Шотландіи, подъ вліяніемъ Бэкона и Локка, реформаторскія попытки въ области психологіи были успѣшнѣе, чѣмъ на континентѣ Европы, и здѣсь психологія постепенно сформировалась по образцу наукъ естественныхъ⁽¹⁾, правда идея новой, чуждой всего схоластическаго, психологіи въ послѣднее время начинаетъ проникать всюду; но до полной побѣды надъ схоластикой еще очень далеко. Подъ вліяніемъ борьбы съ схоластикой образовалось самое враждебное отношеніе къ Аристотелю, на котораго вваливали всю вину пустоты и нелѣпостей схоластики. Въ слѣдъ за Бэкономъ его стали считать какимъ-то злымъ гениемъ Европы, отравившимъ ея умственную жизнь, и къ сочиненіямъ его вообще, и въ частности къ психологическимъ, стали относиться презрительно. Но съ возрастаніемъ успѣховъ новой психологіи и знакомства съ классическою древностію взглядъ этотъ мало по малу измѣнился. Оказалось, что дѣйствительная психологія Аристотеля, какъ уже замѣтилъ Кабанисъ, по основной идеѣ, отчасти по приемамъ изслѣдованія имѣетъ весьма мало общаго съ схоластическою и ея видоизмѣненіями и стоитъ весьма близко къ истиннымъ началамъ эмпирической науки о душѣ⁽²⁾, какъ она пони-

⁽¹⁾ Тронцкій. Нѣмец. психологія.

⁽²⁾ Lewes. Aristoteles.

маются у лучшихъ представителей ея новаго времени; что черезъ 20 вѣковъ онъ въ своихъ психологическихъ произведеніяхъ непосредственно примыкаетъ къ новой эмпирической психологій, тогда какъ всѣ произведенія, явившіяся съ его авторитетомъ и именемъ во все это время становятся постепенно не нужнымъ хламомъ и наборомъ словъ.

Историческая роль и судьба психологическихъ произведеній Аристотеля очевидно имѣетъ много сходства съ судьбою его логики. Аристотель, какъ извѣстно, создалъ логику, какъ и психологію, и понималъ эту науку во всей ея широтѣ. Логика была для него анализомъ процесса доказательства⁽¹⁾. Онъ ясно понималъ, что процессъ этотъ имѣетъ двѣ стороны,—выводъ общаго изъ частнаго (*επαγωγή*) и выводъ частнаго изъ общаго, онъ показалъ, что первый необходимо предшествуетъ послѣднему, что все наше знаніе проистекаетъ изъ опыта и зиждется на опытѣ⁽²⁾; но въ тоже время онъ видѣлъ, что всякая истина становится вполне несомнѣнною тогда только, когда она не только выводится изъ частнаго, но и подводится подъ общую, высшую и болѣе несомнѣнную истину, указывается какъ составная часть этой истины (*αποδείκνεται*)⁽³⁾. Такъ какъ у него не было достаточнаго количества опытовъ индуктивнаго изслѣдованія и опытная наука создавалась имъ же самимъ, то у него не было возможности отвлечь законы наведенія и подвергнуть подробному анализу этотъ процессъ, котораго значеніе онъ понималъ вполне. Его вниманіе остановилось на второй половинѣ процесса доказательства, которая вслѣдствіе особой конструкціи человѣческой мысли, есть обычный пріемъ доказыванія. Здѣсь у Аристотеля былъ богатый матеріалъ для отвлеченія общихъ законовъ,—множество простыхъ всякому доступныхъ фактовъ. И его анализъ дедуктивнаго процесса или силлогизма, не смотря на то, что онъ работалъ здѣсь почти безъ предшественниковъ⁽⁴⁾, есть совершенно законченная теорія и къ ней доселѣ не прибавлено ничего су-

(1) Anal. post. II, 19; Topica I, 1; Metaph. IV, 3.

(2) Особенно ясныя мѣста: Anal. post. I, с. 18, II, с. 19; Anal. prior. I, 10; Ethic. ad Nicom. VI, 5.

(3) Anal. post. II, с. 5.

(4) Soph. elench. с. 34.

щественно новаго и прибавить нельзя, какъ справедливо замѣтилъ Кантъ. Естественно эта часть логики Аристотеля, при послѣдовавшемъ общемъ упадкѣ творческой дѣятельности въ наукѣ, остановила на себѣ преимущественное вниманіе изслѣдователей, а его ученіе объ опытѣ и наведеніи осталось безъ всякаго вниманія. Силлогизмъ сталъ мыслиться орудіемъ науки, не нуждающимся въ предварительномъ опытѣ и наведеніи, совершенно вопреки ученію Аристотеля, и идея логики существенно была искажена. Когда Бэконъ развивалъ свою теорію наведенія, то и не подозрѣвалъ, что онъ продолжаетъ только то, что началъ Аристотель, развиваетъ его мысли, высказанныя правда кратко и обще, но весьма ясно и опредѣленно.—Подобнымъ же образомъ, Аристотель весьма широко и правильно понималъ психологію. Онъ мыслилъ ее, какъ нераздѣльную часть наукъ естественныхъ и ея метода не различалъ отъ метода физики и вообще естественно-научнаго метода⁽¹⁾, какъ онъ его понималъ. Онъ представлялъ предметъ науки о душѣ, какъ совокупность всѣхъ явленій психической жизни, составляющей принадлежность всего животнаго и даже растительнаго царства и прогрессивно развивающейся до высшихъ явленій духовной жизни человѣка. Задачею этой науки онъ ставилъ изслѣдованіе явленій душевной жизни и отысканіе общаго и неизмѣннаго въ нихъ⁽²⁾. Анализъ душевныхъ явленій онъ неразрывно связывалъ съ анализомъ физиологическихъ явленій и состояній тѣла. Но выполнить этотъ широкій и вполнѣ научный планъ Аристотель не могъ, какъ не могъ развить теоріи наведенія въ логикѣ. Признавая всю важность метода опытнаго при изслѣдованіи души, онъ на самомъ дѣлѣ не могъ приложить его во всей широтѣ и точности. Вслѣдствіе недостаточности знаній и вѣры въ силу разума, онъ не останавливался долго на наблюденіи фактовъ, не подвергалъ ихъ тому осторожному, мелочному изслѣдованію, которое необходимо для ихъ объясненія. Онъ быстро обобщалъ казавшіеся ему вѣрными факты и за тѣмъ начиналъ силлогизировать, въ чемъ онъ былъ великій мастеръ. Такъ поступалъ онъ въ физикѣ, въ исторіи

(1) De An. L. I. c. 1 n. 2, II, Metaph. V. 1.

(2) Ibid. I, 2.

животныхъ, анатоміи и т. п. (¹). Тѣ же самые недостатки оказались, и въ изслѣдованіи психическихъ явленій. И здѣсь Аристотель начинаетъ съ опредѣленія сущности души и и обобщаетъ безъ провѣрки факты и его психологія является опытною только по идеѣ, а не на самомъ дѣлѣ. При изслѣдованіи явленій обнаруживается таже поспѣшность и преобладаніе гипотетическихъ обобщеній и метафизики. Раздѣленные довольно правильно на нѣсколько группъ, явленія душевной жизни характеризуются какъ продуктъ дѣятельности скрытыхъ силъ (*dynamis*) существующихъ въ душѣ и только. Изъ всего этого легко видѣть, что планъ науки о душѣ, идея ея широка и вѣрна въ сущности, но осуществленіе ея неудачно и представляетъ дѣйствительно только основаніе и зародышъ науки какъ выражается Форляге (²). Эти двѣ стороны нужно строго различать, что бы правильно оцѣнить трудъ Аристотеля. Какъ же отнеслись къ изслѣдованію Аристотеля послѣдующіе мыслители, для которыхъ онъ былъ великимъ авторитетомъ? Они постепенно ступенивали и уничтожили первую сторону его психологіи, которая открывала широкій просторъ для развитія и усовершенствованія науки и тѣмъ самымъ глубоко, въ самой сущности исказили построеніе его, лишивъ его всякой жизненности. Въ то же время они сохранили, развили всѣ его недостатки и ошибки, добавили ихъ метафизикою и превратили психологію изъ опытной науки въ часть пневматологіи, наравнѣ съ ангелографіею. Отъ психологіи Аристотеля т. о. осталось только то, что было въ ней самаго дурнаго, неспособнаго къ развитію, и все это дурное было еще болѣе испорчено.

Изъ сказаннаго легко видѣть, что психологическія сочиненія Аристотеля интересны не только какъ археологическій памятникъ, принадлежащій къ тому же одному изъ величайшихъ и вліятельнѣйшихъ мыслителей Европы, но какъ живая, дѣйствующая сила, имѣющая доселѣ въ извѣстномъ отношеніи значеніе, и переводъ ихъ на русскій языкъ не требуетъ оправданія. — Они представляютъ рядъ тѣсно связанныхъ между собою, составляющихъ, можно сказать, одно

(¹) Lewes. Aristoteles. Deutsche Uebersetz. 225.

(²) System d. Psychol. T. I. Einleit.

цѣлю — трактатомъ изъ которыхъ главный и основной есть „Исследование о душѣ“ (*περὶ ψυχῆς ἰσχύια*). Въ немъ представлена исторія и критика предшествующихъ учевій о душѣ, установлены принципы и методъ изслѣдованія, дано опредѣленіе души, классификація главныхъ группъ явленій душевныхъ и общая ихъ характеристика. Трактатъ этотъ не представляетъ полной системы психологій, а есть только изложеніе главнаго, основнаго, руководительнаго, — общій обзоръ этой сферы — то, что немцы называютъ *Grundriss*, *Grundlegung der Psychologie* и имѣетъ сходство пожалуй съ *Principles of Psychology* Герберта Спенсера, конечно въ общемъ. Намъ предполагается рядъ другихъ болѣе специальныхъ изслѣдованій, которыя дѣйствительно и написаны Аристотелемъ и непосредственно примыкаютъ къ „Исслѣдованію“. Такъ въ „Исслѣдованіи“ опущены нѣкоторыя стороны въ учевіи объ ощущеніяхъ и это восполняется въ особомъ трактатѣ — „объ ощущеніяхъ и ощущаемомъ“ (*περὶ αἰσθητικῶν καὶ αἰσθητῶν*); такъ далѣе въ „Исслѣдованіи“ не упоминается о памяти и этотъ пробѣлъ восполняется особымъ трактатомъ — „о памяти и воспоминаніи“ (*περὶ μνήμης καὶ ἀναμνήσεως*); такъ весьма кратко говорится здѣсь о движеніи и связанныяхъ съ нимъ тѣсно психическихъ состояніяхъ стремленія и чувства удовольствія и неудовольствія и этотъ недостатокъ вознаграждается трактатомъ „о движеніи животныхъ“ (*περὶ ζῴων κινήσεως*). Также точно служатъ дополненіемъ и продолженіемъ изслѣдованія трактаты: „о снѣ и бодрствованіи“ (*περὶ υπνῆ καὶ ἐγρηγρόσεως*), „о сновидѣніяхъ“ (*περὶ ἐπιπέσειας*), „о предсказаніи будущаго во снѣ“ (*περὶ τῆς κατ’ ὑπνῶν μαντικῆς*), „о юности и старости, жизни и смерти“ (*περὶ νεότητος καὶ γήραος, περὶ γαῖης καὶ θανάτου*). Въ этому же ряду сочиненій обвѣнчено относится еще трактатъ „о дыханіи“ (*περὶ ἀσπυροῦς*), но въ немъ нѣтъ рѣшительно ничего психологическаго и потому мы исключаемъ его изъ предлагаемаго собранія психологическихъ сочиненій на русскомъ языкѣ. Все меньше психологическія трактаты Аристотеля обвѣнчено соединяются подъ однимъ общимъ заглавіемъ — *purva naturalia*. — Предлагаемый переводъ произведенъ съ греческаго текста по изданію Didot 1851 (*Aristotelis opera omnia* T. III.). При переводѣ *περὶ ψυχῆς* было много вниманіе также изданію Форструма, которое представляетъ нѣкоторыя, несущественныя различія. Послѣдствіе при переводѣ служило: 1, латинскій переводъ въ

изданий Дидо, 2) французскій переводъ Бартолеми Сентъ-Илера⁽¹⁾, 3) нѣмецкій переводъ Кархмана⁽²⁾. Переводъ Сентъ-Илера снабженъ весьма подробными и обширными примѣчаніями, которыя оказали большую помощь при передачѣ нѣкоторыхъ, особенно трудныхъ мѣстъ подлинника. Весьма полезно было также сочиненіе Бретано *Die Psychologie des Aristoteles, insbesondere seine Lehre vom ψυχή ταιτηνός* и статья Грота—*De Anima*⁽³⁾.

Казань.
1874 года.

⁽¹⁾ *Psychologie d' Aristote*. Paris. 1846.

⁽²⁾ *Uebers. Bibliothek* T. 13 — переводъ *περί ψυχῆς* Существовать для другихъ нѣмецкихъ переводовъ этого сочиненія: *Voigt Aristoteles über die Seele* 1829 и *Weisse Aristoteles von der Seele*. Leipz. 1829. На французскомъ языкѣ есть также переводъ 1644; на англійскомъ — *Coher. Aristotle on the vital principle*. 1833.

⁽³⁾ *Aristotle*. T. II. London. 1872.

ИЗСЛѢДОВАНИЕ О ДУШѢ ⁽¹⁾.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Г л а в а I.

1) Признавая всякое знаніе дѣломъ прекраснымъ и достойнымъ уваженія, но въ то же время ставя одно знаніе выше другаго, или какъ болѣе трудное, или какъ относящееся къ предметамъ болѣе возвышеннымъ и удивительнымъ ⁽²⁾, мы должны, по обѣимъ этимъ причинамъ, справедливо дать изслѣдованію о душѣ одно изъ первыхъ мѣстъ. Кажется также, что знаніе души весьма много способствуетъ познанію всей природы ⁽³⁾, особенно же познанію природы, такъ какъ душа есть какъ-бы основа всѣхъ живыхъ существъ. Мы потому намѣрены изслѣдовать и опредѣлить ее природу и сущность, также ее проявленія, изъ которыхъ одни, по видимому, суть ее собственные состоянія, другія

⁽¹⁾ *Περὶ ψυχῆς ἰσότης*. Латинскіе комментаторы и переводчики постоянно опускаютъ слово *ἰσότης* и озаглавливаютъ сочиненіе просто—*de anima*. Weisse и Kirchmann тоже сдѣлали въ нѣмецкомъ переводѣ, назвавъ его *Ueber die Seele*. Collier, оставивши *ἰσότης*, далъ широкій смыслъ самому слову *ψυχή* и перевелъ—*on the vital principle*. Бартелема—С. Пьеръ перевелъ слово *ἰσότης* словомъ *traite*, весьма близкимъ, въ данномъ случаѣ, къ широкому смыслу слова *ἰσότης*, какъ и русское слово «изслѣдованіе». Torstrick справедливо находятъ, что слово *ἰσότης* здѣсь соответствуетъ латинскимъ *indagatio, investigatio*. *Arist. de Anima* 1862 112 p.

⁽²⁾ О сравнительномъ достоинствѣ знаній см. *Anal. prior.* I, 27. *De part. animal.* I, 5.

⁽³⁾ Многие комментаторы думаютъ, что подъ *ἀλήθεια ἅπασα* Аристотель разумѣетъ философію, потому что психологія имѣетъ дѣйствительно важное значеніе въ рѣшеніи всѣхъ философскихъ вопросовъ. В. S. Hilaire. *Traité de l'ame* p. 96. Nota.

суть состоянія живыхъ существъ, обуславливаемыя ей присутствіемъ.

2) Дать точное понятіе о душѣ, дѣло во всёхъ отношеніяхъ чрезвычайпо трудное. При существованіи общихъ вопросовъ относительно многихъ предметовъ, — и разумѣю вопросы о сущности и природѣ, — долженъ казаться существовать одинъ какой-либо методъ для изслѣдованія сущности всёхъ предметовъ, точно такъ же какъ одинъ методъ для изслѣдованія свойствъ каждаго изъ нихъ. Въ такомъ случаѣ нужно отыскать этотъ методъ. Если же нѣтъ одного метода для изслѣдованія сущности и свойствъ, то дѣло становится еще труднѣе, потому что является необходимость для каждаго предмета искать особый приѣмъ изслѣдованія. Наконецъ, когда будетъ открыто, что изслѣдованіе должно идти, положимъ, путемъ демонстраціи, раздѣленія или какимъ-либо другимъ методомъ, возникаютъ новыя затрудненія и недоумѣнія; является вопросъ, изъ какихъ началъ должно выходить изслѣдованіе, потому что начала различныхъ предметовъ неодинаковы, какъ напр. не одни и тѣже начала числа и поверхностей (¹).

3) Можетъ быть прежде всего нужно опредѣлить въ какомъ роду предметовъ душа относится, т. е. есть ли она самостоятельное существо и сущность, или качество, или количество, или относится въ какой-либо другой изъ установленныхъ нами категорій, также есть ли она нѣчто существующее только въ возможности или дѣятельная сила. Опредѣленіе всего этого имѣетъ не малую важность. 4) Далѣе, нужно подвергнуть изслѣдованію, состоитъ ли душа изъ частей или нѣтъ, и если — нѣтъ, то видовое или родовое различіе существуетъ между душами? Это нужно потому, что досель писатели о душѣ и изслѣдователи ея имѣли кажется въ виду исключительно человѣческую душу. 5) Кромѣ того не должно опускать изъ виду и того, есть ли понятіе о душѣ одно, какъ напр. понятіе о животномъ, или особое для души каждаго живаго существа, какъ то — лошади, собаки, человека, бога; при этомъ не нужно забывать, что живое существо какъ общее понятіе или вовсе не существуетъ въ

(¹) Подробности объ этомъ см. Anal. post. I. 1, сс. 9, 10, 11.

дѣйствительности, или есть нечто являющееся постъ (*) и что тоже самое имѣть силу относительно всякаго общаго понятія. 6) Наконецъ, если не существуетъ многихъ различныхъ душъ, а есть только части души, то является вопросъ, что прежде исследовать всю душу или ея части? При исследованіи самихъ частей является затрудненіе относительно опредѣленія того, какія изъ нихъ различаются между собою по природѣ, и что нужно исследовать—самы ли эти части или ихъ дѣятельность, мышленіе или умъ, ощущеніе или способность ощущенія? Также самое и относительно вещей другихъ способностей. 7) Если нужно исследовать прежде дѣятельности, то опять является недоумѣніе, по должи ли подвергнуть исследованію сначала ихъ объекты, напр. ощущаемое прежде ощущенія, мыслимое прежде мышленія? 8) Несомнѣнно, что для познанія причинъ, которыми производится явленія въ предметахъ (**), необходимо знаніе сущности ихъ, какъ напр. въ математикѣ необходимо звать, что такое прямота и кривизна, что такое линія и что такое поверхность, для того, чтобы опредѣлить, сколькимъ призмъ угламъ равны углы трехугольника, но въ свою очередь знаніе явленій весьма много способствуетъ познанію сущности. Потому что, если мы будемъ въ состояніи ясно представить себѣ вещь или большую часть явленій, то будемъ имѣть возможность ясно и опредѣленно говорить и о сущности. Сущность есть основа всякаго доказательства и тѣ изъ ея опредѣленій, по которымъ нельзя познать явленій и даже нельзя составить о нихъ предположенія, очевидно вещь будутъ діалектическими и пустыми.

9) При исследованіи состояній души также представляется трудный вопросъ, вещь ли эти состоянія у ней общи съ тѣломъ, или есть между ними принадлежащія одной души? Рѣшить этотъ вопросъ необходимо, но не легко. Кажется, что большая часть ихъ,—дѣйствіе и страданіе, также

(*) ἵσταναι. Аристотель хочетъ сказать, что понятіе есть результатъ отвлеченія и является только въ мышленія, которое обуславливается бытіемъ предметовъ и познате ихъ—ἵσταναι. Схоластики обозначали это терминомъ—substantia post rem.

(**) Οὐσία у Аристотеля не тождественно съ метафизическимъ терминомъ сущность, субстанція, а обозначаетъ цѣлое существо и можетъ быть во многихъ случаяхъ, какъ и въ данномъ, переведено удобно словомъ—предметъ.

свѣтъ, самоувѣренность, желаніе и вообще всякое чувство ни какъ не могутъ быть безъ участія тѣла; но мышленіе, повидимому, есть дѣйствіе одной души. Однакоже, такъ какъ оно состоитъ изъ образовъ воображенія, по крайней мѣрѣ не можетъ обойтись безъ ихъ участія, то значить и оно не можетъ совершаться безъ тѣла. 10) Если какія-либо изъ дѣятельностей и состояній души принадлежать ей одной, то ее можно представить какъ отдѣльное существо. Если же нѣтъ ничего ей одной принадлежащаго, то она неотдѣлима отъ тѣла и должна мыслиться точно такъ же какъ напр. прямая линія. Прямая линія можетъ находиться въ различныхъ положеніяхъ, напр. касаться въ одномъ только пунктѣ мѣдвара шара; но это прикосновеніе производится не прямою самою по себѣ, а тѣломъ, въ которомъ она всегда находится и отъ котораго неотдѣлима. Подобнымъ же образомъ и все состоянія души. — глѣвъ. брѣтость, страхъ, милосердіе, самоувѣренность, также радость, любовь и ненависть—находятся въ связи съ тѣломъ, потому что съ явленіемъ ихъ въ душу и тѣло подвергается измѣненію. Бываетъ даже, что при сильныхъ и очевидныхъ возбужденіяхъ иногда не является никакого сильного волненія или страха въ душѣ, иногда-же незначительныя и темныя возбужденія производятъ волненіе, — именно въ тѣхъ случаяхъ, когда находится въ сильномъ возбужденіи тѣло, и приходитъ въ такое состояніе, въ какомъ оно бываетъ во время глѣва. Зависимость этихъ волненій отъ тѣла особенно очевидна въ тѣхъ случаяхъ, когда безъ всякой причины, могущей возбудить страхъ, нѣкоторые обнаруживаютъ все признаки страха. А если это такъ, то ясно, что страстныя состоянія имѣютъ свой источникъ въ матеріи. Потому состоянія, подобныя глѣву, опредѣляются какъ движеніе такого то тѣла, или части и способности тѣла, производимое тѣмъ-то и съ такою то цѣлю. 11) Въ слѣдствіе всего этого изслѣдованіе какъ всей души, такъ и этихъ ея состояній есть дѣло физика (¹). Но физикъ опредѣлитъ какое изъ этихъ состояній не такъ какъ діалектикъ (²). Последний, опредѣляя наприм.

(¹) φυσικῆ τὴ θεωρεῖσθαι περὶ ψυχῆς. Слово φυσικός соотвѣтствуетъ въ данномъ случаѣ привычному — физиологъ.

(²) διαλεκτικός — изслѣдователь, основывающійся на умозрѣніи; въ данномъ случаѣ, — изслѣдователь, основывающійся на внутреннемъ наблюденіи.

гнѣвъ скажетъ, что онъ есть стремленіе отмстить причиненную обиду или что нибудь въ этомъ родѣ, первый же определитъ гнѣвъ какъ кипѣніе крови или теплоты находящейся около сердца. Въ этомъ случаѣ одинъ обращаетъ вниманіе на матерію, другой на форму и понятіе. Понятіе есть форма предмета, но если предметъ дѣйствительно существуетъ, оно необходимо соединено съ какимъ либо определеннымъ веществомъ. Такъ понятіе дома наприм. состоитъ въ томъ что онъ есть убѣжище, защищающее отъ вѣтровъ, дождя и морозу; но одинъ изслѣдователь позаетъ его совокупностію камней, кирпичей и дерева, другой же обратитъ вниманіе на форму, осуществленную въ этихъ веществахъ съ определенною цѣлю. Который же изъ нихъ естественнытатель? Тотъ, который, обращая вниманіе на вещество, не знаетъ понятія, или тотъ, который ищетъ въ виду только понятіе? Не тотъ ли скорѣе, который обращаетъ вниманіе на то и другое? Но кто же каждый изъ этихъ изслѣдователей? Состоянія матеріи, отдѣлимыя отъ нея и настолько вассольно они не отдѣлимы — не составляютъ ли предметъ изслѣдованія одного и того же физика, который изслѣдуетъ всѣ дѣйствія и состоянія определенныхъ тѣлъ и определеннаго вещества? Не же то, что не относится къ этому роду, изслѣдуется другимъ. Изъясно одна часть служить предметомъ для художника или же, въ некоторыхъ случаяхъ, архитектора и врача. Другая часть, состоящая изъ свойствъ тѣлъ, отдѣлимыхъ отъ нихъ, но которая не составляетъ принадлежностей какого либо определенного тѣла и получается путемъ отвлеченія, — изслѣдуется математикомъ. Тѣ же самыя отвлеченныя свойства, когда они разсматриваются, какъ отдѣльныя отъ тѣлъ, составляютъ предметъ метафизика (*).

Но возвратимся къ тому, на чемъ остановились. Мы сказали, что состоянія души неотдѣлимы отъ вещества, изъ котораго состоятъ животныя, не отдѣлимы какъ совершаю-

(*) Мысль, развиваемая въ этой глѣдѣ и затѣи ннзя, много идущимъ въ ділу, отслугленіемъ, тз, что изъ фдодіе явленій душевной жизни должно произойднтіся системъ внѣшняго и внѣшннхъ внутренняго наблюдѣнія: истинный психологическій методъ, какъ-бу выразился современный философъ, долженъ быть объективнымъ и субъективнаго наблюдѣнія и метода.

шілся въ опредѣленномъ тѣлѣ, подобно тому какъ совершается гнѣвъ, страхъ, а не въ томъ смыслѣ, въ какомъ неотдѣлимы отъ тѣла линия и поверхность.

Г л а в а II.

1) Поставивъ на видъ необходимо возникающія при изученіи души недомыслія и трудности, исследователь долженъ далѣе изучить и сравнить между собою мнѣнія прежнихъ исследователей, говорившихъ о душѣ, для того, чтобы заимствовать у нихъ истинное и избѣжать ихъ заблужденій.

2) Въ основу этого изученія можно положить то свойство души, которое у прежнихъ исследователей почитается преимущественно предъ другими принадлежащимъ ей по природѣ.—Одушевленное существо отличается отъ неодушевленного главнымъ образомъ, по видимому, двумя свойствами—движеніемъ и ощущеніемъ. Потому отъ прежнихъ исследователей дошли до насъ почти два только мнѣнія о душѣ. Одни утверждаютъ, что душа главнымъ образомъ и прежде всего есть начало движущее, но при этомъ, полагая, что неподвижный предметъ не можетъ приводить въ движеніе другого, они причислили и душу къ предметамъ движущимся. 3) Потому Демокритъ учитъ, что душа есть особаго рода огонь и теплота. Изъ безконечнаго множества атомовъ, имѣющихъ безконечное множество различныхъ формъ,—атомы, имѣющіе сферическую форму, составляютъ по его мнѣнію огонь и душу. Атомы эти имѣютъ сходство съ тѣми пылинками, которые видны въ полосѣ свѣта, входящей черезъ окна: разсѣянная повсюду, они суть элементы, изъ которыхъ состоитъ вся природа. Подобнымъ же образомъ учитъ и Левкиппъ. Оба они признавали душу состоящею изъ круглыхъ атомовъ потому, что тѣла этой формы преимущественно предъ другими способны проникать всюду и двигать другія тѣла, когда сами приведены въ движеніе. При этомъ душу они почитали началомъ, производящимъ движеніе животныхъ. Потому-то жизнь, по ихъ мнѣнію, прекращается вмѣстѣ съ прекращеніемъ дыханія. Между тѣмъ какъ окружающая тѣла среда давитъ и вытѣсняетъ атомы, находящіеся внутри ихъ и дающіе животнымъ движеніе въ силу того, что сами никогда не останавливаются.—атомы, находящіеся

въ тѣла и входящія въ него черезъ дыханіе, подкрѣпляютъ ихъ, не допуская ихъ выйти изъ тѣла и препятствуя сгущенію и охлажденію, подъ вліяніемъ вѣшняго давленія. Животныя живутъ до тѣхъ поръ, пока могутъ совершать это дѣйствіе.—4) Повидимому и ученіе пифагорейцевъ заключаетъ въ себѣ тотъ же смыслъ, потому что нѣкоторые изъ нихъ утверждали, что душа состоитъ изъ носящихся въ воздухѣ пылиннокъ, другіе—что душа есть сила приводящая эти пылинки въ движеніе. Такое мнѣніе образовалось потому, что пылинки эти кажутся постоянно движущимися, даже въ то время, когда воздухъ находится въ совершенномъ покоѣ.—Сюда же можно причислить и тѣхъ, кои признаютъ душу началомъ самодвижущимся, потому что всѣ они, кажется, думали, что движеніе есть существенное свойство души, что все приводится въ движеніе душою. И такъ какъ они видѣли что никакой предметъ не производитъ движенія, не будучи самъ движущимся, то пришли къ мысли, что душа движетъ сама себя. 5) Подобнымъ же образомъ признавалъ душу движущимся началомъ Анаксагоръ или другой кто-бы онъ ни былъ⁽¹⁾, высказавшій мысль, что все приводится въ движеніе разумомъ. Но его ученіе не воляѣ тоже, что ученіе Демокрита. Демокритъ прямо почиталъ душу и умъ однимъ и тѣмъ же, такъ какъ считалъ истиннымъ все, что намъ является и потому одобрялъ Гомера, сказавшаго о Гекторѣ, что онъ „лежалъ и мыслилъ иначе“⁽²⁾. Онъ смотритъ на умъ не какъ на силу, которою постигается не-

(1) Здѣсь разумѣется Гермотимъ Клазоменскій, который прежде еще Анаксагора высказалъ мысль, развитую этимъ послѣднимъ. Metaph. L. 1, c. 3, n. 13, 984 p.: φανερόως μὲν ἔν τῳ Ἀναξαγόρῳ ἴσμεν ὁψάμενον τὸ τοῦ τοῦ λόγου, οὐτὼν δ' ἔχει πρότερον Ἰερμότιμος ὁ κλαζομένιος εἰπεῖν.

(2) Эта мысль подробнѣе развивается въ метафизикѣ Lib IV, c. 5, 1009 p. (въ изд. Дидо с. III), гдѣ между прочимъ говорится: «существуетъ преданіе, что и Анаксагоръ училъ, будто всѣ вещи всегда существуютъ такъ, какъ они познаются каждымъ. Даже о Гомерѣ утверждаютъ они (внѣше говорятъ о Демокритѣ и Емнедоклѣ), что онъ смѣлъ такое же всзарѣніе: именно, онъ представляетъ Гектора, лишившагося сознанія вследствие удара, лежащимъ и «мыслящимъ иначе», какъ будто п безумныя мыслить, только иначе». Въ дошедшемъ до насъ текстѣ Илиады мѣста, приводимаго Аристотелемъ, нѣтъ вовсе. В. S. Hilaire Traité de l'ame III p. Nota. Kirchmann. Philos. Bill. T 38, 193. Nota 327.

тня, а отождествляет его съ душою. Апократоръ говоритъ объ этомъ не совѣль ясно. Во многихъ мѣстахъ онъ признаетъ умъ источникомъ прекраснаго и справедливаго, въ другихъ же отождествляетъ его съ душою, утверждая, что умъ присущъ всѣмъ живымъ существамъ малымъ и большимъ, благороднымъ и низкимъ. Но легко видѣть, что умъ, называемый благороднымъ, не только не принадлежитъ въ одинаковой мѣрѣ всѣмъ животнымъ, но даже не всѣмъ людямъ⁽¹⁾.

6) Такимъ образомъ всѣ тѣ, кои обращали вниманіе на способность одушевленнаго существа двигаться, признавали, что душа есть начало въ высшей степени обладающее способностію движенія. Но тѣ, кои обращали вниманіе на процессъ познанія и индукціи животныхъ, утверждаютъ, что душа относится къ началамъ: при этомъ одни изъ нихъ допускаютъ несколько началъ, другіе одно начало—самую душу. Такъ Имедиоклъ представляетъ душу состоящую изъ всѣхъ стихій и каждую изъ нихъ возматъ душою. Онъ говоритъ:

„Землю-землею, воду-водою мы познаемъ

„Фееръ божественный знаемъ взоромъ и огнемъ разрушительный пламень,

„Любовью любовь и раздоромъ печальный раздоръ.

7) Подобнымъ же образомъ и Платонъ въ Тимеев⁽²⁾ составляетъ душу изъ стихій, потому что утверждаетъ дѣсь, что подобное познается подобнымъ и предметы состоятъ изъ началъ. Также точно представляется дѣло и въ сочиненіи „о философіи“⁽³⁾: животное само по себѣ представляется состоящимъ изъ идеи снлаго и изъ порочной долготы, лирозы и глупости. Въ томъ же родѣ дѣлается опредѣленія и всѣхъ другихъ существъ. Слѣдовательно на другую точку зрѣнія, Платонъ утверждаетъ, что умъ есть единое, знаніе же—

(1) Ср. De anim. hist. Lib. VIII, c. 4. 588 p.

(2) Plato. Timaeus. 30—38 pp.

(3) Сочиненія вѣдлинскаго утверждаютъ, что дѣсь разумѣется сочиненіе потерянное самимъ Аристотелемъ, со блатъ, въ которомъ изложено нѣтъ упомянутое дѣсь ученіе Платона в Платонѣ. Hist. S. Hilaire, op. c. 172—173 pp. Нога. Бархманъ признаетъ это сочиненіе потеряннымъ Платономъ; часть его востроу велитъ, но его живію, въ 13 и 14 книгахъ метафизики. Phil. Bibl. T. 43, 17: Nota 20.

два, потому что къ единому присоединяется еще одно—дѣятельность⁽¹⁾. Далѣе утверждаетъ, что число поверхности есть мнѣніе, число тѣла—ощущеніе. Числами они называютъ самыя идеи и начала, а эти послѣднія состоятъ изъ стихій. Предметы, по этому ученію, воспринимаются—одни умомъ, другіе зрѣніемъ, третьи мнѣніемъ, четвертые—ощущеніемъ и эти числа суть идеи предметовъ. 8) Такъ какъ душа является не только производящею движеніе, но и познающее, то некоторые составили душу изъ того и другаго и утверждали, что душа есть самодвижущееся число.

9) Кроме всего этого существуетъ различіе относительно качества и количества началъ. Въ первомъ отношеніи особенно развиты признаваніе начала тѣлесными отъ тѣхъ, кои почитаютъ ихъ безтѣлесными; а отъ тѣхъ и другихъ отличаются тѣ мыслители, кои, смѣшивая тѣлесное съ безтѣлеснымъ, признаютъ начала состоящими изъ обоихъ. 10) Что касается количества началъ, то одни признаютъ одно начало, другіе—нѣсколько. Собразно съ тѣмъ или другимъ возрѣніемъ на начала они говорятъ и о тѣлѣ, потому что не противно разуму приписать движущую силу съ первымъ признаку. 11) Такимъ образомъ, нѣкоторымъ казалось, что душа есть огонь, потому что огонь состоитъ изъ самыхъ тонкихъ частицъ и посредствомъ него всѣхъ стихій; кроме того съ прелестью всего приходитъ въ движеніе и производитъ движеніе съ другихъ предметахъ. 12) Демокритъ съ особенной ясностію развилъ это возрѣніе, объяснивши причину обоихъ этихъ свойствъ огня. Но его мнѣнію душа есть ибѣто тождественное съ умомъ и прилагается къ нечисленнымъ, неделимымъ тѣламъ. Она есть движущееся существо, влѣдетвіе малости и формы своихъ частицъ. Изъ формъ самая подвижная сферическая и потому она свойственна какъ уму, такъ и огню. 13) Анаксагоръ, по возможности, признаетъ душу и умъ различными, какъ мы сказали объ этомъ выше⁽²⁾, но употребляетъ эти слова такъ, какъ будто ими означается одинъ и тотъ же предметъ. Впрочемъ умъ признается у него по преимуществу началомъ всего, потому что онъ одинъ изъ всего существующаго по своей своей природѣ есть ибѣто простое, но заключившее смѣше-

⁽¹⁾ *ἡ δυνάμις τοῦ εἶναι*. Въ первомъ—уму, въ началѣ, присоединяется дѣятельность ума и становится два.

⁽²⁾ См. выше п. 5

нiя и чистое И познанiе и движенiе оиъ приписываетъ одному и тому же началу, утверждая, что все движется умомъ. 14) Кажется и Филесъ, какъ свидѣтельствуесть преданiе. признавалъ душу движущимся началомъ, такъ какъ утверждалъ, что магнитъ имѣеть душу, потому что имъ приводится въ движенiе желѣзо. 15) Дiогенъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими мыслителями, считалъ душу воздухомъ, который признавалъ тончайшимъ тѣломъ и началомъ всего. Благодаря этому душа, по его мнѣнiю, познаеть и производитъ движенiе: познаеть — потому, что воздухъ есть первое начало и изъ него происходитъ все, производитъ движенiе потому, что воздухъ есть тончайшее. 16) И Гераклитъ признаеть душу началомъ, потому что считаетъ ее иснаренiемъ, изъ котораго, по его мнѣнiю, составляется все прочее. Она есть также, по его ученiю, нѣчто безтѣлесное и непреставно текущее: это потому, что движущееся можетъ быть познано только движущимся, а все сущее, по мнѣнiю Гераклита и многихъ другихъ, находится въ движенiи. 17) Подобнаго же мнѣнiя о душѣ держался, кажется и Алкмеонъ⁽¹⁾. Онъ говоритъ, что душа безсмертна, потому что она подобна безсмертнымъ. Это подобiе состоитъ въ томъ, что она есть непреставно движущееся, такъ какъ всѣ божественныя существа — луна, солнце, звѣзды и все небо находятся въ постоянномъ движенiи. 18) Нѣкоторые изъ болѣе грубыхъ почитали душу водою, какъ напр. Гиппионъ⁽²⁾. Въ этому мнѣнiю они пришли, кажется, вслѣдствiе наблюденiя животнаго сѣмени, которое всегда состоитъ изъ влаги. Такъ Гиппионъ опровергалъ мыслителей отождествлявшихъ душу съ кровью тѣмъ, что сѣмя животное не есть кровь, а между тѣмъ оно есть душа въ зародышѣ. 19) Другiе, какъ напр. Критiасъ⁽³⁾, говорятъ, что душа есть кровь. При этомъ они почитаютъ основнымъ свойствомъ души ощущенiе, которое, по ихъ мнѣ-

⁽¹⁾ Въ Метафизикѣ Аристотель называетъ его Кротонскимъ в младшимъ современникомъ Пифагора. — *ἔρεετο τὴν ἑλιζίαν Ἀλκωμαίων ἐπὶ γέροντι Πυθαγῶρα*. *Metaph.* L. I. c. 5. 17 p.

⁽²⁾ О Гиппионѣ говорится въ Метафизикѣ и тоже довольно презрительно. *Metaph.* L. I. c. 3. 11 p.

⁽³⁾ Кто такой этотъ Критiасъ — точно не извѣстно. Александръ Афродисскiй и Филопонъ не пришли относительно этой личности къ опредѣленнымъ выводамъ. *B. S. Hilaire.* L. 2. 118. p.

нію, имѣеть свое основаніе въ природѣ крови.—Такимъ образомъ душа была приравнена ко всемъ стихіямъ, кромѣ земли. Съ этою послѣднею никто ее не отождествлялъ, исключая развѣ тѣхъ, кои утверждали, что душа состоитъ изъ всѣхъ стихій и есть все.

20) Всѣ упомянутые философы опредѣляютъ, такимъ образомъ, душу тремя свойствами—т. е. движеніемъ, ощущеніемъ, безтѣлесностью и каждое изъ нихъ возвышаютъ на степень началъ. Даже и тѣ, кои опредѣляютъ душу, какъ знаніе, всѣ, за исключеніемъ одного, дѣлаютъ ее, или стихіею, или состоящею изъ стихій, одинаково утверждая, что подобное познается подобнымъ. Такъ какъ душа все познаетъ, то и сама она должна съ ихъ точки зрѣнія, состоять изъ началъ всего. 21) Тѣ, кои признаютъ существованіе двухъ стихій и душу признаютъ чѣмъ-либо однимъ,—огнемъ или воздухомъ; признающіе же существованіе нѣсколькихъ началъ всего и душу составляютъ изъ нѣсколькихъ началъ. 22) Одинъ только Анаксагоръ говоритъ, что умъ безстрастенъ и не имѣеть ничего общаго со всемъ остальнымъ. Но какъ и какимъ образомъ, будучи таковымъ, умъ познаетъ,—этого Анаксагоръ прямо не объясняетъ и изъ его словъ нельзя объ этомъ составить понятія. 23) Тѣ, кои признаютъ существованіе противоположностей,—теплое или холодное, или что-нибудь въ этомъ родѣ, признаютъ в душу одною изъ этихъ противоположностей. Сообразно съ этимъ они производятъ и нѣкоторыя названія. Тѣ, кои признаютъ душу теплымъ началомъ, отъ этого понятія теплоты производятъ названіе жьли, — ψῆς отъ ζέω кипѣть). Въ свою очередь почитающіе душу началомъ холоднымъ утверждаютъ, что названіе души происходитъ отъ словъ, означающихъ дыханіе и охлажденіе (*).

Вотъ всѣ дошедшія до насъ мнѣнія о душѣ и причины ихъ образованія.

Г л а в а III.

1) Теперь прежде всего нужно разсмотрѣть вопросъ о движеніи. Быть можетъ не только должно, что сущность души такова, какою представляютъ ее утверждающіе, что ду-

(*) ψυχή отъ ψύχω—охлаждаю.

ша есть начало самодвижущееся и производящее движеніе, но самая принадлежность ей движенія есть нечто невозможное.

2) Что движущее не необходимо должно само быть движущимся,—объ этомъ было сказано прежде (*). Все движущееся можетъ двигаться двойкимъ образомъ.—при посредствѣ чего-либо другого или само-собою. При посредствѣ другого движущимся мы называемъ все то, что движется потому, что находится на движущемся предметѣ, какъ напр. люди плывущіе на кораблѣ: они движутся, какъ движется корабль. Тотъ польный движется самъ, а сидящіе на немъ движутся потому, что находятся на движущемся предметѣ. Это очевидно изъ положенія ихъ относительно движеніе собственное имамъ есть ходженіе, оно собственно и движетъ, но во время плаванія пассажиры не совершаютъ этого движенія. Если бы докомомъ смисль говорилъ о вещахъ, что онѣ движутся, то какъ нужно рассмотреть твердіе относительно другъ движется ли она само-собою? и принимаетъ ли участіе въ движеніи?

3) Если бы существовать четыре рода движенія — по-рявденіе, вращеніе, воздвигеніе и угнетеніе, то движеніе души должно совершаться или однимъ изъ этихъ способовъ, или нѣкоторыми изъ нихъ, или же всеми. Если она движется само-собою, то движеніе должно быть приущи ей по природѣ. А если такъ, то какъ бы и было для этого движенія, потому что въ нѣкоторыхъ формахъ движенія совершаются въ какомъ-нибудь мѣстѣ. Если существо души состоитъ въ томъ, что она есть начало само-движущееся, то движеніе принадлежитъ ей по естественности, какъ напр. блужданіе или мѣръ въ три дѣля. Эти послѣднія тоже могутъ двигаться, но не сами собою, а потому что движется то тѣло, которому она принадлежитъ какъ свѣтъ. Въ силу этого у нихъ нѣтъ и своего мѣста. Но души должны имѣть свое мѣсто, потому что движеніе приущи ей по природѣ. 4) Кроме того, если она движется по гнѣву, то можетъ двигаться и по нѣкоторымъ вѣдннмъ силамъ, и пооборотъ, если она можетъ двигаться по нѣкоторымъ вѣдннмъ силамъ, то должны быть существовать и по природѣ.

(*) Вродиво Аристотель ругаетъ себя свое разсужденіе объ этомъ—въ физикѣ (1^й VIII) или въ метафизикѣ (1^й XII, с. 4, 1072).

Тоже самое соображеніе имѣетъ мѣсто и относительно покоя: предметъ движущійся по природѣ и въ покой приходитъ по природѣ-же, движущійся подъ вліяніемъ вѣншей силы и въ покой приходитъ подъ вліяніемъ вѣншей силы. Какую же форму будетъ имѣть движеніе души также и въ покой подъ вліяніемъ вѣншей силы?— это трудно даже и вообразить себѣ. 5) Если она будетъ двигаться вверхъ, то будетъ огнемъ, если внизъ, то землею, потому что таково направленіе движенія этихъ стихій. Также самое нужно сказать и относительно стихій, занимающихъ средину между этими двумя. 6) Далѣе, если душа движетъ тѣло, то естественно предположить, что она движетъ тѣмъ же способомъ, какимъ сама движется; а если это такъ, то съ полною справедливостію можно сказать наоборотъ, что сама душа движется тѣмъ же самымъ способомъ, какъ и тѣло. Но тѣло движется по способу перемѣщенія въ силу того и душа должна двигаться точно также какъ и тѣло, т. е. или вслѣдъ или поперекъ должна перемѣнять мѣсто. При этомъ могло бы случиться, что, вышедши изъ тѣла, она опять возвратилась бы въ него и въ такомъ случаѣ нѣкоторые изъ умершихъ животныхъ могли-бы вновь ожить. 7) Движеніе становится независимымъ, когда произволено чѣмъ-нибудь инымъ, потому что живое существо не можетъ возбуждаться вѣншею силою. Но то, чему по природѣ приущено самодвиженіе, не должно двигаться подъ вліяніемъ иного, потому что такое движеніе не будетъ самоцѣльнымъ, точно такъ же, какъ само по себѣ и для себя добро не можетъ быть уже добрымъ черезъ иное и ради иного. Означено, если душа движется, то всякій сказать, что она движется подъ вліяніемъ вѣншихъ раздраженій. 8) Если душа сама-себя движетъ, то въ то же время должна и двигаться. А такъ какъ всякое движеніе, какъ такое, есть выходъ движущагося предмета, то душа должна выходить изъ своего существа при движеніи, когда оно не возбуждается изъ ней чѣмъ-либо инымъ. Между тѣмъ движеніе есть сущность души самой въ себѣ.

9) Нѣкоторые действительно утверждаютъ, что душа движетъ тѣло, въ которомъ находится, тѣмъ же способомъ, какимъ сама движется. Таково мнѣніе демоокрита, напомнимъ о немъ собою слова коммента Филарха⁽¹⁾, который говоритъ,

(1) Нѣкоторые полагаютъ упрямственно, что Филарха впрочемъ знаменитого коммента Аристотеля. В. С. Миллеръ. Труды в. Гамб. 126 р. Nota.

что Дедалъ сообщилъ движеніе деревянной статуѣ Афродиты, вливъ въ нее ртуть. Нѣчто подобное утверждаетъ и Демокритъ. Сферическіе атомы, которые по самой природѣ своей никогда не бывають въ покое, двигаясь сами, увлекають, по его словамъ, все тѣло и приводятъ въ движеніе. 10) При этомъ мы спросимъ, не тѣми же ли атомами производится и покой; но какимъ образомъ онъ производится—трудно и даже невозможно объяснить съ этой точки зрѣнія. 11) Подобнымъ же образомъ Тимей въ своей физиологической теоріи (¹) утверждаетъ, что душа движетъ тѣло и движетъ тѣмъ самымъ, что сама движется, такъ какъ она находится съ нимъ въ тѣсной связи. По его мнѣнію душа составлена изъ стихій и раздѣлена на гармоническія числа. Для того, чтобы дать ей врожденное чувство гармоніи и поставить ея движеніе въ гармонію съ движеніемъ вселенной, онъ превращаетъ прямую линію въ круговую; за тѣмъ, раздѣливъ одинъ кругъ на два, взаимно касающіеся другъ друга въ двухъ точкахъ, одинъ изъ нихъ снова дѣлитъ на семь круговъ. Такимъ образомъ вращеніе неба является у него движеніемъ души (²). 12) Но прежде всего несправедливо называть душу величиною пространственною, такъ какъ Тимей хочетъ представить міровую душу съ тѣми свойствами, которыя приписываются такъ называемому уму, а не съ свойствами души ощущающей и желающей, потому что движеніе этихъ послѣднихъ по его мнѣнію не есть круговое. 13) Правда, что умъ есть нѣчто единое и непрерывное, точно также, какъ и мышленіе; но мышленіе состоитъ изъ мыслевныхъ образовъ и эти образы составляютъ одно цѣлое, какъ преемственный рядъ, подобный ряду чиселъ, а не какъ пространственная величина. Вслѣдствіе этого и умъ не есть величина непрерывная въ этомъ послѣднемъ смыслѣ: онъ, или вообще не заключаетъ въ себѣ частей, или, во всякомъ случаѣ, его непрерывность не похожа на непрерывность величинъ пространственныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, будучи величиною пространственною, какимъ образомъ умъ будетъ мыслить и

(¹) *физиологεί* здѣсь имѣетъ очень широкое и неопредѣленное значеніе и можетъ быть передано различно.

(²) Plato. *Timaeus* 35—36 pp. Изложеніе этого ученія Платона см. у Grote. *Plato and others compar. of Socrates* T. III. 230—236 pp. Также въ Aristotle. T. II. *De anima* 171—172 pp.

какою изъ своихъ частей, будутъ ли эти части пространственными величинами, или точками, если точку можно назвать частью? 14) Если части ума суть точки, которыхъ число должно быть бесконечно, то очевидно умъ никогда не будетъ въ состояннн окончить своей дѣятельности; если же эти части суть величины пространственная, то онъ будетъ мыслить нѣсколько разъ или даже бесконечное число разъ одно и тоже. Между тѣмъ онъ можетъ, кажется, однимъ разомъ объять мыслимый предметъ. Если такимъ образомъ ему достаточно коснуться предмета одною изъ своихъ частей, то для чего ему совершать круговое движеніе или вообще быть величиною пространственною? Если же необходимо, чтобы мышленіе было соприкосновеніемъ всего круга, то какое значеніе будетъ имѣть прикосновеніе какой-либо изъ частей его? И какимъ образомъ умъ будетъ мыслить дѣлимое черезъ недѣлимое и недѣлимое черезъ дѣлимое? Однако-же необходимо (по этой теоріи), чтобы самъ умъ былъ этимъ кругомъ, потому что движеніе ума есть мышленіе какъ движеніе круга—круговращеніе. Если мышленіе есть круговое движеніе, то умъ будетъ кругомъ, котораго вращеніе есть мышленіе. Но въ такомъ случаѣ всякій актъ мышленія долженъ совершаться вѣчно, потому что круговое движеніе есть вѣчно продолжающееся движеніе. Но мышленіе практическое имѣетъ предѣлы, потому что всѣ практическія мысли имѣютъ въ виду опредѣленную цѣль; теоретическое же мышленіе ограничивается подобнымъ же образомъ посредствомъ доказательствъ⁽¹⁾. Дѣло въ томъ, что всякое доказательство есть или опредѣленіе, или умозаключеніе. Умозаключеніе же всегда выходитъ изъ какого нибудь начала и имѣетъ окончаніе въ силлогизмъ или заключеніи. Если умозаключеніе не оканчивается, то во всякомъ случаѣ оно не возвращается снова къ своему началу, а черезъ средній и болышей термины идетъ какъ-бы по прямой линіи, тогда какъ круговое движеніе снова возвращается къ своему началу. Что же касается опредѣленій, то они всѣ имѣютъ границы 16) Далѣе, если тоже самое круговое движеніе

(1) Τὸς λογος Терминъ λογος во многихъ случаяхъ удобно переводится словомъ «понятіе». Киртманъ и здѣсь передаетъ его словомъ Begriff, но этимъ дѣло только затемняется. Б. С. Пьеръ переводитъ лучше словомъ *gesonnenheit*.

повторится нѣсколько разъ, то умъ долженъ будетъ мыслить нѣсколько разъ одно и тоже. 17) Наконецъ мышленіе скорѣе похоже на нѣкотораго рода неподвижность и стояніе, чѣмъ движеніе, также точно и силлогизмъ. 18) Съ другой стороны не можетъ быть источникомъ блаженства дѣйствіе трудное и совершаемое насильственно, а если движеніе не составляетъ сущности души, то она движется вопреки своей природѣ. 19) Неприятное также состояніе для души— быть въ соединеніи съ тѣломъ и не имѣть возможности освободиться отъ него, хотя чувствуется необходимость этого освобожденія, потому что, какъ обыкновенно говорится и часто съ полнымъ убѣжденіемъ, для ума лучше не быть въ связи съ тѣломъ. 20) Изъ всего этого также не видно, какая причина круговаго движенія себя. Природа души не можетъ быть причиною этого круговращенія, потому что сама душа при этомъ движется не самостоятельно; тѣло тоже не можетъ быть причиною этого движенія, потому что причина движенія его самого заключается въ душѣ. 21) Здѣсь даже нѣтъ мысли и о томъ, что такое состояніе души есть болѣе совершенное. Нужно было-бы по крайней мѣрѣ сказать, что Богъ заставляетъ душу двигаться кругообразно, потому что для нея лучше двигаться, чѣмъ пребывать неподвижною, и двигаться именно такимъ, а не другимъ способомъ. Но такъ какъ разсмотрѣніе всего этого удобнѣе въ другихъ сочиненіяхъ⁽¹⁾, то мы и оставимъ его.

22) Изложенное ученіе, какъ большая часть мнѣній о душѣ, заключаетъ въ себѣ еще ту несообразность, что, соединяя душу съ тѣломъ и нося ее въ него, не объясняетъ причины этого соединенія и того, какамъ условіямъ для этого должно удовлетворять тѣло. Однакоже такое объясненіе совершенно необходимо, потому что именно благодаря этой связи одно дѣйствуетъ, а другое находится въ страдательномъ положеніи, одно движется, а другое движется: такого соотношенія, конечно, не можетъ быть между предметами, соединенными случайно. 23) Мыслителя этого направленія старается только объяснить, что такое душа

(1) Александръ Аполлосевичъ говоритъ, что здѣсь разсмѣтается физическая соединенія, Симплиція, — что метафизика. Впрочемъ и то и другое вѣстѣ. В. S. Nilairé. op cit. 133 p.

а относительно тѣла, ее заключающаго, они не говорятъ ничего опредѣленнаго, какъ будто всякая душа можетъ облечься въ любое тѣло, согласно съ известнымъ платоническимъ мифомъ. Дѣло въ томъ, что всякая душа имѣетъ, кажется, свой образъ и форму. Поэзія это похоже на то, какъ еслибы кто сказалъ, что строительное искусство выражается въ музыкальныхъ инструментахъ: всякое искусство должно имѣть свои собственныя орудія и всякая душа свое собственное тѣло, какъ орудіе.

Г л а в а IV.

1) Существуетъ и другое мифіе о душѣ, почитаемое многими не менѣе вѣрнымъ, чѣмъ тѣ, о которыхъ мы говорили, — мифіе подтвержденное уже изслѣдованію въ общезвѣстныхъ сочиненіяхъ¹⁾. Мифіе это состоитъ въ томъ, что душа есть иѣкотораго рода гармонія, потому что гармонія есть смѣшеніе и сочетаніе противоположностей, а тѣло состоитъ изъ противоположностей.

2) Но если гармонія есть иѣкоторое соотношеніе смѣшанныхъ предметовъ и ихъ соединеніе, то душа не можетъ быть ни тѣмъ, ни другимъ. 3) Далѣе, движеніе не есть свойство гармоніи, а душѣ всемі, такъ сказать, по преимуществу принадлежитъ это свойство. 4) Гораздо удобнѣе понятіе гармоніи прилагается къ здоровью и вообще къ хорошимъ телеснымъ качествамъ, чѣмъ къ душѣ. Это становится очевиднымъ, если сдѣлать попытку вывести состоянія и дѣятельности души изъ иѣкоторой гармоніи: это оказывается дѣломъ очень труднымъ. 5) Кроме того, слово гармонія употребляется въ двухъ значеніяхъ. Въ собственномъ смыслѣ оно прилагается къ совокупности такихъ величинъ, которыя имѣютъ движеніе и опредѣленное взаимное отношеніе такого рода, что не могутъ принять въ соединеніе съ собою ничего рождественнаго. Отсюда уже понятіе гармоніи перене-

¹⁾ *Tōis de kaiō leucōisōis dōris*. Самилій разумеетъ здѣсь Феденъ Платона изъ предельнаго Арестелаго разговора Евдемъ; но выразилъ правденіе можетъ также означаться въ устномъ бесѣдахъ — лекціяхъ, говоримыхъ для себя. — тѣмъ называемымъ экзотерическимъ. В. S. Hilaire, v. c. 131—132 pp. Nota.

сепо и на смѣшеніе. Но разумъ не допускаетъ приложенія къ душѣ ни того, ни другаго изъ этихъ понятій гармоніи. Что душа не есть сочетаніе частей тѣла—это очень легко доказать. Сочетаніе этихъ частей также многочисленно, какъ и разнообразно: которое же изъ нихъ и въ какой его формѣ нужно признавать умомъ, ощущеніемъ, или стремленіемъ. 6) Также педѣбно приложеніе къ душѣ понятія гармоническаго смѣшенія, потому что отношеніе элементовъ, изъ смѣшенія коихъ образуется плоть, не тоже самое, изъ коего образуются кости. Если отношеніе смѣшанныхъ элементовъ, какъ ихъ гармонія, есть душа, то въ тѣлѣ будетъ большое количество душъ, именно будетъ особая душа для каждой его части, потому что каждая изъ нихъ состоитъ изъ смѣшенія элементовъ. 7) Тоже возраженіе можно предстать и противъ Емпедокла, который утверждаетъ, что каждый предметъ существуетъ въ силу известнаго соотношенія между его частями. Что же такое душа? Есть ли она это самое соотношеніе, или нечто иное, приходящее къ частямъ тѣла. Далѣе, есть ли любовь⁽¹⁾ причина всякаго смѣшенія, или только смѣшенія пропорціональнаго? И сама душа, есть ли именно это пропорціональное отношеніе, или нечто иное, отличное отъ него? 8) Таковы затрудненія, возбуждаемыя этимъ мнѣніемъ. Если же душа есть нечто отличное отъ смѣшенія, то является вопросъ, почему она уничтожается вмѣстѣ съ уничтоженіемъ плоти и другихъ частей животнаго? Кроме того, если не каждая часть тѣла имѣетъ душу и душа не есть отношеніе смѣшанныхъ элементовъ, то что такое уничтожается, когда душа оставляетъ тѣло?

Изъ всего сказаннаго очевидно, что душа не есть гармонія, точно также какъ она не совершаетъ и круговаго движенія.

9) Душа, какъ мы сказали уже, двигаясь самаостоятельно, въ тоже время должна и сама себя двигать; двигаясь вслѣдствіе того, что движется тѣло, въ которомъ она находится, душа приводитъ въ движеніе самое это тѣло. Другимъ какимъ-либо способомъ она не можетъ двигаться и перемѣнять мѣсто. 10) Основательнѣе усомниться въ су-

(1) *φιλέα* по ученію Емпедокла есть звждущая космическая сила, нечто въ родѣ силы притяженія и сцѣпленія.

ществованіи какого-бы то ни было движенія души, если обратитъ вниманіе на слѣдующее. Мы говоримъ, что душа печалится, радуется, чувствуетъ мужество, страхъ, также—гнѣвается, ощущаетъ и мыслитъ. Всѣ эти состоянія кажутся движеніями и можно подуматъ потому, что и сама душа движется. 11) Но въ этомъ нѣтъ необходимости. Если дѣйствительно печаль, радость, мышленіе суть движенія и каждое изъ этихъ состояній совершается путемъ движенія, то это движеніе только зависитъ отъ души. Такъ напр. гнѣвъ или страхъ происходятъ влѣдствіе извѣстнаго движенія сердца, мышленіе есть подобное же движеніе того же самаго органа или какого-либо другаго. Эти движенія состоятъ частью въ перемѣщеніи, частью въ измѣненіи: какъ и какимъ образомъ все это совершается—объ этомъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ. 12) Такимъ образомъ, сказать, что душа напр. гнѣвается,—тоже самое что сказать,—душа приготовляетъ полотно или строитъ домъ. Лучше было-бы кажется такихъ выраженій, какъ—душа печалится, учится, размышляетъ не употреблять, а говорить—человѣкъ душою печалится, учится, размышляетъ. При этомъ не нужно представлять, что въ душѣ самой совершается движеніе: оно только или доходитъ до нея, или въ ней имѣетъ свое начало. Такъ въ ощущеніи движеніе идетъ отъ внѣшнихъ предметовъ, напротивъ въ воспоминаніи оно идетъ изъ души, направляясь къ находящемуся въ органахъ чувствъ движенію или покою. 13) Что же касается ума, то онъ, будучи нѣкоторою субстанціею, кажется, приходитъ отъ вѣ и не подверженъ поврежденію⁽¹⁾. Правда онъ повреждается отъ наступающаго въ старости общаго упадка силъ, но въ этомъ случаѣ происходитъ тоже самое, что въ области ощущеній. Если-бы старику дать молодыя глаза, онъ сталъ-бы видѣть, какъ молодой. Такимъ образомъ и старость зависитъ не отъ ослабленія души, а отъ того, что ослабляется тѣло, въ которомъ она находится, какъ это бываетъ также въ состояніи опьяненія и въ болѣзняхъ. 14) Мышленіе и соображеніе ослабляются въ старости влѣдствіе того, что нѣчто

(¹) Эти словы и болѣе подробное ихъ развитіе въ III книгѣ (3 гл.) вызвали обширную литературу объ умѣ по ученію Аристотеля и играли важную роль въ средневѣковой философіи.

другое внутри человека погрешается: самъ умъ безстрастенъ.—Размѣщеніе, любовь и ненависть не суть состоянія ума, а состоянія того существа, которое имъ обладаетъ и въ силу того, что оно обладаетъ имъ. Потому съ разрушеніемъ этого существа исчезаетъ и память и любовь, такъ какъ они принадлежатъ къ уму, а происходятъ вследствие соединенія его съ тѣломъ, которое разрушимо. Самъ умъ является есть нѣчто безсмертное и безстрастное.

15) Изъ всего этого очевидно, что душа не можетъ двигаться; а если она совершенно неподвижна, то тѣмъ болѣе не можетъ двигать сама себя.

16) Еще болѣе невольно, чѣмъ въ речисленіяхъ, то мнѣніе, что душа есть самодвижущееся число⁽¹⁾. Въ указанномъ уже несообразности, представляемъ изъ представленія души движущееся.—держаніе этого мнѣнія присоединяютъ понятія несообразности, которыя происходятъ изъ представленія ея числомъ. Въ самомъ дѣлѣ, какимъ образомъ единицу можно мыслить движущейся, чѣмъ и какъ она можетъ двигаться, будучи подвижною и неподвижною въ себѣ частей: если она движима и подвижна, то должна-бы заключить въ себѣ различныя части. 17) Далѣе, если движеніемъ линіи образуется поверхность, а изъ движущей точки линія, то и результатомъ движенія единицы должна быть линія, такъ какъ точка есть единица, имѣющая известное положеніе. Такимъ образомъ число души является занимающимъ мѣсто въ пространствѣ и имѣющимъ положеніе. 18) Кроме того, отъ числа можно еще отнять другое число или единицу, и тогда въ остаткѣ получится новое число. Между тѣмъ растенія и нѣкоторые животныя продолжаютъ жить и послѣ раздѣленія ихъ, и каждая часть обладаетъ повидимому тою же самою душою, душой того же рода. 19) Кажется также, что нѣтъ съ этой точки зрѣнія различія въ томъ, являются ли мы души единицами или малѣйшими тѣлами; потому что, если шарикъ Девокрита призрачить въ точки, оставивъ только ихъ качества, то между ними будетъ нѣчто движущее и нѣчто движимое, какъ въ пространственной величинѣ, такъ какъ дѣло не въ большей или меньшей

(¹) Мнѣніе это принадлежитъ Кескобрату, ученику и преемнику Платона.

величинѣ шариковъ, а въ ихъ качествѣ. Такимъ образомъ нужно предположить и что движущее и единицы. Такъ какъ въ животныхъ движущее начало есть душа, то она должна быть и движущимъ началомъ числа. А въ такомъ случаѣ она не будетъ движущимъ и движимымъ вмѣстѣ, а только движущимъ. 20) И возможно ли какимъ бы то ни было образомъ, чтобы душа была единицей? Она должна чѣмъ нибудь отличаться отъ другихъ душъ, а какое же различіе можетъ быть между недѣлимыми точками, кромѣ различія въ ихъ положеніи. Если единицы отличны отъ точекъ, находящихся въ тѣлѣ, то все-таки единицы должны занять тоже самое мѣсто, что и точки, потому что каждая единица займетъ мѣсто точки. Въ такомъ случаѣ, что восприняется, есть быть безконечному множеству единицъ въ одномъ мѣстѣ, если уже разъ допущена возможность существованія въ одномъ мѣстѣ двухъ (¹), потому что предметы недѣлимые занимаютъ и мѣсто недѣлимое. 21) Если же точки тѣла сами составляютъ то число, которое есть душа, или если душа состоитъ изъ числа точекъ тѣла, то почему не все тѣла имѣютъ душу, такъ какъ каждое тѣло состоитъ изъ безконечнаго множества точекъ? 22) Наконецъ, какимъ образомъ для души возможно отдѣленіе отъ тѣла и освобожденіе отъ нихъ, если линия не можетъ быть раздѣлена на точки?

Г л а в а V.

1) Признающіе душу самодвижущимся числомъ, повторяя съ одной стороны тоже самое, что утверждаютъ признающіе душу состоящимъ изъ тонкихъ частей тѣломъ, съ другой,—говоря подобно Демократу, что душа движетъ тѣло, допускаютъ какъ мы сказали новую, собственную нелѣпность.—Если душа есть иъкакогого рода тѣло, и находится во всемъ ощущающемъ организмѣ, то необходимо признать, что въ одномъ и томъ же мѣстѣ находится два тѣла. При предположеніи же, что душа есть число, является необходимость признать, что въ одной точкѣ находится большее количество точекъ, и также,—что всякое тѣло имѣетъ душу,—въ томъ случаѣ, если число не есть и что иное

(¹) Т. е. точки и единицы.

привходящее и отличное отъ точекъ тѣла. 2) Число является при этомъ также и произвольнымъ движеніе животнаго точно такъ же, какъ оно производится по теоріи Демокрита; потому что, какое различіе въ томъ, скажемъ ли мы, что движутся круглыя тѣла, движутся маленькія или большія единицы или просто единицы? Во всякомъ случаѣ является необходимость признать, что животныя движутся потому, что эти предметы находятся въ движеніи. 3) Тѣ, кои соединяютъ движеніе и число, приходятъ къ тѣмъ же негнностямъ и многимъ другимъ подобнымъ. Не только не возможно признать это мнѣніе опредѣленіемъ существа души,—въ немъ нѣтъ указанія даже и свойствъ души. Это становится очевиднымъ, когда мы пытаемся изъ этого понятія объяснить состоянія и дѣятельности души, какъ-то—мысли, ощущенія, удовольствія, неудовольствія и прочее тому подобное. Какъ мы уже сказали, трудно на основаніи этого понятія даже предугадать ихъ существованіе.

4) Мы разсмотрѣли всѣ недоразумѣнія и противорѣчія заключающіяся въ трехъ изъ дошедшихъ до насъ опредѣленій души, изъ которыхъ—по одному она есть самое подвижное существо потому что сама себя движетъ, по другому—она есть состоящее изъ тончайшихъ частицъ тѣло, по третьему—она есть самое нематеріальное существо изъ всѣхъ. 5) Остается теперь разсмотрѣть мнѣніе тѣхъ, которые говорятъ, что душа состоитъ изъ стихій. Это мнѣніе имѣетъ цѣлю объяснить, какимъ образомъ душа воспринимаетъ все сущее и познаетъ каждый предметъ. Въ немъ необходимо заключается много невозможнаго. Такъ защитники этого мнѣнія утверждаютъ, что подобное познается подобнымъ и признаютъ такимъ образомъ душу состоящую какъ-бы изъ самихъ воспринимаемыхъ и познаваемыхъ предметовъ. Но существуютъ не одні только стихіи, а много, или лучше сказать безконечное множество другихъ предметовъ, состоящихъ изъ этихъ стихій. 6) Состоя изъ стихій, душа, положимъ, будетъ въ состояніи познавать и ощущать стихіи, изъ которыхъ составленъ каждый изъ этихъ предметовъ; но чѣмъ она будетъ познавать совокупность стихій, познавать цѣлый предметъ, напр. бога, человека, плоть, кость и вообще всѣ другіе сложные предметы? Дѣло въ томъ, что каждый предметъ состоитъ изъ стихій соединенныхъ не какъ-нибудь, а въ каждомъ онѣ находятся въ опредѣлен-

номъ, иѣлесообразномъ соотношеніи и сочетаніи. Такъ самъ Емпедоклъ говоритъ о костяхъ:

„Творящая земля—въ плавающихъ вѣнъ своихъ обширныхъ пѣдръ

„Положила двѣ восьмыхъ части прозрачнаго Нистада (*)

„И четыре части стихій Гефеста: изъ этого смѣшенія образовались бѣлыя кости“.

Присутствіе въ душѣ всѣхъ стихій не имѣетъ такимъ образомъ никакого значенія, если въ ней нѣтъ и всѣхъ ихъ соотношеній, также всѣхъ способовъ ихъ сочетанія. Каждая изъ заключающихся въ душѣ стихій будетъ познавать себя подобное, но душа при этомъ не будетъ въ состояніи познать кость или человека, если въ ней не будетъ и этихъ предметовъ. Нѣтъ нужды говорить, что это послѣднее невозможно. Кому въ самомъ дѣлѣ придетъ на мысль задать вопросъ, нѣтъ ли дѣйствительно въ душѣ камня или человека? Тоже самое можно сказать относительно добра и зла и всѣхъ другихъ предметовъ. 7) Кроме того о существующемъ говорится въ различныхъ отношеніяхъ,—то какъ о субстанціи, то какъ о качествѣ, количествѣ, или другой какой-либо изъ извѣстныхъ категорій. Сиринивается теперь, состоитъ ли душа изъ всѣхъ этихъ видовъ сущаго, или нѣтъ? Кажется, стихіи не однѣ и тѣже для всѣхъ категорій. Можетъ быть душа состоитъ изъ стихій, которыя составляютъ субстанцію? Въ такомъ случаѣ, какъ она познаетъ стихіи другихъ категорій. Можетъ быть на это отвѣтятъ, что каждый родъ состоитъ изъ собственныхъ стихій и началъ и изъ этихъ-то началъ составляется душа. Въ такомъ случаѣ она будетъ и качествомъ и количествомъ и субстанціею. Но невозможно, чтобы изъ стихій качества составила субстанція, а не качество — къ такимъ и подобнымъ результатамъ приводитъ мнѣніе, что душа состоитъ изъ всего.

8) Нельзя также говорить, что подобное не можетъ подвергаться вліянію подобнаго (*) и въ тоже время утверж-

(*) *Nῆσες*, слово, значеніе котораго темно. Древніе комментаторы счатаютъ его названіемъ вещества, состоящаго изъ воздуха и воды. Kirchman. Philos. Biblioth. В. 43. Nota 63.

(*) Подробнѣе это ученіе изложено въ De generat. I. 1. с. 7. 323 р.

дать, что подобное воспринимается подобнымъ и подобнымъ познается подобное. Потому что сами защитники этого мнѣнія признаютъ, что ощущеніе есть своего рода страдательное состояніе, такъ же точно какъ мышленіе и познаніе.— 9) Какъ много затрудненій и недоумѣній возбуждается ученіемъ Эмпедокла и родственными съ нимъ, — именно ученіемъ, что все познается матеріальными стихіями и при томъ подобными — подобное, — можно видѣть и изъ слѣдующаго. Тѣ части тѣла животнаго, которыя состоятъ изъ одной земли, какъ-то кости, жилы, волосы, кажется ничего не могутъ воспринимать, слѣдовательно и себѣ подобнаго. Между тѣмъ они должны воспринимать по этой теоріи. 10) Кромѣ того у каждаго начала начала при этихъ условіяхъ будетъ больше незнанія, чѣмъ знанія. Великимъ началомъ будетъ познаваться только что-нибудь одно, — многое же, и именно все прочее останется для него неизвѣстнымъ. И Богъ, съ точки зрѣнія Эмпедокла, будетъ знать меньше, чѣмъ другіе познающія существа; одинъ онъ не будетъ знать одной изъ стихій — именно вражды⁽¹⁾, тогда какъ всѣ смертныя существа, состоя изъ всѣхъ стихій, будутъ знать все. 11) И вообще, по какой причинѣ не всѣ существующіе предметы имѣютъ душу? Каждый изъ нихъ состоитъ или изъ одной, или изъ нѣсколькихъ, или изъ всѣхъ стихій и потому каждый долженъ познавать или одну стихію, или нѣсколько, или всѣ. 12) Является также вопросъ, что такое соединяетъ стихіи въ одинъ предметъ? Стихіи имѣютъ сходство съ матерією, а сила ихъ объединяющая должна быть нѣчто высшее, въ чемъ-бы оно ни заключалось. Но невозможно допустить, чтобы что-нибудь было высшее души и управляющее ею. Относительно ума это еще меньше возможно. Разумъ требуетъ признать его старѣйшимъ по происхожденію и господствующимъ началомъ по природѣ, между тѣмъ защитники разбираемаго мнѣнія утверждаютъ, что первыя начала всего сущаго суть стихіи.

13) Какъ тѣ, кои признаютъ душу состоящею изъ всѣхъ стихій, потому что она все познаетъ и воспринимаетъ, такъ и признающіе ее самымъ подвижнымъ существомъ, — въ

(¹) *νεκος*, противоположная *φίλια* и *στορυη* космическая сила въ системѣ Эмпедокла.

своими учения не обнимаютъ всей души. Не всё, какъ известно, оцущающія существа способны къ движению: нѣкоторыя животныя, почитимому, постоянно остаются на одномъ мѣстѣ, хотя душа производитъ въ животныхъ, кажется, именно этого рода движенье, т. е. перемѣщеніе. Подобнымъ же образомъ не обнимаютъ всей души и тѣ, кои представляютъ умъ и оцущеніе состоящими изъ стихій, потому что растенія тоже живутъ, хотя не могутъ ни перемѣщать мѣста, ни оцущать, а многіе животныя не обладаютъ способностію мышленія. 14) Если мы оставимъ даже это безъ вниманія и признаемъ умъ частию души, также и способность оцущенія, то и въ такомъ случаѣ въ разбираемыхъ мѣстѣхъ не даго будетъ понятія не только о всей и всякой душѣ, но и объ одной какой-либо душѣ.

15) Тѣ же недостатки заключаетъ въ себѣ и ученіе, изложенное въ такъ называемыхъ орфическихъ пѣсняхъ⁽¹⁾. Здѣсь говорится, что душа входитъ въ животныхъ при посредствѣ дыханія изъ окружающей вселенной, — приносима вѣтрами. Очевидно это невозможно для растеній и даже нѣкоторыхъ животныхъ, потому что не всё животныя дышатъ, но на это не обратили вниманія издумавшіе вышеприведенное ученіе. 16) Если ужъ душу производить изъ стихій, то нѣтъ никакой нужды составлять ее изъ всѣхъ, потому что изъ двухъ противоположныхъ стихій — одна можетъ познавать и саму-себя и противоположную ей. Такъ посредствомъ прямого мы познаемъ и само прямое и противоположное ему кривое; свойство прямой служить критеріемъ того и другого, тогда какъ по одной кривой нельзя составить понятія не о ней самой, ни о прямой.

17) Нѣкоторые говорятъ, что душа есть составная часть всего, и Оадесть, можетъ быть, выходя изъ этого воззрѣнія, думалъ, что вселенная наполнена богами. 18) Но является вопросъ, почему душа, находящаяся въ воздухѣ и огнѣ, не дѣлаетъ ихъ живыми существами, а производитъ это только относительно предметовъ сложныхъ, не смотря на то, что душа находящаяся въ воздухѣ и огнѣ представляется высшею по своей природѣ. 19) При этомъ можно задать также вопросъ, по какой причинѣ души находящіяся въ воздухѣ совершаютъ

(1) Ср. De generat. Lib. II, c. 1; 733 p.

и бессмертныя души животных? 20) Здѣсь представляется двойкаго рода нелѣпность и противорѣчіе здравому смыслу. Именно—назвать огонь или воздухъ живымъ существомъ противно здравому смыслу, признавая же въ нихъ присутствіе души, не называть ихъ живыми существами—нелѣпно.—21) Присутствіе души въ этихъ стихіяхъ признается, кажется, потому, что части ихъ составляющія однородны съ цѣлымъ; но въ такомъ случаѣ и душу можно признать состоящею изъ однородныхъ частей, такъ какъ, по мнѣнію защитниковъ этого ученія, животныя имѣютъ душу благодаря тому, что воспринимаютъ въ себя часть окружающей ихъ среды. Но, если воздухъ, какъ-бы мы его ни дѣлили, состоитъ всегда изъ однородныхъ частей, а душа, напротивъ, состоитъ изъ частей неоднородныхъ, то очевидно, что одна изъ этихъ частей есть въ воздухѣ, а другой нѣтъ. А отсюда необходимо слѣдуетъ, что или части души должны быть одинаковы между собою, или ея не должно быть ни въ одной изъ составныхъ частей вселенной.

22) Изъ всего сказаннаго очевидно, что душа познаетъ не потому, что она состоитъ изъ стихій, и что приписывать ей движеніе неосновательно и невѣрно.

23) Такъ какъ познаніе, ощущеніе и мышленіе принадлежатъ душѣ, ей также принадлежитъ желаніе, хотѣніе и вообще всякое стремленіе, отъ нея же зависитъ способность животныхъ двигаться и перемѣнять мѣсто. наконецъ—возрастаніе, зрѣлость и упадокъ силъ, то является вопросъ: вся ли душа присутна въ каждомъ изъ этихъ состояній, и мы мыслимъ, ощущаемъ и испытываемъ всякое другое страдательное или дѣятельное состояніе—всєю душою, или какою-нибудь частію? Далѣе, составляетъ ли жизнь дѣйствіе одной какой-либо изъ этихъ частей, или нѣсколькихъ, или всѣхъ, или же, наконецъ, производится нѣкоторою другою причиною? 24) Есть мнѣніе, что душа состоитъ изъ частей, и мыслить одною частію, а желаетъ другою. Но что же такое будетъ въ такомъ случаѣ соединять душу въ одно цѣлое, если она состоитъ изъ частей? Никакъ ужъ не тѣло, потому что очевидно, наоборотъ тѣло соединяется въ одно цѣлое душою, и когда душа выходитъ изъ него, распадается и срывается. Если она объединяется чѣмъ-нибудь инымъ, то это иное и будетъ собственно душою. Но тогда опять является вопросъ, проста эта душа, или состоитъ изъ

частей? Если она состоитъ изъ частей, то опять нужно искать объединяющаго ихъ начала, и такъ до безконечности. 25) Возбуждается также недоумѣніе относительно того, какое значеніе имѣетъ каждая часть души для тѣла. Если вся душа объединяетъ тѣло, то необходимо, чтобы каждая часть ея объединяла какую-нибудь часть тѣла: но это невозможно, потому что трудно даже вообразить, какую часть тѣла и какъ объединяетъ напримеръ умъ? 26) Кроме того растенія и многія изъ члвчковыхъ продолжаютъ жить послѣ разсѣченія ихъ, какъ будто каждая изъ образовавшихся такимъ образомъ частей имѣетъ ту же душу, если не по числу, то по сущности, потому что каждая изъ частей и въ которое время ощущаетъ и двигается, и если они и умираютъ скоро, то въ этомъ нѣтъ ничего страннаго: они не имѣютъ всѣхъ органовъ для сохраненія своего бытія. Тѣмъ не менѣе, въ каждой изъ частей разсѣченнаго животнаго находится всѣ части души члвчаго животнаго: по роду онѣ одинаковы и между собою и съ душою члвчаго животнаго. Одинаковы между собою въ томъ, что недѣлимы, одинаковы съ цѣлою душою, потому что подобно ей могутъ быть раздѣлены на одинаковыя части.—27) Начало присущее растеніямъ, кажется, есть также своего рода душа, потому что оно общее у растеній съ животными и можетъ существовать отдѣльно отъ ощущающаго начала. Ощущеніе же безъ него существовать не можетъ.

КНИГА ВТОРАЯ.

Г л а в а I.

1) Мы сказали все, что нужно, относительно дошедшихъ до насъ мнѣній древнихъ мыслителей о душѣ. Теперь возвратимся къ тому, съ чего начали, и сдѣлаемъ попытку опредѣлить, что такое душа и какое можно дать самое общее понятіе о ней?

2) Одни изъ родовъ существующаго составляютъ субстанции⁽¹⁾. Каждая субстанція заключаетъ въ себѣ матерію, которая сама по себѣ не есть что-либо опредѣленное, во вторыхъ формѣ и видѣ въ силу котораго она становится опредѣленнымъ предметомъ, и въ третьихъ нѣтъ сущее изъ этихъ двухъ частей. Матерія при этомъ есть только

(¹) См. *Cathec.* с. IV; *Metaph. Lib. V.* с. 6.

потенція, форма же—энтелехія⁽¹⁾ и притомъ энтелехія въ двухъ значеніяхъ, различіе между которыми такое же, какъ между знаніемъ и приложеніемъ его⁽²⁾. 3) Повидимому тѣла и притомъ тѣла естественныя суть по преимуществу субстанціи, потому что онѣ лежатъ въ основѣ всѣхъ другихъ. Изъ тѣлъ естественныхъ однѣ одарены жизнью, другія нѣтъ. Жизнью мы называемъ—питаніе, возрастаніе и увяданіе тѣла, имѣющія основаніе въ немъ самомъ. Такимъ образомъ каждое естественное тѣло, имѣющее въ себѣ жизнь, есть субстанція и, какъ такая, есть вѣчно составное⁽³⁾. 4) Такъ какъ тѣло, какъ одаренное жизнью, имѣетъ самостоятельное бытіе⁽⁴⁾, то само оно не есть душа, потому что оно не есть какое-нибудь свойство предмета, а наоборотъ, само есть предметъ и матерія. Велѣдствіе этого душа, необходимо, есть субстанція въ смыслѣ формы естественнаго тѣла, заключающаго въ себѣ способность жизни, а субстанція есть энтелехія. 5) Съ тѣмъ вмѣстѣ душа есть энтелехія опредѣленнаго тѣла и притомъ энтелехія въ двухъ значеніяхъ, которыя относятся между собою также, какъ знаніе и его приложеніе. Очевидно, что въ этомъ случаѣ, она есть энтелехія въ смыслѣ знанія, потому что какъ скоро существуетъ душа, является сонъ и бодрствованіе: бодрственное состояніе имѣетъ аналогію съ прилагаемымъ къ дѣлу знаніемъ, сонъ— съ знаніемъ присутимъ души, но обнаруживающимся въ дѣйствіи. Знаніе по своему происхожденію предшествуетъ приложенію, потому душа есть первая энтелехія естественнаго тѣла, способнаго къ жизни и организованнаго. 6) Растенія тоже обладаютъ органами, только въ высшей степени простыми. Такъ листъ есть покровъ для

(1) Слово *ἐντελέχεια* происходитъ отъ *ἐντελέχεια* законченныя, совершенныя, разлагается филологически въ *τὸ εἶναι ἐν τῷ τῷ τέλος ἔχειν*,—и значитъ частая, полная дѣятельность. Схоластики переводятъ его словами: *actus* или *actus et perfectio*, Б. Сентъ—Плеръ—*realité parfaite*, Кирхманъ—*vollendete Wirklichkeit*. Мы оставляемъ этотъ оригинальный и любимый терминъ Аристотеля безъ перевода, потому что вполне точная передача однимъ или двумя словами смысла, который соединяется съ словомъ энтелехія, невозможна.

(2) Въ подлинникѣ. *τὸ μὲν ὡς ἐπιστήμη τὸ δ' ὡς τὸ θεωρεῖν*.

(3) Составное изъ матеріи, формы et c. Смъ выше п. 2 Ср *Metaph. VII. c. 3; VIII.*

(4) *Τοιοῦδε*, такое то, опредѣленное.

скорлупы, а скорлупа есть покровъ плода; корни имѣютъ сходство со ртомъ, потому что ими, какъ и ртомъ вбирается пища. Такимъ образомъ общее опредѣленіе души будетъ слѣдующее: душа есть энтелехія естественнаго органическаго тѣла.

7) Въ виду этого опредѣленія не можетъ быть и вопроса о томъ, суть-ли душа и тѣло нечто единое, какъ не можетъ быть этого вопроса относительно воска и его формы, или относительно единства матеріи съ тѣмъ, чему она служитъ матеріею. Хотя понятіе единаго и бытіе имѣютъ много значеній, но преимущественно оно приложимо къ энтелехіи.

8) Теперь выяснилось, что такое душа вообще.—Она есть отвлеченная сущность⁽¹⁾. Отвлеченная сущность есть не что иное, какъ существенное свойство опредѣленнаго тѣла⁽²⁾. Такъ положимъ, что естественное тѣло есть какое-нибудь орудіе, напр сѣкира. Сущность сѣкиры есть то, что она есть сѣкира и это свойство составляетъ ее душу: съ уничтоженіемъ его сѣкира перестаетъ быть сѣкирою въ собственномъ смыслѣ и становится предметомъ, имѣющимъ одинаковое съ пего названіе, при существованіи же указанного свойства предметъ этотъ есть дѣйствительно сѣкира. Конечно душа не есть отвлеченная сущность такого рода тѣла, какъ сѣкира: она есть отвлеченная сущность естественнаго опредѣленнаго тѣла, которое въ самомъ себѣ имѣетъ источникъ движенія и покоя. 9) Все сказанное относительно сѣкиры нужно приложить къ органамъ тѣла. Если-бы глазъ былъ живымъ существомъ, то способность видѣть была-бы его душою, потому что эта способность есть отвлеченная сущность глаза, а самый глазъ только матерія зрѣнія, съ уничтоженіемъ котораго онъ перестаетъ быть глазомъ въ собственномъ смыслѣ, а остается имъ только по имени, какъ напр. глазъ каменный или парисованный. Сказанное относительно частей тѣла нужно приложить къ цѣлому живому тѣлу, потому что отношеніе частнаго ощущенія къ части тѣла сходно съ отношеніемъ всей совокупности ощу-

(1) *Ὀὐσία κατὰ λόγον*, сущность доступная разуму, общее отвлеченное понятіе о предметѣ, въ противоположность воспринимаемому чувству, *οὐσία*—вообще.

(2) *Τὸ τὶ ἦν εἶναι εἰς τὸ αὐτὸν οὐρανὸν*.

ценій ко всему ощущающему тѣлу, какъ такому. 10) Само собою понятно, что способностію жизни обладаетъ не то, что теряетъ душу, а то, что ее имѣетъ, такъ что сѣмя и плодъ суть въ возможности уже опредѣленнаго рода тѣло. 11) Такимъ образомъ, какъ свойство сѣкеры—сѣченіе и свойство глаза,—зрѣніе есть интелехія, такъ и бодрствованіе и душа имѣетъ сходство съ способностію зрѣнія и силою орудія, тѣло же есть пѣчто существующее только въ возможности; и какъ зрачекъ и зрѣніе составляютъ глазъ, такъ душа и тѣло составляютъ живое существо.

12) Итакъ душа неотдѣлима отъ тѣла; очевидно также, что неотдѣлимы и части ея, если она состоитъ изъ частей, потому что каждая изъ этихъ частей будетъ интелехіею какой-либо части тѣла. Но при этомъ нѣтъ никакого препятствія къ тому, чтобы нѣкоторыя части души, какъ несоставляющія интелехіи тѣла, были отдѣлимыми отъ него. 13) Кроме того остается не яснымъ, относится-ли душа, какъ интелехія тѣла, къ нему также, какъ плавецъ относится къ судну, на которомъ плыветъ.

Такъ въ общихъ чертахъ можно опредѣлять и представлять душу.

Г л а в а II.

1) Такъ какъ изъ непонятнаго, но болѣе очевиднаго проистекаетъ понятное и болѣе доступное разуму, то мы будемъ продолжать изслѣдованіе души, какъ начали.

Въ опредѣленіи должно быть указано не только то, что такое извѣстный предметъ, какъ это дѣлается въ большей части опредѣленій, но въ немъ должна указываться и объясняться причина. Дѣйствительно иногда опредѣленія бывають простыми заключеніями изъ посылокъ, какъ напр. опредѣленіе квадратуры, въ которомъ утверждается, что квадратура есть превращеніе неравносторонней прямоугольной фигуры въ равностороннюю. Такое опредѣленіе есть ни что иное, какъ заключеніе, данное въ посылкѣ. Оно будетъ имѣть въ себѣ указаніе причины, когда будетъ сказано, что квадратура есть отысканіе средней пропорціоальной линіи.

2) Въ началѣ изслѣдованія мы сказали, что одушевленное отличается отъ неодушевленнаго присутствіемъ жизни.

Слово жизнь имѣетъ много значеній. Мы говоримъ, что известное существо живетъ, когда у него есть одно изъ слѣдующихъ свойствъ: умъ, ощущеніе, движеніе въ пространствѣ и покой, также движеніе, выражающееся въ питаніи, возрастаніи и увяданіи. 3) Поэтому все растенія повидимому живыя существа, такъ такъ они обладаютъ тою силою и началомъ, благодаря которому растутъ и увядаютъ въ противоположныхъ направленіяхъ: они растутъ не только вверхъ и внизъ, но какъ въ обѣихъ этихъ направленіяхъ, такъ и во все стороны, при этомъ питаются, растутъ и живутъ до известныхъ предѣловъ, пока могутъ принимать пищу. 4) Эти явленія—питанія и роста могутъ существовать отдѣльно отъ другихъ, но другія явленія душевныя безъ нихъ не могутъ существовать въ смертныхъ существахъ. Независимость ихъ отъ другихъ явленій ясно видна на растеніяхъ, потому что у растеній нѣтъ еще никакихъ другихъ силъ души, кромѣ растительной. Благодаря этому началу, жизнь присуща всеѣмъ живымъ существамъ, но животное является только съ явленіемъ ощущенія. Поэтому даже существа не имѣющія движенія и не перемѣняющія мѣста, но обладающія ощущеніемъ, называются животными, а не просто живыми существами. 5) Изъ всехъ ощущеній первымъ является осязаніе, и какъ сила растительная можетъ быть безъ осязанія, такъ осязаніе можетъ существовать безъ другихъ ощущеній. Растительною силою мы называемъ ту часть души, которая присуща всеѣмъ живымъ существамъ, не исключая и растеній. Въ свою очередь все животныя, какъ кажется, обладаютъ чувствомъ осязанія. Какая причина того и другого изъ этихъ фактовъ, мы скажемъ въ другомъ мѣстѣ. 6) Теперь же мы скажемъ только, что душа есть начало упомянутыхъ явленій и ими т. е. способностію растительною, способностію ощущенія, мышленія и движенія—опредѣляется.

7) Есть-ли каждая изъ этихъ способностей душа, или они только части души, и если части, то отдѣльны-ли онѣ другъ отъ друга только въ отвлеченіи, или на самомъ дѣлѣ, - вопросъ этотъ относительно нѣкоторыхъ частей не трудно рѣшить: относительно другихъ—тутъ встрѣчается затрудненіе. 8) Такъ у нѣкоторыхъ изъ растеній, если ихъ разсѣчь, части продолжаютъ жить каждая отдѣльно отъ другой, какъ будто въ каждомъ растеніи существуетъ въ действительности одна душа, а въ возможности—нѣсколько

души. Тоже самое мы видимъ относительно частей души расчлененныхъ насѣкомыхъ, потому что каждая изъ частей имѣетъ ощущеніе и движеніе въ простраствѣ. Имѣя ощущеніе, каждая часть должна имѣть воображеніе и желаніе, потому что, гдѣ есть ощущеніе, тамъ есть удовольствіе и неудовольствіе, а гдѣ есть эти послѣднія, тамъ необходимо есть и желаніе. 9) Относительно ума и мыслительной способности нѣтъ такой очевидности: кажется, что это иной родъ души и онъ одинъ можетъ отдѣлиться, какъ нѣчто вѣчное отъ преходящаго. 10) Что остальные части неогдѣлимы, вопреки мнѣнію нѣкоторыхъ, это очевидно изъ сказаннаго выше. Очевидно также, что эти части различаются между собою по своему характеру: начало ощущающее есть очевидно иное, чѣмъ начало представляющее, также точно какъ различаются между собою ощущеніе и представленіе. Тоже самое можно сказать и относительно всѣхъ другихъ упомянутыхъ способностей. 11) Кроме того, у нѣкоторыхъ животныхъ существуютъ всѣ эти способности, у другихъ—нѣкоторыя, а у иныхъ только одна. На этомъ основывается различіе между животными, причину чего мы объяснимъ послѣ. Тоже самое и съ ощущеніями: одни животныя имѣютъ всѣ ощущенія, другія—нѣсколько изъ нихъ, иныя только одно, самое необходимое изъ всѣхъ,—осязаніе.

12) То, чѣмъ мы живемъ и чувствуемъ двояко, подобно тому какъ двояко то, чѣмъ мы познаемъ. То, чѣмъ мы познаемъ есть съ одной стороны знаніе, съ другой душа, потому что мы познаемъ тѣмъ и другимъ. Подобнымъ же образомъ то, чѣмъ мы бываемъ здоровы, есть съ одной стороны здоровье, съ другой—какая-нибудь часть тѣла, или все тѣло. Въ этихъ примѣрахъ знаніе и здоровье есть форма и нѣкотораго рода видъ, также понятіе и дѣйствіе предмета, способнаго къ нимъ,—знаніе—познающаго, здоровье—того, что можетъ быть здоровымъ, потому что дѣйствіе дѣйствующаго предмета, какъ кажется, обнаруживается въ страдательномъ состояніи и какомъ либо видоизмѣненіи другого. И такъ какъ душа есть то, чѣмъ прежде всего мы живемъ, ощущаемъ, представляемъ, то она есть своего рода понятіе и форма, а не матерія или подлежащее. 13) Мы сказали, что субстанція заключаетъ въ себѣ три составныя части,—форму, матерію и то, что изъ нихъ происходитъ, что изъ этихъ

частей,—матерія есть потенція, а форма интелехія. Одушевленное существо состоитъ изъ матеріи и формы; но при этомъ не тѣло есть интелехія души, а на оборотъ—душа есть интелехія тѣла. 11) Потому совершенно правильно рассуждаютъ тѣ, кои представляютъ, что и душа не можетъ быть безъ тѣла и никакое тѣло не есть душа. Душа не есть тѣло, а пѣчто принадлежащее тѣлу и потому находящееся въ тѣлѣ, и при томъ, въ известномъ, опредѣленномъ тѣлѣ, вопреки прежнимъ воззрѣніямъ, которыя привязываютъ ее къ тѣлу, не опредѣляя, что это за тѣло и какое оно, тогда какъ мы видимъ, что не всякій предметъ воспринимается всякимъ. 15) Это совершается на разумныхъ основаніяхъ и такимъ образомъ, что всякая интелехія можетъ существовать только въ томъ, въ чемъ есть возможность для этого и нужная для этого матерія; отсюда ясно, что душа есть интелехія и понятіе предмета, имѣющаго возможность быть такимъ-то опредѣленнымъ предметомъ.

Г л а в а . III.

1) У однихъ животныхъ, какъ мы сказали, есть всѣ указанныя способности души, у другихъ—пѣкоторыя изъ нихъ, у иныхъ—только одна. Способностями души мы назвали: начало питающее, начало стремленія, начало движенія въ пространствѣ и начало мыслищае. 2) У растеній есть только одно начало,—питающее; у другихъ существъ къ нему присоединяется оцущающее начало, а съ оцущающимъ и начало стремленія, потому что стремленіе обнаруживается въ желаніи, склонности, хотѣніи. Всѣ животныя безъ исключенія имѣютъ одно изъ чувствъ—осязаніе, а гдѣ есть оцущеніе, тамъ есть удовольствіе и неудовольствіе, пріятность и непріятность; гдѣ есть эти послѣднія, тамъ есть желаніе, потому что оно есть не что иное какъ стремленіе къ пріятному. 3) Кромѣ того у этихъ животныхъ есть еще оцущенія, сопровождающія питаніе, потому что они суть осязательныя оцущенія. Животныя питаются сухимъ и влажнымъ, теплымъ и холоднымъ, а чувство, которымъ воспринимаются всѣ эти качества, есть осязаніе: другія качества воспринимаются ихъ косвенно. Звукъ, цвѣтъ и запахи не имѣютъ въ питаніи никакого значенія. Что каса-

ется вкуса, то опъ есть тоже одно изъ осязательныхъ ощущеній. Дѣло въ томъ, что голодъ и жажда суть желанія, и именно—голодъ есть желаніе сухого и теплаго, жажда—холоднаго и влажнаго, а вкусъ есть какъ-бы приправа къ нимъ. Но разъясненіе всего этого будетъ сдѣлано послѣ, а теперь скажемъ только, что у гѣхъ животныхъ, у которыхъ есть осязаніе, есть и стремленіе. Веѣ ли при этомъ имѣютъ воображеніе,—дѣло темное, по объ этомъ послѣ. 4) У нѣкоторыхъ животныхъ къ этому присоединяется движеніе въ пространствѣ, у другихъ еще мышленіе и умъ, какъ напр. у людей, также у существъ подобныхъ имъ, или же болѣе совершенныхъ, чѣмъ они.

5) Легко видѣть, что понятіе души есть одно въ томъ же смыслѣ, въ какомъ одно понятіе математической фигуры. Какъ тамъ, фигура вообще не есть что-нибудь существующее отдѣльно отъ трехъугольника и другихъ фигуръ, такъ и здѣсь, душа не есть ничто отдѣльное отъ указанныхъ выше способностей. Правда веѣмъ фигурамъ можетъ быть дано одно общее опредѣленіе, которое будетъ относиться къ каждой и не обозначать ни одной изъ нихъ въ частности; тоже самое и относительно перечисленныхъ душъ. Но смѣшно было-бы въ томъ и другомъ случаѣ искать такого общаго понятія, которое не было-бы собственно понятіемъ ни одного изъ изслѣдуемыхъ предметовъ и не относилось-бы къ особенной индивидуальной формѣ, а оставляло ее въ сторонѣ. 6) И въ другомъ отношеніи душа имѣетъ сходство съ математическими фигурами,—именно: какъ у фигуръ, такъ и у живыхъ существъ, въ послѣдующемъ всегда потенциально существуетъ предыдущее: такъ въ четырехъугольникѣ содержится трехъугольникъ, въ душѣ осязающей—душа растительная. Такимъ образомъ является необходимость изслѣдовать относительно каждаго существа, какая у него душа, напр. какая душа у растенія, какая у человѣка, какая у животного.

7) Посмотримъ теперь, въ какомъ отношеніи стоятъ между собою души по порядку.

Безъ растительной силы—осязающая не существуетъ, по сама растительная сила существуетъ—въ растеніяхъ отдѣльно отъ осязающей. Далѣе, безъ осязанія не можетъ быть никакого другаго ощущенія, а само осязаніе существуетъ безъ веѣхъ другихъ ощущеній, потому что многія животныя

не имѣеть ни слуха, ни зрѣнія, также нѣтъ у нихъ чувства обонянія. Движеніе въ пространствѣ одни осязающія существа имѣють, другія нѣтъ. Наконецъ весьма не многія изъ нихъ обладаютъ мыслительною дѣятельностію и разсудкомъ. У тѣхъ изъ смертныхъ существъ, которыя обладаютъ мыслительною способностію, есть и всѣ другія; но мыслительная способность находится не у всѣхъ, обладающихъ ею, въ одинаковой степени: у нѣкоторыхъ нѣтъ даже воображенія, а другія живутъ только съ этою способностію. Совершенно въ особыхъ условіяхъ находится умъ, какъ дѣятельность отвлеченная.

Изъ всего сказаннаго ясно, что понятіе о каждой изъ указанныхъ способностей есть въ тоже время ближайшее понятіе о самой душѣ.

Г л а в а "IV."

1) Исследователь всѣхъ этихъ способностей необходимо долженъ составить понятіе о томъ, что такое каждая изъ нихъ, за тѣмъ исследовать результаты ихъ дѣятельности и также другія обстоятельства. Но для того, чтобы опредѣлить, что такое каждая изъ способностей, напр. что такое сила мысленная, или сила осязающая, или растительная, нужно сказать сначала, что есть мышленіе и что такое осязание, потому что обнаруженіе и дѣятельность силъ существуютъ для ума прежде, чѣмъ сами онѣ. Если же такъ и если самымъ дѣятельностямъ предшествуютъ предметы ихъ возбуждающіе, то по той же самой причинѣ нужно разсмотрѣть эти послѣдніе, т. е. пищу, осязаемое и мыслимое. 2) Такимъ образомъ прежде всего нужно сказать о пищѣ и рожденіи, потому что сила растительная, съ одной стороны, принадлежитъ всѣмъ живымъ существамъ, съ другой—есть первая и самая общая сила души, благодаря которой возможна жизнь у всѣхъ живыхъ существъ. Дѣятельности ея суть рожденіе и питаніе.

Для живыхъ существъ, если онѣ вполнѣ сформированы, неизумлечены и не проходятъ путемъ самостоятельнаго зарожденія.—самое естественное отиравленіе—производитъ себѣ подобное, для растенія—растеніе, для животнаго—животное, дабы сообразно съ своими средствами, быть при-

частными вѣчному и божественному. Въ самомъ дѣлѣ, все живыя существа стремятся къ этому и ради этого дѣлаютъ все, къ чему способны по своей природѣ. Конечная причина при этомъ двойкаго рода: самая цѣль и существо для котораго эта цѣль преслѣдуется⁽¹⁾. Такъ какъ само живое существо не можетъ быть постоянно причастнымъ вѣчному и божественному, потому что ни одно смертное существо не можетъ существовать вѣчно, какъ индивидуумъ, то каждое участвуетъ въ немъ на сколько можетъ,—одно болѣе, другое—менѣе, и, если не само, то въ себѣ подобномъ продолжаетъ существовать. Будучи тождественно съ нимъ по виду, хотя не тождественно по числу.

3) Душа есть причина и начало живаго тѣла. Слово причина имѣетъ нѣсколько значеній и душа есть причина въ трехъ извѣстныхъ смыслахъ: она есть причина, какъ источникъ движенія, какъ цѣль, къ которой это движеніе направляется, и какъ сущность живыхъ тѣлъ. 1) Что душа есть причина въ смыслѣ сущности—это очевидно, потому что сущность есть причина бытія каждаго предмета: сущность живыхъ существъ есть жизнь, а душа есть причина жизни. Кроме того основа потенціальнаго есть энтелехія⁽²⁾. 5) Что душа есть причина въ смыслѣ цѣли, тоже ясно, потому что какъ умъ дѣйствуетъ для чего нибудь, такъ и природа, и это для чего есть ея цѣль. Такая цѣль для живыхъ существъ, по самой ихъ природѣ, есть душа, такъ какъ все естественная тѣла, какъ животныя, такъ и растенія, суть орудія души и для нея существуютъ. Слово цѣль имѣетъ двойкій смыслъ: въ одномъ имъ означается то, что достигается, въ другомъ то, для чего достигается. 6) Также точно душа служить источникомъ движенія въ пространствѣ, хотя не всеѣмъ живымъ существамъ присуща эта способность. Отъ души же зависитъ внутреннее измѣненіе и возрастаніе, потому что ощущеніе есть нѣкотораго рода измѣненіе, а ощущение есть только тамъ, гдѣ есть душа. Тоже самое имѣютъ силу относительно возрастанія и увяданія: возрастаетъ физически и увядаетъ только то, что питается, а питаніе

(1) Въ подлинномъ стоятъ: τὸ δ' ἔστιν ἕνεκα διττῶν, τὸ μὲν ἄ, τὸ δ' ᾧ.

(2) τῆ δυνάμει ὕψτος λόγος ἢ εντελεχεια. В. С. Шлеръ переводитъ λόγος—la raison, Kirchmann—der Begriff.

совершается только въ существѣ причастномъ жизни. 7) Эмпедоклъ несправедливо утверждаетъ, что растенія, какъ при-
ерѣшлевныя корнями къ землѣ, направляются въ своемъ ро-
стѣ внизъ потому, что таково направленіе движенія самой
земли въ силу ея природы, и что направленіе ихъ роста
вверхъ зависитъ отъ огня. Дѣло въ томъ, что онъ непра-
вильно понимаетъ верхъ и низъ. Какъ для дѣлой вселенной,
такъ и для всякаго живаго существа верхъ и низъ нахо-
дятся не въ одномъ и томъ-же направленіи. Такъ корни у
растеній соотвѣтствуютъ головѣ у животныхъ, если прини-
мать за основаніе отождествленія и различеніе органовъ ихъ
отправленіе. Кромѣ того, чѣмъ сдерживаются въ растеніяхъ
земля и огонь, стремящіяся въ противоположныя стороны?
Если-бы не было силы, ихъ сдерживающей — они разъеди-
нились-бы; если же есть такая сила, то это душа и она
же есть причина возрастанія и питанія. 8) Нѣкоторые
думаютъ, что единственная причина питанія и роста есть
природа огня. Онъ одинъ изъ всѣхъ тѣлъ и стихій самъ
есть нѣчто питающееся и растущее, потому можетъ ка-
заться, что имъ производятся эти явленія и въ расте-
ніяхъ и животныхъ. Но огонь здѣсь есть только одна изъ
причинъ, а не единственная причина; въ собственномъ
смыслѣ причина ихъ есть душа. Дѣло въ томъ, что возра-
станіе огня не имѣетъ границъ, пока есть горячій мате-
ріаль, между тѣмъ для всѣхъ естественныхъ тѣлъ есть пре-
дѣлъ и опредѣленная форма величины и роста, и это зави-
ситъ отъ души, а не отъ огня, отъ сущности, а не отъ
матеріи.

9) Такъ какъ растительная и воспроизводительная спо-
собности души суть одна и таже сила, то нужно прежде под-
вергнуть изслѣдованію питаніе, потому что это отправленіе
служитъ отличительнымъ признакомъ души растительной отъ
всѣхъ другихъ.

Повидимому пищею служитъ противоположное противо-
положному, но не всегда. Только тѣ изъ противоположно-
стей служатъ пищею, которыя не только происходят другъ
отъ друга, но и увеличиваются подъ вліяніемъ одна другой.
Дѣйствительно; многія противоположности происходят другъ
отъ друга, но въ тоже время не увеличиваются количествен-
но: примѣромъ можетъ служить происхожденіе состоянія
здоровья изъ состоянія болѣзни. И питающія другъ друга

противоположныя служатъ одно другому пищею не одинаковымъ образомъ: такъ вода служитъ пищею для огня (¹), но огонь питать воду не можетъ, и повидимому въ тѣлахъ простыхъ одно по преимуществу есть питающее, другое же питаемое. 10) Здѣсь встрѣчается недоумѣніе. Нѣкоторые утверждаютъ, что питается и увеличивается въ ростѣ подобное подобнымъ, другіе полагаютъ, какъ и мы сказали, что изъ двухъ противоположныхъ одно питается другимъ, такъ какъ подобное не можетъ подвергаться страданію отъ подобнаго, между тѣмъ какъ пища терпитъ измѣненіе и переваривается, а все измѣняясь, превращается въ противоположное или въ нечто среднее. Кромѣ того, пища нѣчто претерпѣваетъ отъ питающагося, а питающееся отъ пищи не терпитъ ничего, точно также какъ строитель не терпитъ никакого измѣненія отъ матеріала, изъ котораго строитъ, а наоборотъ строительный матеріалъ воспринимаетъ на себя его дѣйствіе: самъ строитель измѣняется только въ той мѣрѣ, въ какой изъ состоянія бездѣйствія, переходитъ къ дѣйствію построенія. 11) Нужно также обратить вниманіе на то, что собственно называется пищею, первоначальное ли состояніе, или окончательная форма? Если подъ словомъ пища разумѣется и то и другое, т. е. пища уже переваренная и непереваренная, въ такомъ случаѣ къ ней можно приложить то и другое объясненіе. Когда разумѣется непереваренная пища, можно утверждать, что противоположное питается противоположнымъ; когда же разумѣется переваренная, можно говорить, что подобное питается подобнымъ. Такимъ образомъ очевидно, что каждое изъ приведенныхъ мнѣній вѣрно въ одномъ отношеніи и невѣрно въ другомъ.

12) Такъ какъ ничто безжизненное не питается, то питающееся есть непременно тѣло одушевленное и именно въ силу того, что оно одушевленное, такъ что питаніе есть существенный, а не случайный признакъ одушевленнаго. 13) Кромѣ того существуетъ различіе между производящимъ питаніе и производящимъ возрастаніе. Если мы будемъ разсматривать одушевленное существо, какъ величину количественную, то оно будетъ растущимъ: если мы будемъ разсматривать его какъ опредѣленный предметъ и субстанцію, то оно будетъ питающимся. Питаніемъ поддерживается са-

(¹) Т. е. въ некоторыхъ случаяхъ водою огонь можетъ увеличиваться и усиливаться.

мостоятельное бытіе предмета и съ этой стороны предметъ существуетъ до той поры, пока питается. Сила питающая не производитъ существа питающагося, а сама есть нѣчто питаемое: она сама есть сущность и не производитъ сама себя, а только сохраняетъ. Такимъ образомъ это начало души есть сила, которая сохраняетъ существо, обладающее ею, такимъ, каково оно есть. Пища даетъ ей средство дѣйствовать въ этомъ направленіи, потому что безъ пищи одушевленное существо не можетъ существовать. 14) Въ немъ различаются три стороны: питаемое, то, чѣмъ оно питается и сила питающая. При этомъ сила питающая есть первая душа, питаемое тѣло, имѣющее эту душу, то, чѣмъ питается—пища. 15) И такъ какъ въ понятіе всякаго предмета входитъ понятіе цѣли, а конечная цѣль въ данномъ случаѣ состоитъ въ рожденіи существа себѣ подобнаго, то первая душа есть также сила, рождающая себѣ подобное. 16) То чѣмъ производится питаніе двойкаго рода, подобно тому, какъ двойкаго рода то, чѣмъ управляется корабль,—рука управляющая и кормило, въ конхъ одно есть движущее и движимое, другое только—движущее. Дѣло въ томъ, что первая пища должна быть переварена, перевариваніе же производится посредствомъ теплоты, потому-то всякое живое существо заключаетъ въ себѣ теплоту.

Мы дали здѣсь только самое общее понятіе о пищѣ: впоследствии этотъ предметъ будетъ подвергнутъ болѣе точному изслѣдованію въ спеціальному сочиненіи.

Г л а в а V.

1) Послеъ этихъ объясненій мы должны дать теперь общее понятіе о всѣхъ вообще ощущеніяхъ.

Ощущеніе есть состояніе движенія, состояніе страдательное, потому что повидимому оно есть нѣкотораго рода измѣненіе. Нѣкоторые утверждаютъ, что подобное не можетъ страдательно возбуждаться подобнымъ. Насколько это возможно, или невозможно,—объ этомъ мы сказали въ изслѣдованіи о дѣйствіи и страданіи⁽¹⁾. 2) Здѣсь является вопросъ, почему ощущеніе не происходитъ само собою въ органахъ

(1) По мнѣнію Симплиція и Филанкона здѣсь разумѣется трактатъ *Περὶ γενέσεως καὶ φθορᾶς*.

чувствъ и почему безъ внѣшнихъ дѣателей не можетъ быть ощущенія, хотя въ существахъ ощущающихъ находятся огонь, земля и другія стихіи, которыя воспринимаются ощущеніемъ, или сами или въ своихъ свойствахъ? Очевидно, что начало ощущающее не есть дѣйствующая сила, а только способность, подобно тому какъ горючій матеріалъ не горитъ самъ собою, не будучи зажженъ: если бы онъ могъ горѣть самъ собою, то не нуждался-бы въ огнѣ дѣйствительномъ, — въ огнѣ интеллекту. Такъ какъ объ ощущающемъ говорится въ двойномъ смыслѣ, (обладающаго способностію видѣть и слышать называютъ видящимъ и слышащимъ и тогда, когда онъ слытъ, и тогда, когда онъ дѣйствительно видитъ и слышитъ), то въ двойномъ смыслѣ говорится и объ ощущеніи, какъ о способности къ ощущенію, и какъ дѣйствительномъ ощущеніи, и ощущающее также можетъ быть ощущающимъ въ возможности и въ дѣятельности. 3) Предположимъ сначала, что страдательное состояніе, движеніе и дѣйствованіе суть одно и тоже, потому что движеніе есть нѣкотораго рода дѣятельность, только неоконченая, какъ объявлено это въ другомъ мѣстѣ⁽¹⁾. Во всякомъ случаѣ всякое страдательное состояніе и движеніе производится дѣтелемъ и силою находящеюся въ дѣтельномъ состояніи; въ силу этого страдательное состояніе, какъ мы сказали, производится какъ подобнымъ такъ и несходнымъ, потому что въ страдательное состояніе приходитъ несходное, но пришедши въ это состояніе оно становится подобнымъ. 4) На самомъ дѣлѣ нужно различать способность и интеллекту и мы теперь будемъ говорить о нихъ прямо. Такъ о знаніи мы можемъ говорить въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорится напр., что человѣкъ знаетъ т. е. принадлежитъ къ людямъ, обладающимъ знаніемъ и способностію знать, и въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы называемъ знающимъ человѣка, который знаетъ грамматику. Каждый изъ нихъ обладаетъ способностію не одинаковымъ образомъ: одинъ обладаетъ ею, какъ принадлежащій къ извѣстному роду матеріально, другой обладаетъ способностію, какъ могущій, если не будетъ препятствія отвѣтъ, показать свое знаніе. Но въ собственномъ смыслѣ знающій, — знающій дѣйствительно, есть тотъ, кто знаетъ опредѣлен-

(1) Naturalis auscultationis. Lib. III, c. 2.

пый предметъ, наир. это А. Оба первые обладаютъ знаніемъ въ возможности, во однои въ томъ смыслѣ, что измѣнились чрезъ наученіе и много разъ переходили изъ одного состоянія въ другое—противоположное: другой въ томъ смыслѣ, что онъ имѣетъ ощущеніе или знаетъ грамматику, но не обнаруживаетъ ихъ, а совершаетъ дѣятели другого рода. 5) И понятіе страдательнаго состоянія не есть простое. Въ некоторыхъ случаяхъ это состояніе есть уничтоженіе чѣмъ-либо противнымъ, въ другихъ скорѣе сохраненіе существующаго въ возможности существующимъ въ дѣйствительности: отношеніе здѣсь такое же, какое существуетъ между способностію и энтелехіею. Когда человекъ обладающій знаніемъ приводитъ это знаніе въ дѣйствіе, то это не есть измѣненіе (потому что здѣсь самъ онъ становится совершеннѣе, ближе къ своей дѣйствительности—энтелехіи); или же это измѣненіе особаго рода. Потому неправильно говорятъ о мыслящемъ, что онъ подвергается измѣненію во время мышленія, точно также какъ о строящемъ, когда онъ строитъ. Переходъ отъ существующаго въ возможности въ области мышленія и представленія, къ дѣйствительности, къ энтелехіи приличнѣе было-бы не называть наученіемъ, а какъ-нибудь иначе. Также точно человека, который научается, благодаря своей способности, и получаетъ знаніе отъ человека дѣйствительно обладающаго имъ и учащаго, не слѣдуетъ, какъ сказано, называть находящимся въ страдательномъ состояніи,—или же нужно признать два способа измѣненія, изъ коихъ одинъ приводитъ къ лишенію, другой къ приобрѣтенію и приближенію къ природѣ. 6) Первое измѣненіе ощущающаго произтекаетъ изъ производящаго его дѣятеля, но когда это измѣненіе произведено, ощущеніе является въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и знаніе,—оно является дѣйствительно существующимъ, подобно прилагаемому знанію; отличается оно отъ знанія тѣмъ, что сила—производящая его идетъ отъ видимаго, слышимаго и другихъ дѣятелей, возбуждающихъ чувства. Причина этого заключается въ томъ, что дѣйствительнымъ ощущеніемъ воспринимаются отдѣльныя, единичныя явленія, знаніе же имѣетъ дѣло съ всеобщимъ, а это послѣднее существуетъ въ некоторомъ образомъ въ самой душѣ. Потому мыслить можетъ всякій, когда угодно, ощущеніе же не зависитъ отъ нашей воли, для него необходимо присутствіе возбуждающаго ощущение предмета. Тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно

знанія ощущаемыхъ предметовъ и по той же причинѣ, именно влѣяетъ того, что объекты ощущенія единичны и находятся въѣ. Но мы будемъ еще имѣть случай объяснить это. 7) Теперь же нужно закончить объясненіе того, что понятіе способности двойственно. Въ одномъ смыслѣ оно имѣетъ такое же значеніе какое напр. въ словахъ, что мальчикъ можетъ предводительствовать арміей, въ другомъ когда мы говоримъ, что взрослый человекъ можетъ быть предводителемъ арміи. Такое различеніе приложимо и къ способности ощущенія. Такъ какъ указанное различіе въ понятіи способности не имѣютъ особыхъ названій,—по самое различіе тѣмъ не менѣе существуетъ и объяснено нами, то по необходимости приходится употреблять общепринятые термины: страдательное состояніе и измѣненіе. Сила ощущающая, какъ мы сказали, есть только въ возможности то, что самое ощущеніе есть въ дѣйствительности. Сила эта находится въ страдательномъ состояніи пока она не подобна ощущаемому, но подвергшись этому состоянію, она удоболагается и становится сходною съ тѣмъ, что ощущается.

Г л а в а VI

1) Теперь нужно говорить прежде всего о предметахъ возбуждающихъ ощущенія каждаго изъ вышнихъ чувствъ. Предметы ощущаемые трехъ родовъ: въ двухъ изъ нихъ ощущается нѣчто непосредственно, само по себѣ, въ третьемъ ощущаемое есть нѣчто случайное. При этомъ въ первыхъ двухъ родахъ есть нѣчто исключительно свойственное каждому чувству и нѣчто общее имъ всеѣмъ

2) Свойственнымъ извѣстному чувству я называю то, что не можетъ быть воспринимаемо другимъ чувствомъ и относительно чего чувство не можетъ ошибаться, таковы: для зрѣнія—цвѣтъ, для слуха—звукъ, для органа вкуса—вкусъ. Въ области осязанія такихъ ему одному свойственныхъ воспріятій нѣсколько. Каждое чувство вышнее безошибочно различаетъ то, что ему свойственно, цвѣтъ, звукъ; но не различаетъ того, какой предметъ имѣетъ цвѣтъ и гдѣ онъ находится, что звучитъ и гдѣ находится. Воспріятія принадлежація исключительно одному которому-либо изъ чувствъ называются специальными; общія же суть—движеніе, покой, число, фигура, величина, потому что они не воспринимаются

исключительно однимъ чувствомъ, а общи все имъ. Такъ движеніе воспринимается какъ ощущеніемъ, такъ и зрѣніемъ. 3) Ощущаемое есть нѣчто случайное тогда, когда напр. вълетѣ съ ощущеніемъ бѣлизны воспринимается, что бѣлый предметъ есть снѣгъ Діара. Это послѣднее въ ощущеніи есть нѣчто случайное, такъ какъ оно случайно является при ощущеніи бѣлизны. Потому чувство само по себѣ непосредственно неподвергается дѣйствию этаго рода ощущаемыхъ предметовъ. Изъ предметовъ, воспринимаемыхъ чувствами внѣшними непосредственно, ихъ спеціальныя предметы суть по преимуществу объекты ощущенія и къ нимъ направляется каждое чувство по своей природѣ.

Г л а в а VII.

1) Объектъ чувства зрѣнія есть видимое. Видимое есть цвѣтъ и еще нѣчто, доступное пониманію, но недоступное выраженію въ словахъ. Чтбъ я разумѣю здѣсь, объяснитея по мѣрѣ того, какъ мы будемъ подвигаться впередъ въ изслѣдованіи. Видимое есть цвѣтъ, а цвѣтъ есть нѣчто принадлежащее предмету, который видимъ самъ собою, и видимъ самъ собою не въ отвлеченномъ только смыслѣ, а потому что въ себѣ самомъ заключаетъ причину своей видимости. Великій цвѣтъ есть нѣчто приводящее въ движеніе дѣйствительно прозрачную среду и въ этомъ состоитъ его природа. Въ дѣствіе этого безъ свѣта нѣтъ ничего изъ таго и цвѣтъ каждаго предмета видимъ только при свѣтѣ. Потому прежде всего нужно сказать, что такое свѣтъ.

2) Существуетъ нѣчто прозрачное. Я называю прозрачнымъ то, что видимо, но говоря точно, видимо не само по себѣ, а благодаря чужому цвѣту. Въ этомъ смыслѣ прозрачны воздухъ, вода и многіе изъ твердыхъ тѣлъ. Воздухъ и вода прозрачны не какъ такіе, а потому что въ нихъ находится то самое начало, которое принадлежитъ находящемуся сверху внѣшнему тѣлу. Свѣтъ есть дѣствіе прозрачнаго тѣла, какъ прозрачнаго; но тамъ, гдѣ существуетъ въ возможности свѣтъ, существуетъ и тьма. Свѣтъ есть какъ бы цвѣтъ прозрачнаго тѣла, когда оно становится дѣйствительно прозрачнымъ подъ вліяніемъ огня или чего-либо подобнаго тѣлу, находящемуся сверху, потому что въ нихъ одно

и тоже начало. Мы сказали, что такое прозрачное и что такое свѣтъ. Свѣтъ не есть ни огонь, ни тѣло какое либо, ни истечение изъ тѣла какого-либо, (потому что въ такомъ случаѣ онъ былъ бы тѣломъ: онъ есть присутствіе огня или чего-либо похожаго на огонь въ прозрачномъ тѣлѣ. Потому что двухъ тѣлъ въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ-же мѣстѣ быть не можетъ. 3) Невидимому свѣтъ есть нѣчто противоположное тьмѣ. Тьма есть уничтоженіе состоянія прозрачности въ прозрачномъ тѣлѣ и слѣдовательно свѣтъ есть присутствіе этого состоянія. Потому несправедливо Эмпедоклъ или кто-то другой утверждать, что свѣтъ есть нѣчто движущееся, что онъ иногда находится въ пространствѣ между землей и окружающими ее тѣлами, но что это движеніе невидимо для насъ. Такое представленіе противно разуму и находится въ противорѣчій съ явленіями. Въ небольшомъ пространствѣ движенія свѣта могло-бы еще остаться незамѣтнымъ, но чтобы оно не замѣчалось въ пространствѣ отъ востока до запада,—это слишкомъ смѣлое предположеніе. 4) Способное къ принятію цвѣта,—беззвѣчно, къ принятію звука беззвучно. Безцвѣтно прозрачное и невидимое, или едва видимое, какъ темное. Такого прозрачное, но только прозрачное, когда оно находится въ возможности, а не есть въ энтелехіи, въ дѣйствительности прозрачное: одно и тоже начало является то свѣтомъ, то тьмою. Не все видимое—видимо только при свѣтѣ, при немъ видимъ только цвѣтъ свойственный каждому предмету: нѣкоторые предметы невидимы при свѣтѣ, но во тьмѣ производятъ зрительное ощущеніе, напр. предметы огненного цвѣта и свѣтящіеся. Они не имѣютъ одного общаго названія. Таковы: грибы, роги, головы рыбъ, чешуя и глаза ихъ. Но свойственный этимъ предметамъ цвѣтъ уже невидимъ при этомъ. Какая тому причина, объ этомъ будетъ сказано въ другомъ мѣстѣ. 5) Теперь же ясно то, что видимое при свѣтѣ есть цвѣтъ, потому онъ и невидимъ безъ свѣта. Сущность цвѣта состоитъ въ томъ, чтобы приводить въ движеніе прозрачную среду, находящуюся въ дѣйствиіи, и эта энтелехія прозрачнаго есть свѣтъ. Мелкимъ признакомъ этого служить то обстоятельство, что, если мы приложимъ цвѣтный предметъ непосредственно къ глазу, то перестанемъ видѣть его. Очевидно цвѣтомъ приводится въ движеніе прозрачная среда въ родѣ воздуха: это движеніе, продолжаясь непрерывно, приводитъ въ движеніе органъ чувства. 6) Потому

пewѣрно мнѣніе Демокрита, что, если-бы вмѣсто среды была пустота, то мы ясно могли бы видѣть муравья на небѣ. Это невозможно, потому что видѣніе есть иѣкоторое страдательное возбужденіе органа чувства. Такъ какъ возбужденіе не можетъ быть произведено самымъ видимымъ цвѣтомъ непосредственно, то остается признать, что это возбужденіе производится средою, и присутствіе этой среды совершенно необходимо; если бы на мѣсто среды было пустое пространство, то не только невозможно было-бы видѣть ясно, но ничего нельзя бы было видѣть. 7) Мы сказали, по какой причинѣ цвѣтъ бываетъ видимъ необходимо только при свѣтѣ. Но огонь бываетъ видимъ въ обоихъ условіяхъ и при свѣтѣ и во тьмѣ и это такъ должно быть, потому что прозрачное становится прозрачнымъ только благодаря ему. 8) Тоже самое приложимо къ звуку и запаху: тотъ и другой производятъ ощущеніе не черезъ непосредственное прикосновеніе къ органу чувства, но какъ запахомъ, такъ и звукомъ приводится въ движеніе среда и ея уже возбуждаются органы. Если звучащее или пахучее тѣло приложить къ самому органу, то не произойдетъ никакого ощущенія. Подобнымъ же образомъ совершается ощущеніе и въ области осязанія и вкуса, только это не очевидно съ перваго раза, по какой причинѣ,—обнаружится впоследствии. 9) Среда звука есть воздухъ, среда запаха не имѣетъ названія: она есть иѣкоторое состояніе общее воздуху и водѣ; какъ прозрачное— для цвѣта, она есть для существа обладающаго обонаніемъ,— иѣчто пахнущее въ этихъ стихіяхъ. Дѣло въ томъ, что животныя, обитающія въ водѣ, имѣютъ чувство обонанія; человекъ же и другія животныя, обитающія на сушѣ и движущіяся могутъ обонять только при посредствѣ дыханія. Какая причина этого явленія,—объ этомъ сказано будетъ тоже послѣ.

Г л а в а VIII.

1) Теперь подвергнемъ изслѣдованію звукъ и слухъ. Звукъ имѣетъ двоякую форму бытія: звукъ въ дѣйствіи и звукъ въ возможности. Мы говоримъ, что одни предметы не имѣютъ звука напр. губки, шерсть, другіе имѣютъ звукъ какъ напр. мѣдь и твердая гладкія тѣла, потому что овѣ могутъ издавать звукъ т. е. въ пространствѣ, находящемся между ними

и слухомъ производить звукъ въ дѣйствительности. 2) Дѣйствительный звукъ всегда производится дѣйствіемъ одного предмета на другой въ некоторой средѣ. Звукъ производится ударомъ и потому одно тѣло само собою не можетъ произвести его, такъ какъ ударяющее и ударяемое два различные предмета. Такимъ образомъ звучащее звучитъ не само собою и движеніе производится ударомъ. Не всякое ударяемое тѣло, какъ мы сказали, производитъ звукъ: если ударить шерсть, то не произойдетъ никакого звука: его производитъ мѣдь, гладкія вогнутыя тѣла и самая мѣдь потому, что она гладка. Предметы вогнутые, вслѣдствіе отраженія, производятъ вслѣдъ за первымъ большое количество ударовъ, такъ какъ колеблющаяся среда не можетъ выйти изъ нихъ сразу. При этомъ звукъ слышится какъ въ воздухѣ, такъ и въ водѣ, но въ послѣдней—слабѣе. 3) Ни воздухъ, ни вода не составляютъ главнаго условія для звука; необходимъ ударъ одного твердаго тѣла о другое и сообщеніе этаго удара воздуху. Это бываетъ только въ такомъ случаѣ, когда воздухъ подъ вліяніемъ удара не разсѣвается, а оказываетъ сопротивленіе: потому звукъ происходитъ только въ томъ случаѣ, когда ударъ производится сильно и быстро. Причина заключается въ томъ что движеніемъ ударяющаго тѣла должно быть предотвращено разсѣяніе воздуха, подобно тому, какъ это дѣлается въ томъ случаѣ, когда мы ударомъ приводимъ въ быстрое движеніе груды или рядъ пещу. Эхо происходитъ въ томъ случаѣ, когда воздухомъ, превратившимся въ сплошное тѣло, вслѣдствіе того, что сосудъ, въ который онъ входитъ, ограничиваетъ его и препятствуетъ разсѣяться, отталкивается воздухъ, подобно шару. Повидимому эхо всегда сопутствуетъ звуку, но только не слышится, потому что съ звукомъ бываетъ тоже, что со свѣтомъ. Свѣтъ всегда отражается (потому что въ противномъ случаѣ онъ не распространялся-бы всюду, и за предѣлами, въ которыхъ непосредственно падаютъ лучи солнца, было-бы темно), но отражается онъ не всегда такъ, какъ отражается отъ воды, мѣди и въ некоторыхъ другихъ гладкихъ предметовъ, производя глѣнь, по которой мы определяемъ самый свѣтъ. 5) Пустота справедливо почитается главнымъ условіемъ слышанія. Воздухъ дѣйствительно есть что-то пустое и производитъ ощущеніе слуха, когда движется, какъ одно сплошное тѣло; но такъ какъ онъ способенъ разсѣиваться, то звукъ имъ производится только

въ такомъ случаѣ, когда ударяемое гладко. Соприкасаясь съ поверхностію, которая у гладкаго предмета есть нѣчто единое, воздухъ становится тоже однимъ сплошнымъ тѣломъ. 6) Звучащее тѣло такимъ образомъ есть тѣло движущее воздухъ, какъ одно сплошное цѣлое до органа слуха, который заключаетъ въ себѣ нѣчто родственное съ воздухомъ. Вслѣдствіе того, что тѣло звучащее находится въ воздухѣ, движеніемъ вѣшняго воздуха приводится въ движеніе воздухъ находящійся внутри органа слуха. Вотъ почему животное не слышитъ всѣми частями своего организма и не во всѣ части проникаетъ воздухъ, потому что движущіяся и одушевленныя части не должны вовсе заключать въ себѣ воздуха. Самъ по себѣ, какъ легко разсѣвающійся, воздухъ беззвученъ: когда же онъ встрѣчаетъ препятствіе къ своему разсѣванію, тогда движеніе его становится звукомъ, при этомъ тотъ воздухъ, который находится въ ухѣ, заключенъ въ немъ такъ, что остается неподвижнымъ съ тою цѣлію, чтобы органъ слуха могъ воспринимать всѣ различія въ движеніи. Потому мы слышимъ и въ водѣ, такъ какъ вода не достигаетъ заключеннаго въ ухѣ воздуха и даже не проникаетъ въ самое ухо по причинѣ его негибковъ. Когда бѣгаетъ послѣднее—слышаніе прекращается, какъ и при болѣзненномъ состояніи барабанной перепонки, подобно тому, какъ при болѣзненномъ состояніи оболочки, покрывающей глазъ, прекращается видѣніе. Признакомъ существованія слуха служитъ постоянный шумъ въ ухѣ, какъ въ томъ случаѣ, когда къ нему приставленъ будетъ рогъ⁽¹⁾, потому что воздухъ находящійся въ ушахъ находится въ постоянномъ самостоятельномъ движеніи. Но звукъ есть нѣчто чуждое и не принадлежащее ему, потому-то и говорится, что мы слышимъ при помощи пустоты и отраженія звука, такъ какъ мы слышимъ определеннымъ количествомъ заключеннаго въ ухѣ воздуха. 7) Чѣмъ производится звукъ — ударяющимъ или ударяемымъ? Тѣмъ и другимъ, но каждымъ по своему. Звукъ есть движеніе предмета, могущаго двигаться такъ, какъ двигаются тѣла отскакивающія отъ гладкихъ поверхностей, будучи о нихъ ударены. Не всякое тѣло ударяемое и ударяющее производитъ, какъ мы сказали, звукъ, какъ напр. въ томъ случаѣ когда ударяется острое объ острое же. Ударяемое тѣло должно быть гладкимъ, такъ чтобы воздухъ, не

(1) Въ подливникѣ стоятъ просто: τὸ ἤχεῖν αἰεὶ τὸ οὖς, ὡςπερ τὸ κέρασ.

разсѣявшись, отсекаивалъ отъ него и въ этомъ видѣ колебался. 8) Различія въ тѣлахъ звучащихъ узнаются при посредствѣ дѣйствительнаго звука. Какъ безъ свѣта нельзя видѣть цвѣтовъ, также точно безъ звука нѣтъ звуковъ острыхъ и тупыхъ. Такъ названы эти звуки метафорически по аналогіи съ осязательными предметами: острый предметъ производитъ въ небольшое количество времени большое число движеній въ органѣ чувства, тупой—въ большое количество времени небольшое число движеній. Это не значитъ, что острый звукъ тождественъ съ быстротой, а тупой съ медленностію; а значитъ, что движеніе, которымъ производится первый—совершается съ быстротою, движеніе же которымъ производится второй—медленно, и здѣсь есть очевидно сходство съ осязательнымъ ощущеніемъ острого и тупаго. Дѣйствительно, острый предметъ пронзаетъ, тупой—давитъ, потому что первый производитъ движеніе въ малое время, второй—въ большое, первый потому есть нѣчто краткое, второй—продолжительное. Этимъ ограничимся относительно звука. 9) Голосъ есть звукъ, издаваемый существомъ одушевленнымъ. Ни одинъ изъ неодушевленныхъ предметовъ не имѣетъ голоса, и говорится о ихъ голосѣ только по аналогіи, какъ напр. говорится о голосѣ свирѣли, лиры и другихъ неодушевленныхъ предметовъ, которыми издаются протяжные, мелодичные и выразительные звуки, потому что голосъ состоитъ изъ этого рода звуковъ. Многія животныя не имѣютъ голоса, какъ напр. животныя безкровныя и изъ тѣхъ, кои имѣютъ кровь,—рыбы. И это естественно, потому что звукъ есть движеніе воздуха. Рыбы, о которыхъ говорятъ, что они имѣютъ голосъ, какъ напр. живущія въ Ахелоеѣ, производятъ звукъ жабрами или чѣмъ-либо другимъ въ этомъ родѣ. 10) Голосъ есть звукъ производимый животнымъ и при томъ опредѣленною, а не любой частью его организма. Такъ какъ всякій звукъ производится ударомъ одного тѣла о другое въ известной средѣ и именно въ воздухѣ, то естественно имѣютъ голосъ только тѣ существа, которыя воспринимаютъ въ себя воздухъ. Въ этомъ случаѣ природа пользуется вдыхаемымъ воздухомъ для двухъ цѣлей. Какъ языкъ она употребляетъ въ качествѣ органа вкуса и органа слова и вкусъ есть необходимое и потому большей части существъ присущее отправление, а даръ слова существуетъ для увеличенія благосостоянія; также точно и дыханіемъ природа пользуется для про-

изведенія внутренней теплоты, что есть дѣло необходимости (почему,— объ этомъ сказано будетъ въ другомъ сочиненіи), и для произведенія голоса, какъ дополнительнаго блага. 11) Органомъ дыханія служитъ дыхательное горло, другой органъ, существующій для того же, суть легкія. Благодаря присутствію этихъ органовъ, животныя, обитающія на сушѣ, имѣютъ больше всѣхъ другихъ животныхъ теплоты. Части лежащая около сердца—суть по преимуществу нуждающіяся въ дыханіи и потому при вдыханіи воздухъ входитъ внутрь. Такимъ образомъ голосъ есть ударъ выдыхаемымъ воздухомъ, производимый душею, находящеюся въ этихъ частяхъ, о такъ называемую артерію. Не всякій звукъ производимый животнымъ есть голосъ, какъ мы сказали; звукъ производится и языкомъ и при кашлѣ. Для того, чтобы произошелъ звукъ голоса нужно, чтобы ударяющее было существо одушевленное и имѣло какое-либо представленіе, потому что голосъ есть звукъ, имѣющій какой-либо смыслъ, а не производится, какъ кашель, только выдыханіемъ воздуха. Для произведенія голоса живое существо ударяетъ воздухомъ находящимся въ дыхательномъ горлѣ о самое это горло. 12) Доводительствомъ этому служитъ то, что никто не можетъ издать звука голоса во время вдыханія или выдыханія—а только, когда задержитъ дыханіе, потому что задерживаніемъ дыханія и производится это движеніе. Дено, почему рыбы безгласны; онѣ не имѣютъ дыхательнаго горла, не имѣютъ его потому, что не нуждаются въ воздухѣ и не дышатъ, по какой причинѣ, объ этомъ въ другомъ мѣстѣ.

Г л а в а IX.

1) Объ обонянніи и обоняемомъ нельзя говорить съ такою определенностію, какъ о чувствахъ, о которыхъ мы говорили выше: потому что не такъ ясно, что такое запахъ, какъ ясно, что такое звукъ и цвѣтъ. Причина заключается въ томъ, что это чувство у насъ не отличается точностію: оно стоитъ у насъ на болѣе низкой ступени, чѣмъ у многихъ животныхъ. Человѣкъ обоняетъ плохо и ни одного обонятельнаго ощущенія не можетъ воспріять безъ чувства удовольствія или неудовольствія, такъ какъ органъ его неспособенъ къ точнымъ воспріятіямъ. 2) По всей вѣроятности животныя, имѣющія твердые глаза, подобнымъ образомъ ощущаютъ цвѣта

и воспринимаютъ ихъ различіе на столько, на сколько одни возбуждаютъ въ нихъ страхъ, другіе пѣть. Въ такомъ же положеніи у людей находится чувство обонянія. Вкусъ по видимому имѣетъ сходство съ обоняніемъ въ этомъ отношеніи, и виды вкуса сходны съ видами запаховъ; но при этомъ вкусъ есть чувство болѣе точное, потому что онъ есть своего рода осязаніе, а это чувство у человѣка отличается особенною точностію. Въ другихъ ощущеніяхъ человѣкъ стоитъ далеко ниже животныхъ, но въ точности осязанія превосходитъ всѣхъ, потому — превосходитъ всѣхъ животныхъ и умомъ. Въ человѣческомъ родѣ по чувству осязанія можно судить о даровитости и бездарности человѣка и ни по какому другому чувству сдѣлать этого нельзя: потому что люди съ твердымъ тѣломъ ограничены въ умственномъ отношеніи, люди съ тѣломъ мягкимъ даровиты. 3) Какъ вкусъ бываетъ сладкимъ и горькимъ, такъ и запахъ; но одни вещества имѣютъ сходный вкусъ и запахъ т. е. сладкій запахъ и сладкій вкусъ, другія же въ этомъ отношеніи противоположны. Также точно запахъ бываетъ острый и горькій, кислый и прѣсный. Такъ какъ запахи не такъ, какъ мы сказали, ясно различаются, какъ вкусы, то названіе ихъ заимствуется отъ этихъ послѣднихъ по сходству предметовъ: сладкій запахъ получилъ свое названіе отъ нафрана и меда, ѣдкій отъ опиума и другихъ подобныхъ веществъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто и относительно всѣхъ другихъ запаховъ. 4) Какъ слухомъ воспринимается слышимое и неслышимое, зрѣніемъ — видимое и невидимое, такъ обоняніемъ пахучее и непахучее: къ непахучимъ предметамъ относятся вовсе неимѣющіе запаха или имѣющіе слабый и легкий запахъ. 5) Тоже самое утверждается и о вкусѣ. Обоняніе тоже условливается средою, — именно воздухомъ или водою, такъ какъ и животныя живущія въ водѣ, по видимому, имѣютъ обоняніе; имѣютъ его безкровныя и имѣющія кровь, также живущія въ воздухѣ, потому что пѣкторыя изъ нихъ издавна направляются къ пищѣ, когда она испускаетъ запахъ. 6) Потому можно сомнѣваться, всѣ-ли животныя обоняютъ одинаковымъ способомъ. Человѣкъ обоняетъ только при вдыханіи, — но не при выдыханіи и при остановкѣ дыханія, также точно онъ не можетъ воспринимать запаха ни на очень большомъ, ни на очень близкомъ разстояніи, а тѣмъ болѣе когда пахучее будетъ положено въ позды.

То явленіе, что предметъ, приложенный непосредственно въ органу чувства не производитъ ощущенія — обще всеѣмъ животнымъ; но неспособность обонять безъ дыханія есть особенность, свойственная человеку, какъ показываетъ опытъ. Такимъ образомъ животныя безкровныя, не имѣющія дыханія, должны имѣть какое-нибудь другое чувство, кромѣ тѣхъ, о которыхъ мы говорили; но это невозможно, если у нихъ есть ощущеніе запаха, потому что ощущеніе запаха будетъ-ли то благовопный или зловонный запахъ, есть обоняніе. Между тѣмъ эти животныя умираютъ, какъ и человекъ, подѣ влияніемъ сильныхъ запаховъ, какъ запахъ асфальта, сѣры и тому подобныхъ веществъ. Очевидно онѣ обоняютъ, но обоняютъ безъ помощи дыханія. 7) Повидимому органъ этого чувства у людей отличается отъ того же органа другихъ животныхъ, какъ и глаза этихъ послѣднихъ отъ глазъ животныхъ твердоглазыхъ. Глаза человека покрываются, какъ оболочкою, веками, и если эти послѣднія не поднимаются и не открываются, то видѣнія не бываетъ; твердоглазые не имѣютъ ничего подобнаго, но прямо видятъ то, что совершается въ прозрачной средѣ. Подобнымъ же образомъ и органъ обонянія у некоторыхъ животныхъ не имѣетъ покрова, какъ и глаза; у тѣхъ же животныхъ, которыя принимаютъ въ себя воздухъ, есть покровъ, открывающійся во время дыханія при разширеніи вепъ и поръ. 8) Потому животныя дышущія не обоняютъ въ водѣ: для обонанія имъ необходимо дышать, а дышать въ водѣ невозможно. Кромѣ того запахъ есть воспріятіе сухаго, также какъ вкусъ—влажнаго: тотъ же характеръ имѣетъ въ возможности и органъ обонянія.

Г л а в а . . X.

1) Объектъ вкуса есть пѣчто осязаемое и въ этомъ заключается причина того, что ощущеніе вкуса совершается безъ посредства другого какого-либо тѣла. Тѣло, заключающее въ себѣ вкусъ и дѣйствующее на органъ вкуса, влажно по своему составу, а влажное есть пѣчто доступное осязанію. Потому, если бы мы находились въ водѣ, то могли бы ощущать примѣсь сладкаго въ ней, и это не значитъ, что вода служитъ средою вкусоваго ощущенія, а значитъ, что

восприимаемое вкусомъ смѣшивается съ влажнымъ, подобно тому, какъ это бываетъ въ питьѣ. Напротивъ—цвѣтъ для того, чтобы быть видимымъ, не пуждается въ смѣшеніи съ чѣмъ-нибудь и не происходитъ путемъ испаренія. 2) По заключеніемъ того, что здѣсь нѣтъ никакой среды, вкусъ есть также точно нѣчто воспринимаемое органомъ вкуса, какъ цвѣтъ—есть видимое. Гѣмъ не менѣе вкусовое ощущеніе не можетъ явиться безъ влажнаго; оно производится дѣйствительно влажнымъ или влажнымъ въ возможности, какъ напр. соленнымъ, которое и само по себѣ легко растворимо и вызываетъ влажность языка. 3) Зрѣніемъ восприимается видимое и невидимое, (потому что хотя тьма есть невидимое; но она восприимается тоже зрѣніемъ) также—слишкомъ блестящее, (которое тоже невидимо, только инымъ способомъ, чѣмъ темное); слухомъ восприимается звукъ и тишина, изъ которыхъ одно слышимое, другое не слышимое, восприимается также слишкомъ сильный звукъ, какъ зрѣніемъ блескъ; потому что, если слишкомъ слабый звукъ въ известномъ смѣлѣ не слышимъ, то также не слышимъ и слишкомъ большой и сильный. Невидимымъ называется или совершенно невидимое, какъ говорится о невозможномъ и въ другихъ случаяхъ, или такое, что хотя по природѣ можетъ быть видимо, но не видится или дурно видится, подобно тому какъ говорится о безполомъ или неимѣющемъ сѣмени. Все это приложимо и къ вкусу; и вкусъ есть воспріятіе вкусаго и безвкусаго и это послѣднее есть, или заключающее въ себѣ слабый вкусъ, или дурной, или разрушительный для органа. Основаніе этого заключается невидимому въ годности и негодности для питья, потому что то и другое относятся къ области вкуса: негодное для питья.—дурнаго вкуса и разрушительно для него, годное—сообразно съ природою. 4) Кромѣ того питье восприимается какъ осязаніемъ, такъ и вкусомъ. Такъ какъ восприимаемое вкусомъ влажно, то необходимо, чтобы органъ вкуса не былъ ни влажнымъ въ дѣйствительности, ни лишенъ способности быть влажнымъ; потому что чувство вкуса подвергается измѣненію отъ имѣющаго вкусъ, именно какъ такого. Въ силу этого органъ вкуса долженъ быть способнымъ увлажняться безъ вреда для себя, но не долженъ быть влажнымъ по своей природѣ. Доводительствомъ служитъ то, что языкъ не способенъ къ ощущенію ни въ томъ случаѣ, когда онъ слишкомъ сухъ, ни

въ томъ, когда онъ слишкомъ влаженъ. При слишкомъ большой влажности происходитъ только ощущение влажнаго, находящагося въ языкѣ, подобно тому, какъ, послѣ воспріятія одного сильнаго вкуса, не воспринимается другой, а большимъ все кажется горькимъ, — именно потому, что языкъ ихъ переполненъ влагою этого рода.

5) Виды вкусовъ, какъ и виды цвѣтовъ, представляютъ собою частію прямая противоположности — сладкаго и горькаго, частію противоположности къ нимъ близкія — къ сладкому — жирное, къ горькому — соленое. Средину между ними занимаютъ вкусы фдкій, кислый, терпкій и острый. Повидимому этими видами исчерпываются все различія въ области вкуса. Обладающее вкусомъ имѣетъ вкусъ въ возможности; то, что возбуждаетъ ощущение вкуса, дѣлаетъ его дѣйствительнымъ.

Г л а в а X I.

1) Объ осязаемомъ и осязаніи нужно сказать тоже самое. Если чувство осязанія не есть одно чувство, а совокупность многихъ, то и предметы возбуждающіе его должны быть многоразличны. Но при этомъ является вопросъ: существуетъ-ли дѣйствительно нѣсколько осязаній, или только одно; также — что служитъ органомъ осязанія? Есть-ли это мускульная ткань (¹) и то, что въ другихъ животныхъ ей соответствуетъ, или она есть только среда, а главный осязательный органъ есть нечто другое, находящееся внутри? 2) Повидимому въ области каждаго ощущенія существуетъ только по одной противоположности — такъ въ области зрѣнія противоположность бѣлаго и чернаго, въ области слуха — остраго и тяжелаго, въ области вкуса — горькаго и сладкаго, но въ осязаемомъ существуетъ нѣсколько противоположностей — теплаго и холоднаго, влажнаго и сухаго, твердаго и мягкаго и другія имъ подобныя. Правда это затрудненіе нѣсколько устрашается тѣмъ, что и въ области другихъ ощущеній существуетъ нѣсколько противоположностей, — такъ въ голосѣ — существуетъ не только противоположность остраго и тяжелаго, но также сильнаго и слабаго, нѣжнаго и грубаго голоса и другія подобныя противоположности, только въ другомъ родѣ. Но что въ области осязанія составляетъ одну

(¹) Σαρκίς — плоть, мясо.

общую основу всѣхъ противоположностей, подобную той, какую представляетъ въ области слуха—звукъ,—этого нельзя видѣть.

3) Находится-ли органъ осязанія внутри, или мускульная ткань непосредственно служитъ этимъ органомъ,—вопросъ этотъ писколько не рѣшается тѣмъ, что осязательное ощущеніе происходитъ въ моментъ соприкосновенія. Такъ, если при существующихъ условіяхъ обтянуть мускульную ткань чѣмъ-нибудь въ родѣ тонкой перепонки, то ощущеніе точно также явится вмѣстѣ съ соприкосновеніемъ. Очевидно, что въ этомъ постороннемъ тѣлѣ не можетъ находится органъ осязанія; даже въ томъ случаѣ, если оно сдѣлается природною принадлежностію тѣла, ощущеніе будетъ только совершаться скорѣе. 4) Поэтому эта часть тѣла, повидимому, находится въ такихъ условіяхъ, въ какихъ находился бы окружающій насъ воздухъ, если-бы онъ сросся съ нашимъ тѣломъ. Въ этомъ случаѣ намъ казалось-бы, что мы воспринимаемъ однимъ и тѣмъ же органомъ звукъ, цвѣтъ и запахъ, и зрѣніе, слухъ, обонаніе казались-бы намъ однимъ чувствомъ. Но такъ какъ, при существующихъ условіяхъ, причины производящія движеніе различны, то для насъ ясно, что упомянутыя чувства различны. Въ области осязанія, при существующихъ условіяхъ, это не ясно. Причина заключается въ томъ, что одушевленное тѣло не можетъ состоять только изъ воздуха и воды, оно должно заключать въ себѣ твердыя составныя части. Остается ему состоять изъ смѣшенія земли съ этими стихіями и быть тѣмъ, чѣмъ является мускульная ткань и сходныя съ нею ткани. Такимъ образомъ мускульная ткань необходимо является находящеюся между осязаемымъ и органомъ осязанія, сросшеюся съ нимъ средою, благодаря чему осязательныя ощущенія имѣютъ различный характеръ. 5) Дѣйствительно осязаніе напр. языка разнообразно: одною и тою же частию его, сверхъ вкуса, воспринимаются и всѣ осязательныя ощущенія. Если-бы при этомъ и всякая другая часть тѣла способна была воспринимать вкусовыя ощущенія, то вкусъ и осязаніе казались-бы однимъ и тѣмъ же чувствомъ: при существующихъ условіяхъ,—это два различныя чувства, потому что нельзя принять ихъ одно за другое.

6) Такъ какъ всякое тѣло имѣетъ глубину т. е. третье измѣреніе, то можетъ явиться вопросъ, могутъ-ли два тѣла, между которыми находится третье, соприкасаться между со-

бою. Такъ влажное не можетъ быть безтѣлеснымъ, какъ и жидкое: то и другое должны быть или водою, или заключать въ себѣ воду. Велѣдствіе этого тѣла касающіяся другъ друга въ водѣ, такъ какъ поверхности ихъ не сухи, должны заключать между собою воду, которая наполняетъ пространство между ихъ оконечностями. Если же это такъ, то не возможно, чтобы тѣла въ водѣ соприкасались между собою. Тоже самое должно имѣть мѣсто и въ воздухѣ, потому что воздухъ и вода находятся въ одинаковомъ отношеніи къ тѣламъ, въ нихъ находящимся. Но касается-ли жидкое жидкого, — это намъ неизвѣстно, также какъ и животнымъ обитающимъ въ водѣ.

7) Теперь является вопросъ: все-ли чувства воспринимаютъ одинаковымъ способомъ, или одни такъ, другія иначе? Такъ, повидимому, вкусъ и осязаніе дѣйствуютъ при непосредственномъ соприкосновеніи съ предметомъ, другія же чувства воспринимаютъ на разстояніи. Но такого различія не существуетъ на самомъ дѣлѣ: жесткое и мягкое воспринимаются нами при посредствѣ другаго, также точно, какъ звучащее, видимое и обоняемое; только послѣднія воспринимаются на далекомъ разстояніи, первыя—на близкомъ. Такъ какъ мы все воспринимаемъ черезъ какую-нибудь среду, то и не замѣчаемъ этой среды. Не замѣчаемъ также въ осязательныхъ и вкусовыхъ ощущеніяхъ. Если мы, какъ сказано выше, можемъ воспринимать все осязательныя ощущенія черезъ перепонку, не обращая вниманія на то, что она лежитъ между нами и осязаемыми предметами, то нечто подобное же происходитъ съ нами въ водѣ и въ воздухѣ: намъ кажется, что мы непосредственно касаемся самыхъ предметовъ и что между ними и нами ничего нѣтъ. 8) Но осязаемое различается отъ видимаго и слышимаго въ томъ отношеніи, что послѣднія мы воспринимаемъ велѣдствіе дѣйствія на насъ самой среды, осязаемое же воспринимается не черезъ среду, а вмѣстѣ съ средою, подобно тому, когда кто-либо получаетъ ударъ черезъ щитъ; въ этомъ случаѣ не щитъ, получивъ ударъ, передаетъ его, но получаютъ ударъ вмѣстѣ и щитъ и посящій его. 9) Вообще мускульная ткань и языкъ, повидимому, стоятъ къ органу осязанія точно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ воздухъ и вода въ области зрѣнія, слуха и обонянія относятся къ органамъ каждаго изъ нихъ. При непосредственномъ прикосновеніи предмета къ органу какъ

здѣсь, такъ и тамъ ощущенія не происходятъ, подобно тому, какъ въ томъ случаѣ напр., когда на поверхность глаза положенъ будетъ бѣлый предметъ. Отсюда ясно, что органъ осязанія находится внутри, потому что только въ такомъ случаѣ будетъ здѣсь сходство съ другими чувствами, т. е. осязаніе будетъ невозможнымъ при непосредственномъ прикосновеніи. А такъ какъ непосредственно приложившее къ мускульной ткани возбуждаетъ ощущеніе, то отсюда слѣдуетъ, что она есть только посредникъ осязательныхъ ощущенийъ.

10) Осязаніемъ воспринимаются различныя свойства тѣла, какъ тѣла, и разумно свойства, коими различаются стихіи, т. е. тепло и холодъ, сухость и влажность, о которыхъ мы говорили прежде въ сочиненіи о стихіяхъ (*). 11) Органъ, воспринимающій эти различія, есть органъ осязанія и въ немъ прежде всего находится чувство, называемое осязаніемъ. — находится въ возможности, потому что ощущеніе есть состояніе страдательное: сила дѣлающая какой-либо предметъ тѣмъ, что она сама есть въ дѣйствительности, дѣлаетъ его такимъ потому, что онъ таковъ въ возможности. Вотъ почему мы не ощущаемъ тепла и холода, твердости и мягкости, когда они одинаковы, а ощущаемъ только, когда которое-нибудь увеличивается въ степени силы; такъ, что ощущеніе является тѣмъ-то посредствующимъ между ощущаемыми противоположностями. Въ силу этого оно различаетъ ощущаемыя свойства предметъ въ, потому что посредствующее есть основаніе различенія. Оно есть нечто противоположное каждой изъ противоположностей. И то, тѣмъ имѣеть ощущаться бѣлое и черное въ дѣйствительности не должно быть ни тѣмъ ни другимъ, въ возможности же тѣмъ и другимъ. Тоже самое и относительно другихъ ощущенийъ, какъ и относительно осязанія, которое не должно быть ни теплымъ ни холоднымъ.

12) Кроме того, какъ зрѣніе въ извѣстномъ смыслѣ есть воспріятіе видимаго и невидимаго и какъ остальные чувства воспринимаютъ подобныя, имъ свойственныя, противоположности, также точно и осязаніе есть воспріятіе осязаемаго и неосязаемаго. Неосязаемое есть нечто, заключающее въ себѣ самую малую степень свойства осязаемости, какъ напр. воздухъ; сюда же относятся предметы возбуждающіе

(*) См. *Περὶ γενέσεως καὶ φθορῶν* Lib. II. с. 2

осязаніе въ такой сильной степени, что разрушаютъ самый органъ.

Вотъ что можно сказать въ общихъ чертахъ о каждомъ отдѣльномъ чувствѣ.

Г л а в а XII.

1) Относительно всѣхъ ощущеній нужно приять ту общую истину, что ощущение есть воспріятіе чувственныхъ формъ безъ матеріи, подобно тому, какъ воскъ воспринимаетъ отпечатокъ жемчужной или золотой печати. Воскъ воспринимаетъ отпечатокъ золота и мѣди, а не золото и мѣдь, какъ такіа. Подобнымъ же образомъ ощущение каждаго органа чувствъ есть страдательное состояніе подъ вліяніемъ предметовъ, имѣющихъ цвѣтъ, вкусъ, звукъ, но оно не тождественно съ ними, а есть нѣчто имъ сродное, идеально существующее (*). 2) Обладающее способностію къ воспріятію такого рода есть первоначальный органъ чувствъ (**). Оно одно и тоже съ ощущаемымъ, но отличается по формѣ бытія. Ощущаемое есть пространственная величина, но ни способность ощущать, ни самое ощущение не есть величина пространственная: оно есть нѣкоторое соотношеніе (***) и возможность ощущаемаго. 3) Изъ этого ясно и то, почему сильныя возбужденія разстраиваютъ органы. Дѣло въ томъ, что когда движеніе, возбуждающее органъ, превышаетъ силу органа чувства, тогда соотношеніе, изъ котораго и состоитъ ощущение, разрушается, также точно какъ уничтожается согласіе звуковъ и тонъ, когда струны будутъ потрясены слишкомъ сильно.

4) Почему не ощущаютъ растенія, хотя имѣютъ своего рода душу и подвергаются измѣненіямъ подъ вліяніемъ предметовъ, возбуждающихъ ощущеніе, такъ какъ они чувствительны къ теплу и холоду? Причина этого заключается въ томъ, что у нихъ нѣтъ ни посредствующаго, ни того начала, которымъ воспринимается формы ощущаемыхъ предметовъ: они подвергаются только матеріальнымъ измѣненіямъ. 5) Можно также задать вопросъ, испытываетъ-ли какое-либо измѣненіе подъ вліяніемъ таковаго существа не могущаго обонять: или

(*) *Katà λόγον.*

(**) *αἰσθητήριον πρῶτον.*

(*) *λόγος τις.*

подъ вліяніемъ цвѣта существо не могущее видѣть и т. и. относительно всѣхъ другихъ чувствъ? Такъ какъ обоняемое есть запахъ и запахомъ производится чувство обонянія, то очевидно существо, немогущее обонять, не можетъ испытывать никакого измѣненія подъ вліяніемъ запаха. Тогда самое и относительно всѣхъ другихъ чувствъ. При томъ каждое чувство воспринимаетъ не всѣ возможные впечатлѣнія, а только тѣ, къ которымъ оно приспособлено. Это очевидно и изъ того, что ни свѣтъ и тьма, ни звукъ, ни запахъ не имѣютъ никакого дѣйствія на тѣла сами собою, это дѣйствіе производится при посредствѣ того, въ чемъ они пахотятся: такъ — воздухомъ, при громѣ разбивается дерево, а не звукомъ. 6) Но осязаемые предметы и вкусы имѣютъ вліяніе на тѣла, въ противномъ случаѣ, какъ могли-бы измѣняться и приходятъ въ страдательное состояніе предметы неодушевленные. Не дѣйствуютъ ли и возбудители другихъ чувствъ подобнымъ же образомъ? Ни какимъ образомъ, потому что не всякое тѣло можетъ возбуждаться запахомъ и звукомъ и тѣ, кои подвергаются измѣненіямъ отъ нихъ, представляютъ нѣчто неопредѣленное и неустойчивое, какъ напр. воздухъ, который становясь пахучимъ, подвергается нѣкоторому измѣненію. Что же такое обоняніе, какъ, не страдательное состояніе этого рода? Но обонять значитъ ощущать, а воздухъ, приходи въ страдательное состояніе, не ощущаетъ, а ощущается.

КНИГА ТРЕТІЯ (¹).

Г л а в а I.

1) Что нѣтъ еще чувства сверхъ извѣстныхъ пяти, т. е. зрѣнія, слуха, обонянія и осязанія, — въ этомъ можно убѣ-

(¹) Аверроэсъ, за нимъ Албертъ Великій и нѣкоторые другіе комментаторы относятъ первыя три главы этой книги къ второй книгѣ и начинаютъ третью съ четвертой главы. Такое дѣленіе болѣе соответствуетъ содержанію, но, благодаря авторитету древнихъ комментаторовъ, — Демистія, Симплиція, Филопона, не принято. Вѣрнее выразить сомнѣніе въ самой принадлежности этой книги Аристотелю; но, послѣ изслѣдованій Тренделенбурга и др. это сомнѣніе не можетъ имѣть мѣста. Очевидно только, что книга дошла до насъ въ весьма нецѣлостномъ видѣ (Barth. S. Hilaire Psych. d'Aristote. 233 p. Nota).

даться изъ слѣдующаго. Если при существующихъ условіяхъ мы имѣемъ ощущеніе всего, что воспринимается осязаніемъ (ибо всѣ видоизмѣненія осязаемаго, какъ осязаемаго воспринимаются нами черезъ осязаніе): то, при недостаткѣ какого-либо изъ осязательныхъ ощущеній, у насъ, необходимо, оказался бы недостатокъ и какого-либо осязательнаго органа (¹). Такимъ образомъ, все, что мы ощущаемъ при непосредственномъ соприкосновеніи, воспринимается черезъ имѣющееся у насъ чувство осязанія. Все же то, что мы ощущаемъ не прямо и не черезъ непосредственное соприкосновеніе, воспринимается при посредствѣ простыхъ тѣлъ, а разумѣю воздухъ и воду. 2) При этомъ, если черезъ одну и ту же среду дается нѣсколько различныхъ по роду ощущеній, то существо, имѣющее органъ, состоящій изъ нея, можетъ быть способнымъ въ двумъ различнымъ ощущеніямъ, напр. когда органъ состоитъ изъ воздуха, черезъ который дается воспріятіе звука и свѣта. Такъ же, если нѣсколько простыхъ тѣлъ служатъ средою для одного и того же ощущенія, какъ напр. цвѣтъ ощущается и черезъ воздухъ и черезъ воду (вои одинаково обладаютъ прозрачностью); то существо, имѣющее органъ, состоящій изъ одного котораго-нибудь, будетъ способно къ ощущенію того, что ощущается черезъ посредство того и другаго (²). 3) Органы чувствъ состоятъ только изъ двухъ упомянутыхъ простыхъ тѣлъ, — изъ воздуха и воды: такъ органъ зрѣнія состоитъ изъ воды, а органъ слуха изъ воздуха, обоняніе же изъ того и другаго; огонь, или не находится ни въ одномъ органѣ, или общъ всѣмъ, потому что никакое ощущеніе не возможно безъ теплоты; земля, или не участвуетъ ни въ одномъ органѣ, или находится отчасти въ одномъ органѣ осязанія. Такимъ образомъ не остается мѣста ни для какого другаго органа, который бы состоялъ изъ чего либо, кромѣ воды и воздуха. 4) Такого рода органы и теперь имѣютъ нѣкоторыя живот-

(¹) Въ подлинникѣ стоятъ просто *τις αἰσθητικῆς* и *αἰσθητικῆς οὐκ*, но очевидно рѣчь идетъ здѣсь объ осязательныхъ ощущеніяхъ и осязательномъ органѣ, который у Аристотеля признается сложнымъ, состоящимъ изъ нѣсколькихъ органовъ Ср. кн. 11, гл. XI, 1, 2.

(²) Очевидно здѣсь у Аристотеля разумѣется такое животное, у котораго нѣтъ отдѣльныхъ органовъ для воспріятія звука и свѣта.

ныя. И такъ вполне сформировавшееся и неперкалѣчивое животное имѣетъ все ощущенія; даже иротъ имѣетъ повидимому глаза подъ кожей.. Изъ всего этого слѣдуетъ, что, если имѣть еще никакого другаго тѣла и никакого еще свойства, которое-бы не принадлежало ни одному изъ земныхъ тѣлъ, то значить существуютъ всевозможныя ощущенія (*).

5) И для воспріятія общихъ свойствъ имѣтъ какого-либо особаго органа: они воспринимаются въ каждомъ ощущеніи какъ побочныя. Таковы: движеніе, покой, фигура, величина, единство. Все ихъ мы воспринимаемъ при посредствѣ движенія. Такъ при посредствѣ движенія воспринимается величина, а слѣдовательно и фигура, потому что фигура есть своего рода величина; состояніе покоя сознается какъ отсутствіе движенія; число — черезъ отсутствіе непрерывности движенія и при посредствѣ особаго характера каждаго ощущенія (**). въ силу чего въ каждомъ изъ нихъ воспринимается нечто единое. Отсюда становится очевиднымъ, что невозможно существованіе какого-либо особаго чувства для воспріятія такихъ свойствъ какъ движеніе: они воспринимаются также, какъ, при существующихъ условіяхъ, воспринимается сладкое зрѣніемъ. 6) Это послѣднее воспріятіе зависитъ отъ того, что мы имѣемъ отдѣльно ощущеніе того и другаго (**). въ силу чего различаемъ ихъ, когда они встрѣчаются одновременно (**); если же такого совпаденія имѣтъ, то воспріятіе одного изъ нихъ (***) совершается только косвенно (**), подобно тому какъ напр. воспринимаемая сила Клео-

(*) Все комментаторы и изслѣдователи находятъ аргументацію Аристотеля темною и недоказательною въ цѣломъ, не говоря уже о неопредѣленности и темнотѣ отдѣльныхъ положеній

(**) *Tois idiois*. Переводъ Б. С. Мера *et par les sens speciaux* очевидно невѣренъ и не имѣетъ смысла. Кирхманъ, слѣдуя Тренделенбургу, вполне правильно переводитъ *durch das einzelnen Sinnen Eigenthumliche*. Ср. *Topica*, I. 5. Мысль та, что идея числа дается между прочимъ наблюденіемъ повторенія одного и того же въ области каждаго ощущенія.

(*) Т. е: зрительное и вкусовое.

(**) *ἢ καὶ ὅταν συμπέσωσιν ἀνωρθόμεν.*

(*) Въ подлинникѣ стоятъ *εἰ δὲ μὴ, οὐδαμῶς ἄν...*

(*) *Κατὰ συνδυασμὸς* на языкѣ современной психологіи здѣсь будетъ значить «въ силу ассоціаціи» или «по ассоціаціи».

нова, мы собственно воспринимаемъ его не какъ сына Клеопова, а какъ бѣлый предметъ, который затѣмъ оказывается сыномъ Клеопы. 7) II относительно общихъ свойствъ мы имѣемъ общее ощущеніе и ощущаемъ ихъ не косвенно; но такъ какъ они не составляютъ исключительной принадлежности какого-либо чувства (¹), то мы никогда не воспринимаемъ ихъ иначе, какъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорителъ, что мы видимъ сына Клеопова. Всѣ чувства воспринимаются свойствами другихъ предметы косвенно, — не сами собою, а въ силу того, что ощущенія ихъ объединяются (²), будучи произведены вмѣстѣ однимъ и тѣмъ же предметомъ, напр. когда сознается, что желчь горька и желта, ибо сужденіе о томъ, что оба эти свойства составляютъ нѣчто единое не можетъ принадлежать ни одному изъ чувствъ, ихъ воспринимающихъ: отсюда возможность ошибки, — признаніи желтаго предмета, какъ такого, желчью.

8) Можетъ теперь возникнуть вопросъ, почему у насъ нѣсколько чувствъ, а не одно только? Не для того ли, чтобы менѣе ускользали отъ нашего вниманія свойства, соизвѣствующія другимъ и общимъ, каковы: движеніе, величина, число? Въ самомъ дѣлѣ, если-бы было только одно зрѣніе и имъ воспринимался бы только бѣлый цвѣтъ, — эти свойства легче стали бы незамѣтными и казались бы все однимъ и тѣмъ же, такъ какъ цвѣтъ и величина постоянно соизвѣствуютъ другъ другу. При существующихъ же условіяхъ, когда общія свойства являются въ связи и съ другими ощущеніями, становится яснымъ, что каждое изъ нихъ есть нѣчто отличное отъ этихъ ощущеній.

Г л а в а II.

1) Такъ какъ мы воспринимаемъ самое состояніе видѣнія и слышанія, то необходимо предположить, что это воспріятіе совершается или самимъ зрѣніемъ, или другимъ

(¹) *ἢ αὐτὸν ἴδρα.*

(²) *καὶ ἢ αὐτὰ, ἀλλ' ἢ μίαν.* На языкѣ современной психологій мысль Аристотеля можно весьма точно выразить словами: во въ силу того, что они сами присутствуютъ, а въ силу сочетанія ихъ въ одно цѣлое, въ силу ассоціаціи.

чувствомъ. Но въ первомъ случаѣ, этимъ чувствомъ будетъ восприниматься и состояніе видѣнія и цвѣтъ предмета, такъ что будетъ или два воспріятія одного и тогоже, или одно изъ нихъ будетъ воспринимать само себя. Во второмъ случаѣ, если т. е. состояніе видѣнія будетъ восприниматься другимъ чувствомъ, или получитъ безкопечный рядъ чувствъ, или которое-нибудь изъ нихъ нужно будетъ призвать воспринимającymъ само себя, а тогда лучше сдѣлать это съ самымъ первымъ. 2) Но здѣсь встрѣчается затрудненіе. Если воспринимать зрѣніемъ значитъ — видѣть, а видится цвѣтъ или предметъ имъ окрашенный, то предположивши, что чѣмъ-либо видится самое состояніе видѣнія, нужно признать это послѣднее имѣющимъ цвѣтъ. 3) Изъ этого ясно, что воспріятіе при помощи зрѣнія не есть одно, простое состояніе, потому что, когда мы и не видимъ викакого предмета, свѣтъ и тьма различаются нами, только инымъ способомъ. И дѣйствительно состояніе видѣнія заключаетъ въ себѣ пѣчто въ родѣ цвѣта, такъ какъ всякій органъ чувствъ воспринимаетъ дѣйствующій на него предметъ безъ вещества. Потому-то и послѣ прекращенія дѣйствія ощущаемыхъ предметовъ — ощущенія и образы ихъ остаются въ органахъ чувствъ.

4) Дѣйствіе ощущаемого и ощущение есть одно и тоже, но способъ ихъ существованія не одинаковъ, какъ напр. дѣйствительный звукъ и дѣйствительное слышаніе, потому что существо имѣющее слухъ можетъ не слышать и тѣло способное звучать не всегда звучитъ. Но когда существо, способное слышать, дѣйствительно слышитъ и тѣло, способное звучать, звучитъ, тогда дѣйствительное слышаніе становится въ тоже время и дѣйствительнымъ звукомъ и объ одномъ изъ нихъ говорятъ какъ о слышаніи, о другомъ какъ о звучаніи. 5) Если движеніе, дѣйствіе и страданіе находятся въ предметѣ, подвергающемся измѣненію, то и дѣйствительный звукъ и слышаніе должны находиться въ слухѣ въ возможности, ибо сила дѣйствующаго и движущаго присуща и предмету, подвергающемуся дѣйствію его: вотъ причина того, что движущее не должно само необходимо двигаться. Итакъ дѣйствіе звучащаго есть звукъ или звучаніе, а слышащаго слухъ или слышаніе; ибо слухъ двойственъ и двойственъ звукъ. 6) Также нужно сказать о всѣхъ ощущеніяхъ и ощущаемыхъ предметахъ: какъ дѣйствіе и страданіе находятся

къ страдающему, а не въ дѣйствующемъ, точно также дѣйствіе и ощущаемаго и ощущающаго находится въ ощущающемъ. Но въ области однихъ ощущенийъ существуютъ особыя названія для того и другаго напр. звучаніе и слышаніе, въ другихъ для одного изъ нихъ нѣтъ особаго названія, такъ дѣйствіе зрѣнія называется видѣніемъ, а дѣйствіе цвѣта не имѣетъ названія: дѣйствіе органа вкуса называется вкусомъ, а дѣйствіе возбуждающаго вкусъ, не имѣетъ названія.

7) Поелнику дѣйствіе ощущающаго и ощущаемаго—есть одно и тоже, а способъ ихъ бытія различенъ, то необходимо слухъ и звукъ, понимаемые въ этомъ смыслѣ, возникаютъ и исчезаютъ вмѣстѣ; тоже самое бываетъ съ имѣющимъ вкусъ и вкусомъ, такъ же со всеми другими ощущениями и ихъ возбуждителями. Но въ смыслѣ возможности они не связаны необходимо. 8) И презніе естествоиспытатели неправильно утверждали, думая, что ни бѣлаго ни чернаго нѣтъ безъ зрѣнія, также точно и имѣющаго вкусъ безъ органа вкуса. Это вѣрно съ одной стороны и невѣрно съ другой: такъ какъ ощущение и ощущаемое имѣетъ двойной смыслъ, — рассматриваемыя какъ возможность и какъ дѣйствительность, то въ приложеніи къ второму мнѣніе указанное вѣрно, къ первому—нѣтъ. Презніе естествоиспытатели говорили, какъ о простомъ о томъ, что имѣетъ двойной смыслъ. 9) Если голосъ есть нѣкотораго рода созвучіе, а голосъ и слухъ съ одной стороны составляютъ нѣчто единое, съ другой не одно и тоже, созвучіе же есть соотношеніе, то необходимо и слухъ есть нѣкотораго рода соотношеніе. Потому всякое излишество, какъ въ высокихъ, такъ и въ низкихъ звукахъ разстраивается органъ слуха. Подобнымъ же образомъ чрезмѣрностью во вкусовыхъ впечатлѣніяхъ разстраивается вкусъ, въ области зрительныхъ впечатлѣній чрезмѣрно свѣтлое и темное разстраиваютъ зрѣніе, сильный запахъ разстраиваетъ обонаніе; тоже самое относительно сладкаго и горькаго, — именно въ силу того, что ощущение есть своего рода соотношеніе. Потому же, когда острое на вкусъ или сладкое или соленое входитъ простыми и несмѣшанными въ соотношеніе, бываютъ приятными: приятность возникаетъ именно при такихъ условіяхъ. Вообще гармонія получается скорѣе изъ смѣшенія, чѣмъ изъ просто высокаго или низкаго тона, въ области осязанія изъ просто теплаго или холоднаго, и въ силу того, что ощущение есть соотношеніе, чрезмѣрность производитъ страданіе и разстройство.

10) Каждое ощущение относится къ ощущаемому въ немъ предмету, находясь въ своемъ органѣ, какъ таковое, и ощущиваетъ различіи въ ощущаемомъ предметѣ, напр. бѣлое и черное въ области зрѣнія, сладкое и горькое въ области вкуса: тоже самое и во всѣхъ остальныхъ чувствахъ. Но послуху мы различаемъ бѣлое отъ сладкаго и каждое изъ ощущений отъ каждаго другаго, то является вопросъ, чѣмъ мы ощущаемъ это различіе? Необходимо ощущаемъ, потому что различается и само данное въ ощущеніи. 11) Отсюда очевиднымъ также становится, что все тѣло не есть послѣднее чувствительное, потому что въ такомъ случаѣ различающее различало бы при непосредственномъ соприкосновеніи съ предметомъ. И два отдѣльных чувства не могутъ судить, что сладкое отличается отъ бѣлаго: оба ощущенія должны открываться въ своемъ различіи чему-либо единому. Иначе это было бы похоже на то, какъ если бы я ощущалъ одно, а ты другое и отсюда становилось бы яснымъ, что наши ощущенія отличаются другъ отъ друга. Единое должно рѣшить, что они различны, что одно сладкое, а другое бѣлое. Однимъ и тѣмъ же определяется различіе и, на основаніи этого опредѣленія, оно мыслить и ощущаетъ. 12) Очевидно т. о., что различіе невозможно для различныхъ чувствъ, а отсюда слѣдуетъ, что оно невозможно и въ разное время. Какъ одно и тоже определяетъ, что доброе и злое различны, такъ въ одно и тоже время определяется различіе первого отъ втораго и втораго отъ перваго. Въ этомъ случаѣ „догда“ дано не косвенно, какъ наприм. въ положеніи: „я теперь утверждаю, что они различны“, но утверждая при этомъ, что различіе теперь существуетъ: „тѣмъ же и теперь утверждается различіе и утверждается, что теперь оно существуетъ,“ утверждается одновременно: т. о. недвижимъ и въ недвижимое время производится различіе. 13) Но невозможно одному и тому же, недвижимому и въ недвижимое время производить одновременно противоположными движеніями: ибо, если сладкое приводитъ въ такое движеніе чувство и мысль, то горькое приводитъ въ движеніе противоположное, а бѣлое двигаетъ еще иначе. Теперь, не есть ли различающее недвижимо и неподвижно по числу и отдѣлимо по сущности? Двигательно, съ одной стороны оно ощущаетъ различные предметы, какъ бѣлимое, съ другой оно ощущаетъ какъ недвижимое: по существу своему оно тогда дѣлимо, а по числу и числу недвижимо. 14) Или

это не такъ? Ибо въ возможности оно и тоже можетъ быть противоположнымъ, въ сущности же нѣтъ: становится дѣйствительнымъ, оно бываетъ чѣмъ-либо однимъ и не можетъ быть и бѣлымъ и чернымъ вмѣстѣ. Ихъ идеи тоже не допускаютъ этого, если ощущение и мышленіе имѣютъ одно и тоже содержание. — 15) Здѣсь тоже самое, что бываетъ въ томъ случаѣ, когда нѣкоторые принимаютъ точку то за одно, то за два и въ послѣднемъ случаѣ представляютъ ее дѣлимую. Рассматриваемое какъ неделимое, судящее — различающее одно и сразу обнимаетъ различіе: когда оно существуетъ раздѣльнымъ, то дважды пользуется совместно однимъ и тѣмъ же пунктомъ. Насколько оно пользуется двумя, оно различаетъ два состоянія соприкасающіяся и они для него состоянія отдѣльныя, какъ принадлежанція различнымъ чувствамъ; но какъ единое оно различаетъ сразу и вмѣстѣ.

Такъ нужно понимать то начало, на основаніи котораго мы признаемъ животное ощущающимъ.

Г л а в а III.

1) Душа обыкновенно опредѣляется двумя признаками—произвольнымъ движеніемъ и мышленіемъ, сужденіемъ, ощущеніемъ. При этомъ мышленіе и сужденіе представляются своего рода ощущеніемъ, потому что въ томъ и другомъ случаѣ душа различаетъ и познаетъ нѣчто существующее. И древніе утверждаютъ, что размышлять и ощущать есть одно и тоже. Такъ Еммедовъ сказалъ: „въ присутствіи предметовъ мудрость людей возрастаетъ“: и въ другомъ мѣстѣ: „отсюда проистекаетъ то, что они всегда могутъ размыслить о различныхъ предметахъ“. Ту же мысль хочетъ выразить и Гамеръ въ словахъ: „ибо таковъ есть умъ“ (1). 2) Ибо все они признавали мышленіе также какъ и ощущение тѣлеснымъ и утверждали, что ощущается и мыслится подобное и подобнымъ, какъ мы объяснили это въ началѣ изслѣдованія. При этомъ они должны были бы обратить вниманіе и на заблужденіе, потому что оно особенно свойственно животнымъ и душа болѣею частью въ немъ граждается. Тогда необходимо было бы, или признать, какъ полагаютъ нѣ-

(1) Odiss. c. XVIII, v. 136.

которые, что все, что кажется.—истинно, или, что заблужденіе происходитъ отъ сопряженія перходнаго, а это противорѣчитъ ученію, что подобное познается подобнымъ. Повидимому какъ знаніе, такъ и заблужденіе относительно противоположныхъ предметовъ истекаютъ изъ одного источника. 3) Что ощущеніе и мышленіе не одно и тоже, это очевидно изъ того, что первое присуще всѣмъ животнымъ, послѣднее только нѣкоторымъ. Кроме того и то, что въ мышленіи существуетъ вѣрность и невѣрность, — вѣрность, когда мысль, знаніе, мнѣніе истинны, невѣрность, когда—наоборотъ, не можетъ служить въ пользу того мнѣнія, что оно лождественно съ ощущеніемъ. Ибо ощущеніе предметовъ, свойственныхъ извѣстному чувству, всегда истинно и присуще всѣмъ животнымъ, мышленіе же сопровождается необходимо ошибками и присуще только тѣмъ, кои обладаютъ разумомъ. 4) Въ свою очередь воображеніе есть нѣчто другое, чѣмъ ощущеніе и мысль, хотя не можетъ существовать безъ ощущенія, а безъ него не можетъ быть представленія (*). Что мышленіе и представленіе также не одно и тоже,—это очевидно изъ слѣдующаго: представленіе есть такое состояніе, которое находится въ нашей власти, во всякое время (оно очевидно творить произвольно, какъ напр. въ мнемоническихъ знакахъ и символахъ), мышленіе же находится внѣ нашей власти, потому что оно необходимо бываетъ или истиннымъ или ложнымъ. Также точно, когда мы постигаемъ что-либо страшнымъ, или ужаснымъ, то испытываемъ волненіе, подобнымъ же образомъ когда считаемъ что-либо возбуждающимъ смѣлость; при воображеніи же мы испытываемъ точно такое же состояніе, какое при разсмотрѣніи чего-либо страшнаго и ужаснаго изобразеннаго на картинѣ. 5) Въ самомъ представленіи есть также различныя стороны—знаніе, мнѣніе, практическое соображеніе, и имъ противоположное, но объ этихъ различіяхъ мы будемъ говорить въ другомъ мѣстѣ. Что же касается отличія мышленія отъ ощущенія и того, что оно повидимому состоитъ частію изъ воображенія, частію изъ воспріятія, то объ этомъ должно сказать послѣ разсмотрѣніи воображенія.

(*) *ὑπόληψις*.

6) Итакъ, если воображеніе есть то, чѣмъ производится въ насъ, какъ говорится, какой-нибудь образъ и это выраженіе употребляется не въ метафорическомъ смыслѣ, то оно есть или способность или дѣятельность, при помощи которой мы различаемъ и достигаемъ истины или заблуждаемся, а это свойства ощущенія, представленія, знанія, ума. 7) Что оно не есть ощущеніе это ясно изъ слѣдующаго: ощущеніе есть или возможность или дѣйствительность, какъ напр. зрѣніе и видѣніе, но можетъ существовать и въ некоторый образъ въ отсутствіи того и другаго, какъ напримѣръ въ сновидѣніяхъ. Далѣе, ощущеніе всегда присуще, воображеніе же не всегда. Притомъ же, если бы воображеніе было одно и тоже съ дѣйствительнымъ ощущеніемъ, то оно было бы необходимо у всѣхъ животныхъ; но по видимому его нѣтъ напр. у муравья, у пчелы, у червя. Кроме того ощущеніе всегда истины, образы же воображенія большею частію ложны; и когда мы имѣемъ отчетливое ощущеніе, то не говоримъ, что такой то предметъ намъ кажется человѣкомъ, но употребляемъ это выраженіе, когда ощущаемъ не ясно, потому что въ этомъ случаѣ образъ можетъ быть истиннымъ и ложнымъ. Наконецъ, какъ мы сказали выше, образы являются намъ и при закрытыхъ глазахъ. 8) Воображеніе не тождественно также ни съ однимъ изъ тѣхъ состояній, въ которыхъ всегда дается истина, каковы знаніе и умъ, потому что образъ воображенія бываетъ и ложнымъ. Остается теперь изслѣдовать, не тождественно ли воображеніе съ мнѣніемъ, потому что мнѣніе бываетъ и истиннымъ и ложнымъ. Но мнѣнію всегда сопутствуетъ вѣра, потому что невозможно, чтобы имѣющій какое-либо мнѣніе не вѣрилъ ему, между тѣмъ вѣры не существуетъ ни у одного изъ животныхъ, а воображеніе есть у многихъ. Далѣе, всякое мнѣніе сопровождается вѣрою, вѣра — убѣжденіемъ, убѣжденіе основаніемъ разума, между тѣмъ, хотя у некоторыхъ животныхъ и есть воображеніе, то при этомъ нѣтъ разума. 9) Итакъ очевидно, что воображеніе не тождественно съ мнѣніемъ, сопровождающимъ ощущеніе, или протекающимъ изъ ощущенія, оно не есть также соединеніе мнѣнія и ощущенія. Это послѣднее очевидно изъ того, что мнѣніе не относится къ чему нибудь иному, а къ тому же, къ чему и ощущеніе; потому воображеніе могло бы считаться соединеніемъ напр. ощущенія блага и мнѣнія о немъ, но соединеніемъ

мнѣнія напр. о добромъ съ ощущеніемъ блага оно быть не можетъ. Т. о. вообразать значило бы имѣть мнѣніе о томъ, что непосредственно ощущается. 10) Но бывають также ложныя ощущенія предметовъ, о которыхъ мы имѣемъ истинное мнѣніе: такъ солнце кажется величавою съ футъ, но признается больше всей земли. Въ такомъ случаѣ, вообразяющей или отвергать бы истинное мнѣніе о предметѣ, которое имѣть, — оставивъ фактъ въ томъ же видѣ, не забывая этого мнѣнія и не составивъ другаго, или имѣть его, но тогда оно истинно и должно въ оно и тоже время. Но оно становится ложнымъ уже тогда, когда незамѣтно измѣняется предметъ. — Такимъ образомъ воображеніе не тождественно ни съ однимъ, изъ указанныхъ состояній и не состоитъ изъ ихъ совокупности.

11) Но предметъ пришедшій въ движеніе можетъ привести въ движеніе какой-либо другой: воображеніе видимому есть своего рода движеніе и притомъ не является безъ ощущенія, но присуще ощущающимъ и относится къ ощущаемому. Отъ дѣятельности ощущенія можетъ произойти движеніе и это движеніе необходимо будетъ сходно съ ощущеніемъ; оно-то и будетъ воображеніемъ, которое дѣйствительно не можетъ быть безъ ощущенія и не можетъ пахотиться у существъ неощущающихъ: оно производитъ въ существѣ его имѣющемъ много страдательныхъ и дѣятельныхъ состояній, бываетъ истиннымъ и ложнымъ. 12) Последнее происходитъ слѣдующимъ образомъ. Ощущеніе того, что свойственно каждому чувству, истинно, или, по крайней мѣрѣ, рѣдко содержитъ въ себѣ незначительную долю заблужденія, но во вторыхъ въ немъ ощущается косвенно то, чему принадлежатъ ощущаемыя свойства. Въ этомъ случаѣ возможно уже заблужденіе: въ ощущеніи блага цвѣта не можетъ быть заблужденія, но въ томъ, что бѣтъ именно этотъ или другой какой-либо предметъ, возможно заблужденіе. Въ третьихъ ощущаются общія свойства, связанныя съ предметами, которымъ принадлежатъ свойственное каждому чувству, напр. движеніе, величина, принадлежащая ощущаемымъ предметамъ относительно ихъ, уже могутъ быть въ ощущеніи весьма большія ошибки. 13) Т. о. движеніе происшедшее изъ дѣятельности ощущенія будетъ различно, смотря потому, отъ которой изъ трехъ указанныхъ сторонъ ощущеніе происходитъ: въ первомъ случаѣ, при наличности самаго ощуще-

вія, оно нещиро; въ остальныхъ, какъ въ присутствіи, такъ и въ отсутствіи ощущенія, оно можетъ быть ложнымъ, и въ особенності, когда предметъ ощущаемый находится далеко. Итакъ, если все предшествовавшее послѣднему соображенію заключаетъ не что иное, какъ отрицаніе воображенія, и оно есть то, чѣмъ мы его называли, тогда воображеніе будетъ движеніе, истекающее изъ дѣйствительнаго ощущенія. 14) Поскольку же зрѣніе есть важнѣйшее изъ чувствъ, то названіе воображенія (*φαντασία*) происходитъ отъ свѣта (*), безъ котораго невозможно видѣніе. 15) Образы воображенія остаются въ душѣ и сходны съ ощущеніями; живыя существа во многихъ случаяхъ дѣйствуютъ сообразно съ ними, одни, какъ напр. животныя, потому что не обладаютъ умомъ, другіе вследствие омраченія ума страстью, болѣзнію, или сномъ, какъ это бываетъ у людей.

Сказаннымъ мы ограничимся въ изслѣдованіи того, что такое воображеніе и какъ происходитъ.

Г л а в а IV.

1) Разсматривая ту часть души, которою она познаетъ и пріобрѣтаетъ мудрость, — отдѣлима ли она, или неотдѣлима въ дѣйствительности, а только въ отвлеченіи, — нужно опредѣлить ея отличительныя черты и то, какимъ образомъ происходитъ мышленіе.

2) Если мышленіе находится въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и ощущеніе, то оно есть или страдательное состояніе подъ вліяніемъ мыслимаго, или что-либо въ этомъ родѣ.

3) Но оно должно быть неповерженнымъ страданію, носителемъ формъ и въ возможности такимъ, каковъ предметъ мыслимый, а не самымъ этимъ предметомъ, и какъ ощущающая способность относится къ ощущаемому, такъ умъ долженъ относиться къ мыслимому. Посему овъ, какъ мыслящій все, необходимо не заключаетъ въ себѣ посторонней примѣси, дабы, какъ говоритъ Анаксагоръ, властвовать надъ всѣмъ, т. е. дабы познавать; ибо чуждое, являясь рядомъ, препятствуетъ и составляетъ ему преграду, такъ что по природѣ умъ не можетъ быть ни чѣмъ инымъ, какъ

(*) *Tò óνομα από τοῦ φάους ἔληφεν.*

только способностію (*δυνατόν*). Т. о. такъ называемый умъ въ душѣ т. е. умъ, которымъ душа разсуждаетъ и понимаетъ, прежде мышленія не бываетъ въ дѣйствительности ничѣмъ изъ существующаго. 4) Съ этой точки зрѣнія разумно почитать его непричастнымъ тѣлу. Въ противномъ случаѣ онъ былъ бы теплымъ, или холоднымъ, у него былъ бы какой-нибудь органъ, какъ у способности ощущенія; но ничего такого нѣтъ. И справедливо утверждаютъ, что душа есть мѣсто (*τόπος*) формъ; только не вся душа, а мыслящая и не въ дѣйствительности (*ευσέλεια*), а въ возможности состоитъ изъ формъ. 5) Что непричастность страданію способности ощущенія и способности мышленія (¹) не одинакова, — это ясно видно на органахъ чувствъ и на самомъ ощущеніи: способность ощущенія не можетъ ощущать, когда существующее возбужденіе слишкомъ сильно, напр. не можетъ ощущать слабій звукъ въ присутствіи очень сильнаго, также въ присутствіи яркихъ красокъ и сильныхъ запаховъ нельзя ни видѣть ни обонять слабѣйшихъ; умъ же наоборотъ, когда мыслить что-либо слишкомъ отвлеченное (²), не только не хуже, въ тоже время, мыслить менѣе отвлеченное, а еще лучше. Дѣло въ томъ, что способность ощущенія не можетъ существовать безъ тѣла, а умъ есть нѣчто отдѣльное отъ него (*χωριστός*). 6) Когда умъ, начавъ мыслить (³), становится всеѣмъ тѣмъ, что мыслить, въ томъ смыслѣ, въ какомъ знающій человѣкъ называется знающимъ дѣйствительно, (а это бываетъ когда онъ становится способнымъ дѣйствовать самъ-собою), — и тогда онъ есть своего рода возможность, хотя не въ томъ смыслѣ, въ какомъ прежде наученія и пріобрѣтенія знанія; тогда онъ можетъ мыслить самого себя.

7) Поелику иное есть величина и сущность величины, вода и сущность воды и такое различіе свойственно многимъ другимъ предметамъ, хотя и не всеѣмъ, потому что въ нѣкоторыхъ случаяхъ значить одно и тоже напр. плоть и сущность плоти; то является вопросъ — другимъ чѣмъ-либо, или тѣмъ же въ другихъ условіяхъ воспринимается это различіе, потому что хотя плоть не можетъ быть безъ матеріи,

(¹) ἀπάθεια τοῦ αἰσθητικοῦ καὶ τοῦ νοητικοῦ.

(²) ὅταν τι νοήσῃ σφόδρα νοητὸν.

(³) Въ подлинникѣ οὕτως. См. выше § 3.

но эта послѣдняя заключается въ первой, какъ напр. кривизна носа, — предметъ определенный въ другомъ такомъ же. Способностию ощущенія различается теплое и холодное и все то, что воспринимается подобно плоти; инымъ же, или отдѣльнымъ, или относящимся къ способности ощущенія также, какъ относится къ себѣ ломная линія, когда будетъ выпрямлена, различается сущность плоти (¹). 8) Въ свою очередь въ области отвлеченности, прямая воспринимается, какъ и кривизна, въ связи съ протяженіемъ сплошнымъ, сущность же ея, если есть различіе между сущностью прямой и прямою линією, воспринимается инымъ, потому что эта двойственность должна и здѣсь сохраниться. Такимъ образомъ различеніе и здѣсь производится инымъ, или находящимся въ иныхъ условіяхъ. Вообще же, какъ вещи составляютъ нѣчто отдѣльное отъ вещества, такъ и то, что относится къ области ума.

9) Можетъ явиться недоумѣніе: если умъ простъ и не причастенъ страданію и ни съ чѣмъ не имѣетъ ничего общаго, какъ утверждаетъ Анаксагоръ, то, какъ онъ мыслитъ, когда мышленіе есть своего рода страдательное состояніе? Такъ какъ, повидимому, одинъ предметъ является дѣйствующимъ, а другой страдающимъ только въ такой мѣрѣ, въ какой между ними есть нѣчто общее. 10) Возникаетъ еще вопросъ: можетъ ли самъ умъ быть предметомъ мышленія, потому что въ такомъ случаѣ, или умъ долженъ находиться въ другихъ предметахъ, если самъ онъ мыслимъ также, какъ другіе предметы, такъ какъ мыслимое одно по виду, или въ немъ должна быть посторонняя примѣсь, которая дѣлаетъ его мыслимымъ, также точно, какъ другіе предметы. 11) Или же страдательность ума нужно понимать въ общемъ смыслѣ, обыкновенномъ нами выше, именно, что онъ только въ возможности тоже, что мыслимые предметы, но въ дѣйствительности не тождественъ ни съ однимъ изъ нихъ, до той поры,

(¹) Тределенбургъ объясняетъ это мѣсто такъ: «ломаная линія образовалась изъ прямой и потому есть нѣчто позднѣйшее, въ основѣ чего лежитъ прямая, какъ нѣчто болѣе раннее. Когда линія ломаная выпрямляется, то возстановляется ея принципъ и ея причина; подобнымъ же образомъ поступаетъ умъ, когда познаетъ сущность какой-либо вещи и, устраняя все случайное, возстановляетъ ее въ ея полномъ достоинствѣ». Kirchn, Arist. Ueber die Seele. Nota 244.

пока не мыслить ихъ. Онъ долженъ находиться въ такомъ же положеніи, въ какомъ письменная дощечка, на которой въ дѣйствительности нѣтъ ничего написаннаго. Таковъ и есть дѣйствительно умъ. 12) Т. о. самъ умъ мыслимъ точно также, какъ и все мыслимое, потому что въ области безтѣлесныхъ формъ мыслящее и мыслимое тождественны, — умозрительное знаніе и умозрительно познаваемое суть одно и тоже. Остается теперь отыскать причину, почему умъ не мыслить постоянно. Дѣло въ томъ, что въ предметахъ матеріальныхъ мыслимое находится только въ возможности, такъ что умъ не присуць имъ, (потому что умъ есть нематеріальная возможность этихъ самыхъ предметовъ), по самому ему мыслимое присуць (¹).

Г л а в а V.

1) Послику во всей природѣ есть нѣчто, составляющее матерію предметовъ каждаго рода, нѣчто такое, что въ возможности заключаетъ въ себѣ все предметы, затѣмъ—причина и дѣятельная сила, все ихъ производящая, относящаяся къ нимъ напр. какъ искусство къ перерабатываемому матеріалу, — то необходимо чтобы и въ душѣ существовали эти различныя стороны. И таковъ дѣйствительно умъ: онъ можетъ стать всемъ и все произвести, какъ нѣкоторая сила напр. свѣтъ, потому что свѣтъ въ нѣкоторомъ родѣ превращаетъ, въ возможности существующіе цвѣта, въ цвѣта дѣйствительные. Этотъ умъ существуетъ отдѣльно, не причастенъ страданію, простъ (*ἀμιγρὸς*), будучи по природѣ чистою силою. 2) Потому что дѣйствующее всегда выше страдающаго и основа выше вещества. Дѣйствительное знаніе тождественно съ предметомъ познаваемымъ; знаніе въ возможности у недѣлимаго существуетъ прежде по времени, вообще же оно не подлежитъ условіямъ времени. Дѣло въ томъ, что умъ не есть въ одно время мыслящій, въ другое — не мыслящій. Умъ отдѣленъ только въ своей сущности и только съ этой стороны онъ безсмертенъ и вѣченъ (²). Не-

(¹) *Καίνα δὲ τὸ νοητὸν ὑπάρξει.* Ср. *Metaph.* II, 7—9.

(²) Ср. *lib.* I, с. 4, § 14; *Metaph.* XII, с. 3; *Ethic. ad Nicom.* X, с. 7.

чего и упоминать о томъ, что онъ непричастенъ страданію; страдательный же умъ преходящъ и безъ перваго ничего не можетъ мыслить.

Г л а в а VI.

1) Мышленіе о недѣлимыхъ относится къ такимъ, гдѣ нѣтъ заблужденія: заблужденіе и истина являются только при сочетаніи нѣкоторыхъ мыслей въ одно цѣлое. Какъ по словамъ Эмпедокла: „голова многихъ существъ выросли безъ шей“, потомъ силою любви соединились съ ними, такъ и въ мышленіи сочетается различное, напр. несоизмѣримость и діаметръ. 2) Когда мыслится прошедшее или будущее, тогда мыслится съ тѣмъ вмѣстѣ время и входитъ въ сочетаніе. Заблужденіе всегда существуетъ въ сочетаніи: такъ даже, когда бѣлое мыслится недѣлимъ—съ мыслью о бѣломъ соединяется мысль о недѣломъ. Можно также все назвать раздѣленіемъ. Однакоже можетъ быть истина или заблужденіе не только въ томъ, что Клеанъ бѣлъ, но и въ томъ, что онъ былъ или будетъ бѣлъ. То, чѣмъ все это отдѣльное приводится къ единству, есть умъ.—3) Такъ какъ недѣлимое двояко понимается, какъ недѣлимое въ возможности и недѣлимое въ дѣйствительности, то ничто не препятствуетъ уму, мысля протяженіе, мыслить его недѣлимымъ⁽¹⁾, потому что оно недѣливо въ дѣйствительности и въ недѣлимое время; подобно протяженію и время дѣливо и недѣливо. Поэтому нельзя сказать, что именно мыслится умомъ въ каждой половинѣ, потому что, прежде раздѣленія, половины нѣтъ; она существуетъ только въ возможности. Когда же мыслится отдѣльно каждая половина, вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣляется и время и тогда онѣ мыслятся, какъ два протяженія. Если же предметъ мыслится состоящимъ изъ двухъ половинокъ, то онъ мыслится и во время состоящее изъ двухъ, соответственныхъ половинокъ. 4) Въ недѣлимое время и недѣлимою частью души мыслится недѣлимое не по количеству, а по виду, но только случайно, и не въ силу того, что то, чѣмъ мыслится и время, въ которое мыслится — дѣливо, а въ силу того, что недѣливо. Ибо имъ присуще нѣчто недѣлимое, хотя повидимому неотдѣлимое, что дѣлаетъ единымъ и время и про-

(1) Т. е. нераздѣленнымъ или сплошнымъ.

тяженіе. Такъ бываетъ и во всемъ сплошномъ по времени или по протяженію. 5) Точка и всякая часть дѣленія разсматриваются какъ недѣлимое черезъ отрицаніе. Тоже самое нужно сказать и относительно всѣхъ другихъ предметовъ, напр. относительно того, какъ познается злое или черное; познаются они въ вѣкоторомъ родѣ черезъ противоположное. 6) Познающее же должно быть въ возможности тѣмъ и другимъ и противоположности должны въ немъ содержаться (¹). Если же какая-либо изъ причинъ не имѣетъ противоположнаго, то она познаетъ сама себя, есть дѣйствительность и отдѣленное (²). 7) Предложеніе высказываетъ что-нибудь о чемъ-нибудь, напр. въ формѣ утвержденія, и бываетъ истиннымъ или ложнымъ цѣликомъ; но умъ не всегда бываетъ такимъ: мысль о сущности предмета, выражающая его природу, всегда истинна, выражающая же иѣчто о чемъ-нибудь, — не всегда. Такъ, воспріятіе зрѣніемъ того, что свойственно воспринимать этому чувству всегда истинно; когда же является сужденіе, что бѣлое есть человекъ или пчеловекъ, оно не всегда можетъ быть истиннымъ. Тоже самое имѣетъ мѣсто и въ мысляхъ относительно предметовъ невещественныхъ.

Г л а в а VII.

1) Знаніе дѣйствительное тождественно съ предметомъ познаваемымъ; знаніе въ возможности въ индивидуумѣ существуетъ по времени прежде предмета, вообще же, и по времени, — не прежде; ибо все возникающее происходитъ изъ дѣйствительно сущаго. Повидимому, ощущаемый предметъ производигъ изъ существующаго въ возможности ощущающаго дѣйствительное ощущеніе: ибо начало ощущающее не страдать и не подвергается измѣненію. Потому ощущеніе есть особый видъ движенія. Движеніе, какъ было сказано, есть дѣйствіе несовершеннаго, просто же дѣйствіе принадлежитъ совершенному и есть иѣчто иное. 2) Ощущеніе похоже на

(¹) Такъ передаютъ В. Сентъ-Пьеръ, Кирхманъ и Торстрикъ это темное мѣсто, которое читается такъ: *θεῖ δε δύναμις εἶναι τὸ ὑπορίξον καὶ ἐνεῖναι ἐν αὐτῷ.*

(²) *καὶ ἐνεργεία ἐστὶ καὶ χωριστὸν.*

простое говореніе и мышленіе (¹): когда же оно пріятно или непріятно, то возбуждаетъ стремленіе или отвращеніе, которыя похожи на утвержденіе и отрицаніе, и самое удовольствіе или неудовольствіе есть дѣйствіе ощущающей среды по отношенію къ добру или злу, какъ такимъ. При этомъ отвращеніе и стремленіе въ дѣйствительности тождественны съ этимъ дѣйствіемъ и стремящееся, какъ и отрицающее, не различаются ни другъ отъ друга, ни отъ ощущающаго, по способъ ихъ бытія различены.

3) Для души разсуждающей образы воображенія замѣняютъ ощущенія: утверждая или отрицая благо или зло, она тоже стремится или отвращается. И душа никогда не мыслитъ безъ образовъ, такъ же точно, какъ глазъ измѣняется опредѣленіемъ образомъ подъ вліяніемъ воздуха, но не одно и тоже съ нимъ; подобнымъ же образомъ и слуховой органъ. Постѣднее же единое есть одна среда, но ея видоизмѣненія многообразны. 4) Какимъ образомъ душа судитъ, что сладкое отличается отъ теплаго, объяснено прежде; тоже можетъ быть сказано и здѣсь. Различающее есть и что единое и притомъ какъ-бы предѣльное (*ὡς ὄρος*). И образы объединяются и стоятъ по числу и по связи другъ съ другомъ въ точно такомъ же отношеніи, какъ соотвѣтствующія имъ ощущенія между собою. Какимъ образомъ здѣсь происходитъ сужденіе о сходномъ и противоположномъ, это также трудно рѣшить, какъ и относительно различенія бѣлаго отъ чернаго. Пусть А—бѣлое находится въ известномъ отношеніи къ В—черному; тогда С будетъ также относиться къ D, какъ А къ В и наоборотъ (²). Т. о. если С и D суть свойства одного и того же предмета, то они будутъ также относиться между собою какъ АВ: они одно и единое, но въ бытіи различны и т. п. Тоже самое получится, если А будетъ значить сладкое, а В—бѣлое. 5) Мыслящее начало (³) получаетъ общія идеи изъ образовъ воображенія и такъ какъ въ нихъ опредѣляетъ

(¹) *ἄπλοσ τῶ φάναι λόγος καὶ νοῦν*. Ср. *Hermen.* IV, 1; *Catheg.* IV, 4.

(²) Здѣсь опущено объясненіе значенія С и D и получается неясность; но стоятъ только указать, что С есть идея или образъ бѣлаго, а D—чернаго, и дѣло становится яснымъ.

(³) *τὸ νοητικόν*.

ся для него то, къ чему должно стремиться и чего отвращаться, то и въ отсутствіи ощущеній, имѣя дѣло съ одними образами, оно производитъ движенія. Такъ ощущая, что сигпальный факель зажженъ, и, воспринимая общимъ чувствомъ, что онъ находится въ движеніи, душа узнаетъ, что неприятель въблизи. 6) Иногда мыслящее начало, при посредствѣ образовъ или общихъ идей, какъ бы видя на самомъ дѣлѣ, обдумываетъ и располагаетъ будущее на основаніи настоящаго и, сознавая близкое наступленіе удовольствія или страданія, стремится или отвращается въ силу этого и, вообще, располагаетъ свою дѣятельность. Стоящее внѣ области дѣйствія, истинное и ложное — одного рода съ добрымъ и злымъ; но они различаются тѣмъ, что первое безотносительно таково, послѣднее же по отношенію къ кому-нибудь (¹). 7) Отвлеченные предметы мыслятся также напр. какъ курносость (²), — то какъ курносость въ собственномъ смыслѣ, нераздѣльно, то какъ вогпугость отвлечено, безъ тѣла, въ которомъ находится вогпугость. Такъ, мысля математическія фигуры, умъ мыслить ихъ какъ нечто отдѣльное отъ тѣла, хотя онѣ не отдѣлимы.

8) Вообще умъ, когда онъ дѣйствительно мыслить тождественъ съ предметами. Можетъ ли онъ, будучи неотдѣлимымъ отъ величины, мыслить вещи отдѣленныя, объ этомъ послѣ.

Г л а в а VIII.

1) Теперь, объединяя все сказанное о душѣ, повторимъ, что душа въ нѣкоторомъ родѣ есть все, что существуетъ. Будетъ ли существующее ощущаемымъ или мыслимымъ. — Знаніе есть въ нѣкоторомъ родѣ и познаваемое, ощущеніе есть и ощущаемое. Какимъ это образомъ, нужно изслѣдовать.

2) Знаніе и ощущеніе раздѣляются на предметы. — ощущеніе и знаніе въ возможности на предметы въ возможности, знаніе и ощущеніе дѣйствительное на предметы дѣй-

(¹) ἀλλὰ τῷ γ' ἀπλῶς διαφέρει καὶ τινι.

(²) τὸ συμὸν.

ствительные. Но ощущающее и познающее начала души въ возможности одно и то же — последнее — относительно познаваемого, первое — относительно ощущаемого. При этомъ необходимо, чтобы начало это состояло изъ самыхъ предметовъ или изъ ихъ формъ. Изъ самыхъ предметовъ оно не состоитъ, потому что въ душѣ находится не камень, а форма камня, такъ что душа имѣетъ сходство съ рукою: какъ рука есть орудіе орудій, такъ и умъ форма формъ, а ощущение форма всего ощущаемого. 3) Такъ какъ вѣтъ, по видимому, предмета, который бы существовалъ независимо отъ ощущаемой величины, то мыслимое дается въ ощущаемыхъ формахъ, и при томъ, какъ отвлеченное, такъ и то, которое относится къ состояніямъ и измѣненіямъ ощущаемого. Потому существо, не имѣющее никакихъ ощущений, ничего не можетъ познать и понять. Созерцаніе чего-либо умомъ, необходимо, есть съ тѣмъ вмѣстѣ созерцаніе какого-либо образа воображенія: образы воображенія замѣняютъ при этомъ ощущаемые предметы, только безъ вещества. Воображеніе также отличается отъ утвержденія и отрицанія, потому что только сочетаніе мыслей заключаетъ въ себѣ истину или заблужденіе. Но чѣмъ отличаются отъ образовъ воображенія первыя понятія? Они не суть образы, но безъ образовъ возникнуть не могутъ.

Г л њ а в а IX.

1) Душа животныхъ опредѣлена двумя способностями, — способностію различенія, которое совершается въ мышленіи и ощущеніи, и способностію производить движеніе въ пространствѣ. Изслѣдованіе ощущенія и ума сдѣлано въ предыдущемъ. Теперь нужно разсмотрѣть относительно движущаго начала: что оно такое въ душѣ? Есть ли оно одна какая-либо часть души, отдѣлимая по величинѣ, или отдѣлимая только въ отвлеченіи; или обвиняетъ всю душу? Если это начало есть какая-либо часть души, то есть ли оно вѣчто особое, сверхъ тѣхъ частей, какія обыкновенно указываются и о какихъ мы говорили, или одна изъ нихъ?

2) Здѣсь немедленно возникаетъ затрудненіе: въ какомъ смыслѣ должно говорить о частяхъ души и сколько ихъ признавать. По видимому ихъ существуетъ безчисленное множе-

ство, а не тѣ только. О коняхъ говорятъ люди, различающіе въ душѣ части разумную, страстную и чувствепную, также тѣ, кои различаютъ части разумную и неразумную. Уже по тѣмъ признакамъ, какими выдѣляется эти части, открываются другія, значительно различіея отъ перечисленныхъ, части. О коняхъ мы уже говорили—именно: растительная, присущая растеніямъ и вѣмъ животнымъ, и ощущающая, которую трудно причислить, какъ къ неразумному, такъ и разумному началу. 3) Кроме того и относительно воображающаго начала, которое отличается отъ вѣхъ по способу своего бытія, возникаетъ большое затрудненіе для того, кто признаетъ существованіе отдѣльныхъ частей души: съ какою изъ указанныхъ частей его отождествить или отъ какихъ отличить? Сверхъ того существуетъ желательное начало, отличающееся, какъ кажется, и по содержанию и по дѣятельности, отъ вѣхъ другихъ. Его вѣдно отдѣлать отъ другихъ, потому что въ началѣ разумномъ возникаетъ хотѣніе, въ неразумномъ чувственное пожеланіе и страсть (*ἄσμος*): если призвать душу тройственною, то желаніе окажется въ каждой изъ трехъ ея частей.

4) Обратимся къ тому, о чемъ теперь начала рѣчь: чѣмъ производится движеніе животнаго въ пространствѣ? Движеніе, которымъ производится увеличеніе и уменьшеніе животнаго, присущее вѣмъ, совершается, повидимому, тоже присущимъ вѣмъ началомъ рожденія и питанія. О дыханіи и выдыханіи, о снѣ и бодрствованіи нужно сдѣлать изслѣдованіе послѣ: и относительно ихъ возникаетъ много затрудненій. 5) Остается разсмотрѣть здѣсь движеніе въ пространствѣ и то, въ чемъ состоитъ сила, производящая перемѣщеніе животнаго въ пространствѣ. Что оно производится не силою, производящею питаніе, — это очевидно, потому что перемѣщеніе въ пространствѣ всегда совершается ради чего-нибудь, возникаетъ ли оно подъ вліяніемъ воображенія или стремленія, такъ какъ безъ стремленія и отвращенія нѣтъ движенія, или есть движеніе насильственное. Кроме того, въ этомъ случаѣ и растенія были бы способными къ движенію и имѣли бы какой-либо органъ для такого движенія. 6) Подобнымъ же образомъ, движеніе не можетъ производиться силою ощущающею; ибо многія животныя, имѣющія ощущеніе, остаются прикрѣпленными къ мѣсту и совершенно неподвижны. Если природа не дѣлаетъ ничего излишня-

го, то она и не опускаетъ ничего необходимаго, развѣ только въ существахъ недоразвившихся и изуродованныхъ. Но упомянутыя животныя вполне сформированы и не заключаютъ въ себѣ уродства, признакомъ чего служитъ то, что онѣ способны къ воспроизведенію рода, достигаютъ зрѣлости и подвержены увяданію. Они должны бы имѣть органы, приспособленныя къ поступательному движенію. 7) И сила разумная, такъ называемый умъ, не есть движущая сила; потому что умъ созерцательный не заключаетъ въ своей дѣятельности ничего практическаго и не рѣшаетъ, чего нужно избѣгать или къ чему стремиться, между тѣмъ какъ движеніе есть дѣйствіе чего-либо отвращающагося или стремящагося. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда умъ созерцаетъ что-либо подобное, онъ не повелѣваетъ избѣгать или преслѣдовать. Напр. часто онъ размышляетъ о чемъ-нибудь страшномъ или приятномъ, по страха при этомъ не является, а приходитъ въ движеніе сердце, или другая какая-либо часть, въ случаѣ размышленія о приятномъ. 8) Кроме того, когда умъ повелѣваетъ что-либо и размышленіе заставляетъ чего-либо избѣгать или что-либо преслѣдовать, — движенія иногда не бываетъ въ этомъ направленіи и дѣйствіе совершается подъ вліяніемъ чувствепнаго желанія, какъ напр. у неводержаннаго. И вообще, мы видимъ, что напр. знающій врачебное искусство тѣмъ самымъ не превращается въ дѣлающаго болѣзни, такъ какъ нѣчто другое вызываетъ дѣйствіе соответствующее знанію, а не само знаніе. И желаніе не есть источникъ этого движенія, потому что воздержные люди, имѣя желаніе и чувствепныя потребности, не дѣйствуютъ по ввущенію ихъ, а слѣдуютъ разуму.

Г л а в а X.

1) Движеніе, повидному, производится двумя силами — или желаніемъ (*ὄρεξις*), или умомъ, если признать воображеніе своего рода мыслительною дѣятельностію. Ибо и люди весьма часто, вопреки знанію, слѣдуютъ образамъ воображенія, а у другихъ животныхъ нѣтъ ни разсудка, ни разума, а одно воображеніе. Т. о. обѣ силы — умъ и желаніе служатъ источникомъ движенія въ пространствѣ. 2) Но здѣсь разумѣется умъ, размышляющій о дѣи чего и направленный

къ дѣйствию, который отличается отъ теоретическаго своимъ направлениемъ къ цѣли. И всякое желаніе имѣетъ цѣль, а то, чего оно есть желаніе, становится основою практическаго ума и есть послѣдняя основа дѣствія. Такимъ образомъ по всей справедливости можно считать производителемъ движенія указанныя два начала — желаніе и практическое мышленіе. Сила возбуждающая желаніе производитъ движеніе, а черезъ нее становится двигателемъ и мысль, потому что ей основою въ этомъ случаѣ служитъ предметъ желанія. 3) И воображеніе, когда оно производитъ движеніе, производитъ его не безъ участія желанія. Итакъ движущее есть иѣчто единое, т. е. желаніе; если же движеніе производится двумя — умомъ и желаніемъ, то производится ими въ силу нѣкоторой общей имъ формы. Умъ, повидимому не можетъ производить движенія безъ желанія; ибо хотѣніе есть желаніе, и когда движеніе происходитъ силою мысли, оно въ тоже время совершается и силою хотѣнія. Потребность можетъ производить движеніе безъ участія мысли, ибо она есть нѣкоторое желаніе.

4) Умъ всегда правъ (*ὀρθός*); желаніе же и воображеніе бывають и правыми и неправыми. Желаніе потому всегда производитъ движеніе, но приводитъ или къ благу дѣйствительному, или къ благу кажущемуся и притомъ не ко всякому благу, а только благу, осущестляемому въ дѣствіи. А осущестляемое въ дѣствіе благо таково, что оно можетъ быть и инымъ.

5) Итакъ, ясно, что движеніе производится тою силою души, которая называется — желаніемъ. Тѣмъ, которые раздѣляютъ душу на части, когда они раздѣляютъ и различаютъ ее по способностямъ, приходится признать весьма большое ихъ количество: питающую, ощущающую, мыслящую, хотащую и наконецъ желающую. Ибо все они настолько же разнятся другъ отъ друга, насколько желательное и страстное начала.

6) Желанія бывають противоположными другъ другу. Это въ тѣхъ случаяхъ, когда вступаютъ въ противорѣчіе разумъ и чувственная потребность, а это бываетъ у существъ, имѣющихъ чувство времени (разумъ требуетъ воздержанія въ виду будущаго, а чувственность руководится удовольствіемъ, потому что ей кажется настоящее удовольствіе удовольствіемъ дѣйствительнымъ и дѣйствительнымъ благомъ,

въ силу того, что ей недоступно будущее). По формѣ движущее есть какъ-бы единое, — именно начало желающее, какъ желающее, по числу же движущихъ много. По первое изъ всѣхъ движущихъ есть предметъ желанія (онъ именно производитъ движеніе, самъ не двигаясь, въ силу того, что мыслится или воображается). 7) Здѣсь существуютъ три двигателя: первый — движущее, второй — орудіе движенія, третій — движимое. Движущее въ свою очередь двойко: одно неподвижно, другое и движетъ и само движимо. Подвижное есть практическое благо; движущее и движимое есть желательное начало (ибо желающее находится въ движеніи, когда желаетъ и желаніе, какъ дѣйствіе, есть нѣкотораго рода движеніе); движимое есть животное. Орудіе, черезъ которое желаніемъ производится движеніе есть уже нѣчто тѣлесное; потому изслѣдованіе его нужно отнести къ дѣйствіямъ общимъ тѣлу и душѣ ⁽¹⁾. 8) Здѣсь мы укажемъ только на главное. Органъ движенія есть нѣчто такое, въ чемъ начало совпадаетъ съ концомъ, какъ въ сочлененіи, гдѣ есть выпуклость и вогнутость, и одна изъ нихъ есть конецъ, другая — начало; потому когда одна часть покоится, другая движется. Части эти различны въ отвлеченіи, но какъ цѣлое они нераздѣльны. Все приводится въ движеніе толчкомъ, или же привлеченіемъ; потому, какъ при образованіи круга, нѣчто должно быть въ покоѣ и служить исходнымъ пунктомъ движенія.

9) Вообще, какъ мы сказали, животное настолько само себя движетъ, насколько оно обладаетъ способностью желанія. Способность желательная не существуетъ безъ воображенія; воображеніе же связано или съ мыслительною дѣятельностію, или съ ощущеніемъ. Последнимъ обладаютъ всѣ другія животныя.

Г л а в а XI.

1) Нужно едва-ли теперь изслѣдованіе относительно несовершенныхъ животныхъ, у которыхъ существуетъ только одно чувство — осязаніе, чѣмъ у нихъ производится движеніе? есть ли у нихъ воображеніе и чувственное пожеланіе? Стра-

(1) 6 гл. *περὶ ζῶων κινήσεως.*

даше и удовольствіе, повидимому, присущи имъ, а если такъ, то у нихъ необходимо должно быть и чувственное пожеланіе. Въ какомъ видѣ можетъ быть у нихъ воображеніе? Такъ какъ у нихъ существуютъ только неопредѣленныя движенія, то у нихъ есть воображеніе, но въ неопредѣленной формѣ. 2) Дѣйствительно, воображеніе, связанное съ ощущеніемъ, какъ мы уже сказали, существуетъ и у неразумныхъ животныхъ, но воображеніе, связанное съ хотѣніемъ, есть только у существъ разумныхъ. Ибо опредѣленіе того, какъ поступать въ томъ или другомъ случаѣ, есть дѣло разума и оцѣнка производится, когда преслѣдуется большее благо, необходимо, однимъ, способнымъ сдѣлать изъ многихъ образовъ воображенія одинъ. По той же причинѣ у несовершенныхъ животныхъ нѣтъ, повидимому, мнѣнія, такъ какъ они не способны къ умозаключенію, а мнѣніе имѣетъ въ своей основѣ — умозаключеніе. 3) Потому же и желаніе не заключаетъ въ себѣ хотѣнія. Иногда впрочемъ оно одерживаетъ побѣду надъ хотѣніемъ и направляетъ его, иногда же наоборотъ: съ случаѣмъ воздержанія одно стремленіе увлекается другимъ какъ сфера сферою. Но природѣ, берущее верхъ всегда господствуетъ и двигаетъ, такъ что движеніе происходитъ уже тремя способами. 1) Начало познающее не движется, но пребываетъ въ покоѣ. Такъ какъ предложеніе есть или общее и отвлеченное, или частное (одно говоритъ, что такой-то человѣкъ долженъ поступать такъ-то, другое, что я—такой-то, теперь долженъ поступать такъ-то), то движеть частное—мнѣніе, а не общее, если они двигаютъ вмѣстѣ, то послѣднее остается скорѣе въ покоѣ, а первое нѣтъ.

Г л а в а XII.

1) Все, что живетъ и имѣетъ душу необходимо должно имѣть душу питающую съ самаго рожденія и до смерти. Ибо родившееся необходимо должно расти, достигать зрѣлости и увяданія, а все это невозможно безъ питанія. 2) Ощущеніе же не присуще съ необходимостью всѣмъ живымъ существамъ. Живыя существа, имѣющія простое тѣло, не имѣютъ осязанія, (хотя ни одно животное не можетъ быть безъ него); не имѣютъ его также существа неспособныя къ воспріятію формъ безъ вещества. 3) Животное же необходимо

должно имѣть ощущеніе, если вѣрно то, что природа не производитъ ничего напрасно: въ природѣ все существуетъ для чего-нибудь, или служитъ условіемъ существующаго для чего-нибудь. Если бы тѣло, одаренное произвольнымъ движеніемъ, не имѣло ощущенія, оно погибло бы и не достигло бы своей цѣли, предназначенной ему природою. Какимъ образомъ оно могло бы тогда добывать себѣ пищу? Существа же прикрѣпленные къ одному мѣсту имѣютъ средства существованія готовыми. 4) Также не можетъ быть, чтобы возникшее и непрікрѣпленное къ одному мѣсту тѣло, имѣющее при томъ душу и умъ различающій, — не имѣло ощущенія. И ради чего не имѣло бы оно ощущенія (')? Лучше было бы отъ этого или для тѣла, или для души. Но ни того ни другаго допустить нельзя: ибо душа не будетъ лучше мыслить при этомъ и тѣлу отъ этого нѣтъ никакой выгоды. Итакъ ни одно тѣло, имѣющее душу и непрікрѣпленное къ мѣсту, не существуетъ безъ ощущенія. 5) Тѣло, одаренное ощущеніемъ, должно быть простымъ, или сложнымъ. Простымъ оно быть не можетъ, потому что тогда оно не имѣло бы ощущенія, которое вполнѣ необходимо. 6) Необходимость ощущенія очевидна изъ слѣдующаго. Всякое животное есть одушевленное тѣло, а всякое тѣло есть нѣчто осязаемое: осязаемое же открывается въ осязательномъ ощущеніи. Отсюда для самаго существованія животнаго становится необходимымъ, чтобы тѣло его было одарено способностію осязанія. Ибо все другія чувства ощущаютъ черезъ посредство

(') Въ изданіи Дюдо и большинствѣ другихъ это мѣсто читается такъ: *ἀλλὰ μὴν ὁ ἄνθρωπος διὰ τὸ γὰρ ἔχει* etc. Пархманъ, слѣдуя этому чтенію, даетъ такой смыслъ: wohl aber kann dies bey den ewigen Körpern stattfinden. Но уже Симплицій замѣтилъ, что *ἀλλὰ μὴν ὁ*... есть вставка и не идетъ къ дѣлу. Б. С. Плеръ слѣдуетъ ему, читая *ἔχει* съ отрицаніемъ. Торстрвкъ, опуская *ἀλλὰ ὁ* etc... читаетъ: *διὰ τὸ δε ἔχει* безъ отрицанія в относити *ἔχει* къ *ἡς κριτικόν*, отчего выходитъ новый смыслъ, трудно допустимый по самой конструкціи рѣчи и ходу мысли у Аристотеля. Мы слѣдуемъ Симплицію. Вѣрно ли это—рѣшить трудно. Во всякомъ случаѣ получается весьма опредѣленный и простой смыслъ и все имѣетъ видъ доказательства а *causa finale* изъ котораго слѣдуетъ *οὐθέν ἄρα ἔχει ψυχὴν* etc. При всякомъ другомъ чтеніи положеніе Аристотеля остается безъ доказательства и заключеніе вовсе не слѣдуетъ изъ предъидущаго.

другихъ тѣлъ, какъ напр. обоняніе, зрѣніе, слухъ; въ осязаніи ощущеніе возникаетъ при непосредственномъ соприкосновеніи и, если его не будетъ, то невозможно будетъ одного избѣгать, другое привлекать, а слѣд. невозможно и самое сохраненіе животнаго. 7) Потому-то и вкусъ есть нѣкотораго рода осязаніе: вкусъ возбуждается пищей, а пища есть осязаемое тѣло. Звукъ, цвѣтъ, запахъ не питаютъ, не производятъ ни увеличенія ни уменьшенія тѣла. Такъ что вкусъ необходимо долженъ быть осязаніемъ, потому что онъ есть ощущеніе осязаемаго питательнаго вещества. Эти ощущенія, т. е. осязательное и вкусовое, необходимы для животнаго и отсюда очевидно, что безъ осязанія ни одно животное существовать не можетъ. 8) Другія ощущенія существуютъ тоже для блага животнаго, но принадлежатъ не всемъ родамъ животныхъ, необходимы только для животныхъ, одаренныхъ способностію перемѣщенія въ пространствѣ: для своего сохраненія эти послѣдніе должны ощущать не только при непосредственномъ соприкосновеніи, но и издали. А это достигается способностію ощущать черезъ среду, при чемъ предметъ ощущаемый измѣняется и приводитъ въ движеніе среду, а она дѣйствуетъ уже на чувство. 9) Такъ сила, производящая движеніе животнаго въ пространствѣ, дѣйствуетъ, производя перемѣщеніе его; толчекъ заставляетъ другое тѣло производить толчекъ и движеніе производится посредствомъ передачи: при этомъ первое движущее производитъ толчекъ, само не будучи толкаемо, послѣднее только воспринимаетъ толчекъ, не производя его, посредствующее же и воспринимаетъ и производитъ толчекъ, а такихъ посредствующихъ можетъ быть большое количество. Тоже самое бываетъ при измѣненіи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда измѣняющійся предметъ остается на томъ же мѣстѣ. Напр. когда нѣчто погружается въ воду, этотъ послѣдній движется до того предѣла, до какого происходитъ погруженіе; въ камнѣ никакого движенія не происходитъ, а движеніе воды идетъ весьма далеко.

Г л а в а XIII.

1) Итакъ очевидно, что тѣло животнаго не можетъ быть простымъ, т. е. состоящимъ изъ одного огня или одного воздуха; ибо безъ осязанія оно не можетъ имѣть никакого

другаго чувства и всякое одушевленное тѣло должно потому обладать осязаніемъ, какъ это было объяснено. За исключеніемъ земли, всѣ другія простія тѣла могутъ быть органами ощущенія: всѣ они дѣлаютъ чувства способными ощущать черезъ иное и черезъ среду; но осязаніе возникаетъ изъ непосредственнаго соприкосновенія съ предметами, откуда и самое его названіе (¹). И хотя всѣ другія органы чувствъ ощущаютъ тоже путемъ соприкосновенія, но черезъ другое тѣло; одно только осязаніе, повидимому, ощущаетъ непосредственно (*δι' αὐτῆς*). Такимъ образомъ тѣло животнаго не можетъ состоять изъ одной какой-либо изъ упомянутыхъ стихій. Но оно также не можетъ состоять изъ земли; ибо осязаніе есть какъ-бы средоточіе всего доступнаго черезъ соприкосновеніе и органъ его способенъ воспринимать не только свойства земли, но также свойства теплаго, холоднаго и всѣхъ другихъ доступныхъ осязанію свойствъ. Въ силу этого мы не можемъ ощущать костями, волосами и другими подобными частями тѣла, такъ какъ они состоятъ изъ земли. Потому же самому растенія не имѣютъ никакого ощущенія, какъ состоятъ изъ земли. Безъ осязанія не можетъ быть никакого другаго ощущенія и органъ осязанія не состоитъ ни изъ земли, ни изъ другой какой-либо стихіи. 2) Очевидно, что животныя, лишившись одного этого чувства, необходимо умираютъ и не можетъ быть, чтобы существо имѣющее это чувство, не было животнымъ, также, для того чтобы быть животнымъ, существу не нужно никакого другаго чувства, кромѣ этого. Вслѣдствіе этого чрезмѣрная сила всѣхъ другихъ дѣятелей, возбуждающихъ ощущеніе, какъ напр. цвѣта, звука, запаха не разрушаютъ самое животное, а только соотвѣтствующіе органы и при томъ не прямо и непосредственно, а въ силу того, что напр. при звукѣ происходитъ сотрясеніе и ударъ, а при зрительныхъ и обонятельныхъ ощущеніяхъ приводится въ движеніе нѣчто такое, что разрушаетъ органъ, дѣйствуя на осязаніе; вкусъ дѣйствуетъ разрушительно тоже черезъ посредство осязанія. 3) Но чрезмѣрная сила дѣятелей, возбуждающая осязаніе, напр. теплоты, холода, сухости, причиняетъ животному смерть; ибо всякая чрезмѣрность ощущаемаго разруша-

(¹) Ἄφῆ отъ ἄπτω.

еть соотвѣтствующій органъ, слѣдовательно чрезмѣрность осязаемаго разрушаетъ осязаніе, а имъ опредѣляется самая жизнь животнаго, потому что, какъ было доказано, животное не можетъ быть безъ осязанія. Потому-то чрезмѣрная сила осязаемаго разрушаетъ не только органъ, но самое животное, такъ какъ одно чувство осязанія вполнѣ необходимо для жизни животнаго. Какъ было уже сказано, другія ощущенія существуютъ у животнаго не ради сохраненія его жизни, а съ цѣлю ея улучшенія (¹). Такъ зрѣніе существуетъ для того, чтобы животныя могли видѣть, такъ какъ они обитаютъ въ воздухѣ, водѣ и вообще въ средахъ прозрачныхъ; вкусъ для того, чтобы животное чувствовало пріятность и непріятность пищи, испытывало желанія и возбуждалось къ движенію; слухъ для того, чтобы оно само узнавало состояніе другихъ, а языкъ для того, чтобы другихъ передавать свои собственные состоянія.

26622

(¹) οὐ τοῦ εἶναι ἕνεκα, ἀλλὰ τοῦ εἶ.

ОПЕЧАТКИ

Напечатано:

Слѣдуетъ читать:

Стр.

17	отдѣлимая	отдѣлимая
19	надкрѣпляютъ	подкрѣпляютъ
21	εθ̄ ε̄ν	εφ̄ ε̄ν
23	всемъ	всѣмъ
—	или	и
24	она	онѣ
26	ихъ	изъ
33	души	душъ
35	Νῆσες	νηστις
37	не	на
41	бытіе	бытія
—	εῶ	τῶ
43	они	онѣ
44	ощущеніа	ощущенія
48	ενελεχεια	εντελεχεια
—	имѣютъ	имѣетъ
51	Филанкопа	Филиппона
56	движеніа	движеніе
57	движащіяся	движущіяся
61	тахъ	такъ

Складъ изданія у книгопродавца А. А. Дубровина въ Казани.